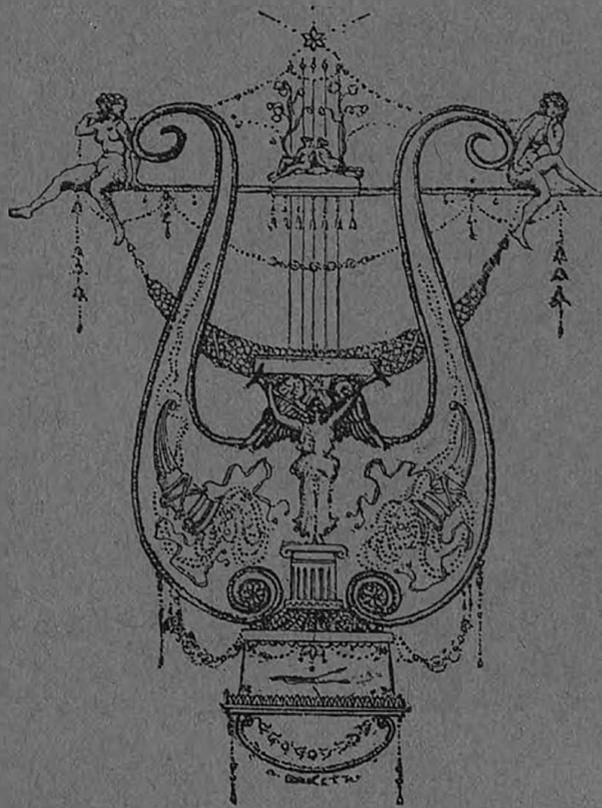

ЕЖЕГОДНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

СЕЗОНЪ 1902—1903

ПРИЛОЖЕНИЕ 1^е

ПРИЛОЖЕНИЕ 1е

ПІІІ

ЕЖЕГОДНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

Первая книга приложений.

Сезонъ 1902—1903 г.

Издание Дирекціи Императорскихъ Театровъ.

Редакція Л. А. Гельмерсена.

Петано по расгоряженію Министра Императорскаго Двора.

СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ.

Пьеса въ 4-хъ актахъ, Н. Тимковского.

Исполнена въ 1-й разъ въ Москвѣ, на сценѣ Императорскаго Малаго театра, 21 октября 1902 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Претуровъ, Дмитрій Кирилловичъ, присяжный повѣренный, 36—7 лѣтъ. *Г. Южинъ.*

Георгій, его братъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, 30 лѣтъ. *Г. Ильинскій.*

Римма, 23 лѣтъ. Сестра его. *Г-жа Рыжова.*

Серафима, 27 лѣтъ. Сестра его. *Г-жа Садовская 2-я.*

Варвара Ивановна, ихъ мать, 58 лѣтъ. *Г-жа Садовская 1-я.*

Гамбуриновъ, Леонидъ Ивановичъ, мужъ Серафимы, 42—3 лѣтъ. *Г. Садовскій.*

Назарьинъ, Филаретъ Степановичъ, инспекторъ женской гимназій, 40 лѣтъ. *Г. Рыбаковъ.*

Алевтина Семеновна, жена его, 41 — 2 лѣтъ. *Г-жа Оедотова.*

Евгенія Александровна, племянница его, подруга Серафимы по гимназій, 26—7 лѣтъ. *Г-жа Лешковская.*

Калеринъ, Всеволодъ Петровичъ, учитель математики, 28 лѣтъ. *Г. Оедотовъ.*

Саша, горничная Претуровыхъ. *Г-жа Таланова.*
Заусенскій—безъ рѣчей.

Къ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ.

1) *Дм. Претуровъ* — человекъ горячій, но съ большимъ самообладаніемъ и выдержкой. Иногда онъ готовъ вспылить, но подавляетъ въ себѣ вспышку и только нахмурится или поморщится, а если и вспылить, то скоро опять овладѣетъ собой. Онъ близко къ сердцу принимаетъ нужды своихъ родныхъ, но когда они ноютъ передъ нимъ, онъ ощущаетъ органическое нетерпѣніе. Это — дѣятельная, энергическая натура. Типичный холерикъ.

2) *Георгій*—красивъ и избалованъ. Видъ съ самаго начала—нѣсколько болѣзненный: отчасти—отъ безпорядочной жизни, отчасти—отъ вѣчнаго недовольства своей судьбой. Страдаетъ нервною раздражительной слабостью. Рѣзкія манеры, острая впечатлительность, легкая возбудимость.

Въ возбужденіи теревить и комкаетъ, что подъ руку попадется. Безпрестанно закуриваетъ, жадно затягивается, бросаетъ окурки и спички, куда попало. Становится ногой на мебель, — вообще, подобно Риммъ, и съ вещами, и съ людьми обращается небрежно. Въ 4-мъ актѣ преобразается: мягкій тонъ, вдумчивость, сдержанныя манеры.

5) *Серафима*—имѣетъ большею частью такой видъ, точно она удивлена и испугана. Она сама по своей волѣ какъ будто ничего не дѣлаетъ, а все точно „дѣлается съ нею“. Сама она никогда не знаетъ хорошенько, какъ ей надо поступать, что говорить, что думать; можетъ быть, отъ этого у нея часто бываетъ въ лицѣ словно виноватое выраженіе. Въ голосѣ слышится необыкновенная душевная мягкость, беспомощность и какая-то постоянная неопредѣленная тревога за себя и за близкихъ. Сидитъ съ такимъ видомъ, точно вотъ-вотъ ей надо вскочить съ мѣста и бѣжать скорѣе, чтобы не опоздать. Все куда-то торопится: сперва метнется въ одну дверь, а потомъ ужъ сообразить, что надо — въ другую. Она точно, какъ родилась на свѣтъ, такъ и растерялась разъ навсегда и безнадежно. Дѣтская ласковость, наивность и незлобивость.

4) *Рилма* — разговариваетъ нехотя, иногда почти съ отвращеніемъ. Въ ней все время чувствуется скрытое, накипавшее раздраженіе противъ всего на свѣтѣ. И въ манерахъ, и въ тонѣ есть что-то надменное, пренебрежительное. Въ 1 д., когда она выбѣгаетъ въ очкахъ Калерина, въ ней прорывается молодое желаніе повеселиться, подурачиться, но и это она дѣлаетъ скорѣе демонстративно, вызывающе, чѣмъ весело. Иногда (напримѣръ, во 2-мъ д., въ 5-мъ явленіи) ясно видно, что она измучена собственнымъ душевнымъ холодомъ, но обыкновенно она тщательно скрываетъ это ото всѣхъ. Часто въ ея голосѣ слышится злорадство (хотя она вовсе не зла по натурѣ): „все въ жизни скверно и будетъ еще сквернѣе“! Говорить она неторопливо, смѣется недобрымъ смѣхомъ. На вопросы отзывается не сразу, какъ будто сперва подумаетъ: „да стоитъ-ли разговаривать“?

5) *Варвара Ивановна*. Въ тонѣ и манерахъ иногда проскальзываетъ что-то вульгарное. Въ костюмѣ и движеніяхъ видна безалаберность. Ребячески падка на сласти, порой ребячески обидлива, ребячески легковѣрна. Вполнѣ серьезная сторона ея жизни это—ея чувство къ Георгію и все, что связано съ нимъ: здѣсь она переживаетъ серьезную душевную драму.

6) *Талибуриновъ*—по натурѣ уменъ и талантливъ. Былъ когда-то даже блестящъ. Теперь поистасканъ, хотя слѣды прежней красоты еще оста-

лись. Здоровый сангвиникъ, съ богатой шевелюрой. Кое что усвоилъ изъ забулдыжныхъ манерь. Онъ какъ будто не живетъ „въ сурьезъ“, а исполняетъ изъ любви къ искусству различныя роли. Тонъ всегда и со всѣми—одинаково добродушный, съ примѣсю шутовства. Движенія — размашистыя, китель разстегнуть. Его появленіе вноситъ съ собой волну веселой, шальной, безшабашной жизни.

7) *Назарыны*—Назарыни имѣетъ серьезную, внушительную наружность. Онъ былъ не глупъ, но ставъ инспекторомъ и женившись, поглупѣлъ. Влюбленъ въ жену и въ себя самого, жена влюблена въ себя и въ мужа. Она любитъ мужа, но въ то же время держитъ его подъ башмакомъ. Оба „лоснятся самодовольствомъ“ и все стремятся поставить себя и другъ друга на пьедесталь.

8) *Евгенія Александровна*—сначала бодрa, весела, даже задорна. Видно, что отъ работы и бѣготни еще не устаетъ. Тонъ — энергичный, походка и посадка—какъ у человѣка, полного силъ. За работу ухватилась съ непомѣрнымъ увлеченіемъ: точно хочетъ наверстать праздно проведенное время. Безпокойство и огорченіе пока еще только мимолетно проскальзываютъ по ея душѣ (съ *Варв. Ив.*: д. 1, явл. 9 и 12, и съ *Георгіемъ*—д. 1, явл. 10). Малодушная тревога быстро смѣняется въ ней негодующимъ протестомъ, твердою увѣренностью въ себѣ. Говоритъ въ 1 д. горячо, сильно, рѣзко (иногда, впрочемъ,—съ пренебреженіемъ сильнаго, увѣреннаго въ себѣ человѣка), скрещиваетъ руки, закидываетъ голову, принимаетъ вызывающій видъ. Словомъ, настроеніе ея—воинственное. — Во 2-мъ д. она и говоритъ, и смотритъ уже нѣсколько иначе. Тонъ 1-го д. здѣсь—только въ видѣ исключенія (конецъ 1-го и 2-го явл.). Въ сценѣ съ *Георгіемъ* (явл. 3) она уже судорожно обороняется: въ ней уже шевельнулась серьезная тревога за свою новую жизнь. Но въ тонѣ есть еще энергія: она еще скрещиваетъ руки и сурово сдвигаетъ брови. Жалкихъ нотъ въ голосѣ еще не слышно; но когда она выходитъ въ явл. 14, видно, что въ ней нѣтъ уже силы „прыгать“: лицо, голосъ манеры—все измѣнилось. Въ 3 д. (явл. 4-е) она взяла себя въ руки, она живетъ, „стиснувъ зубы“, загнавъ тревогу на дно души. За это время она много пережила, перемучилась и, собравъ всѣ силы, кое какъ утвердилась. Въ сценѣ съ *Назарыными* (явл. 4-е) она дѣлаетъ судорожныя усилія, чтобы удержать подъ собою почву. Здѣсь у нея вырываются уже прямо больныя ноты. Она чувствуетъ, что вотъ-вотъ оборвется, — и въ концѣ 7-го

явленія цѣпляется за Претурова. Когда въ этотъ моментъ входитъ Георгій, она испытываетъ почти ужасъ отъ смутнаго сознанія, что ее готова потащить на арканѣ, противъ ея воли, какая-то сила.—Въ 4-мъ д. она до самой послѣдней минуты не можетъ примириться съ мыслью, что *совсѣмъ* терлеть Претурова. Ей все хочется уцѣпиться... за что?—она сама не знаетъ. Оправдывая передъ Дм. Претуровымъ свою измѣну, она въ сущности хочетъ всѣми силами оправдать въ собственныхъ глазахъ поработившую ее слабость: хотя въ тонѣ ея звучитъ при этомъ какъ будто горячее, страстное убѣжденіе, чувствуется какъ будто внутренняя сила, но этимъ своимъ оправданіемъ Евг. Ал. въ глубинѣ души сама не вполнѣ вѣритъ. Когда передъ своимъ послѣднимъ уходомъ она переживаетъ мучительную душевную борьбу, то кажется, что къ ней можетъ еще вернуться прежняя сила, которая вырветъ ее „изъ петли состраданія“, что Евг. Ал., можетъ быть, и не уйдетъ отъ Дмитрія: до самаго своего послѣдняго слова: „прощай“! она еще не рѣшила окончательно.

9) *Калеринъ*.—Движенія осторожныя безъ надобности и нерѣшительныя, потому что онъ никогда не бываетъ увѣренъ въ себѣ. Иногда вслѣдствіе этого смущенно топчется на мѣстѣ или подхихикиваетъ, какъ глупый, хотя онъ далеко не глупъ. Когда онъ говоритъ о „мастодонтахъ“, о „не думаньѣ“ о томъ, что „всѣ мы — больные, порченые“..., видно, что онъ черезъ-чуръ много думалъ объ этомъ и что это—его больное мѣсто. Онъ вѣчно думаетъ о жизни вообще и о своей въ частности, вѣчно недоволенъ собой, все ждетъ, что вотъ-вотъ все какъ-то измѣнится и онъ станетъ здоровымъ, нормальнымъ. „Буравъ“ его—въ томъ, что онъ въ глубинѣ души не вѣритъ въ возможность для себя нормальной, здоровой жизни: онъ чувствуетъ, что слишкомъ привыкъ рефлексировать надъ каждымъ своимъ и чужимъ движеніемъ. Когда онъ жметъ руку Риммы, цѣлуется, играетъ въ лошадки и проч.—все у него выходитъ какъ-то нескладно, громоздко и некстати серьезно, — и все время онъ точно со стороны присматриваетъ за собой („инспекторъ“!). Вспыливъ, кричитъ жидкимъ голосомъ, противнымъ ему самому. Возволновавшись, долго не можетъ успокоиться и испытываетъ сердцебіеніе. Въ 3-мъ и 4-мъ д. онъ серьезно и сильно страдаетъ и въ отчаяніи цѣпляется за Римму и Претурова. Надо, чтобы въ разговорѣ съ Риммой (2 д., явл. 1) онъ заставилъ зрителя хоть на минуту подумать, что Калеринъ способенъ на серьезный,

рѣшительный шагъ. Въ 4-мъ д. онъ самъ, къ своему ужасу, убѣдился, что на такой шагъ онъ совершенно неспособенъ, и эта мысль окончательно придавила его.

Наружность у Калерина—вполнѣ приличная, довольно красивая, даже почти представительная. Костюмъ на немъ—почти новенькій, такъ какъ онъ аккуратенъ и бережливъ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Гостиная. Слѣво отъ зрителей—овальный столъ, накрытый цвѣтной скатертью; около него—мягкій диванъ и кресло. Направо—небольшой столъ, возлѣ него—стулья. Въ глубинѣ сцены (ближе къ правой сторонѣ)—кушетка, столикъ, стулья; слѣво отъ нихъ—шириочки.—Противъ зрителей (ближе къ лѣвой сторонѣ)—открытая, двустворчатая дверь; черезъ нее видны: часть корридора, открытая, двустворчатая дверь столовой, часть столовой, т. е. одно окно и часть круглаго стола, на которомъ стоитъ подносъ съ чайной посудой. Слѣво отъ зрителей, ближе къ авансценѣ—одностворчатая дверь, ведущая въ комнаты Варвары Ивановны, Георгія, Серафимы и Риммы; направо, въ глубинѣ сцены—дверь въ кабинетъ Дмитрія. По правой стѣнѣ—зеркало съ подзеркальникомъ.

1. Варвара Ивановна, Римма.

Варв. Ив. *раскладываетъ на столъ пасьянсъ; Римма, положивъ локти на столъ (направо отъ зрителей) и зажавъ уши типаетъ книгу.*

Варв. Ив. Я говорю, Римма,—я вотъ загадала: если пасьянсъ сойдется,—значить, Жорженька выиграетъ дѣло. (*Римма не слышитъ*). Римма! (*Та поднимаетъ голову отъ книги*). Да что это ты сидишь съ утра до ночи, зажавши уши, точно я не знаю что? Я тебѣ говорю, а ты не слушаешь.

Римма. Что слушать? Вѣчно одно и то же. Навѣрно, что нибудь про Жоржика?

Варв. Ив. Ну да. Я говорю: если пасьянсъ сойдется, значить, Жоржикъ выиграетъ дѣло.

Римма (*продолжаетъ типать*). Какое дѣло?

Варв. Ив. Правду сказала про тебя Дмитрій, что ты точно съ луны свалилась. Развѣ ты не знаешь, что Жоржъ сегодня защищаетъ растрату казенныхъ денегъ?

Римма (*разстлано*). Казенныхъ? Мм...

Варв. Ив. Ну да.. (*Смотритъ въ карты*). Вотъ если бы тутъ была дама, все бы и сошлось. (*Погружается въ пасьянсъ*). Римма, если Дмитрій будетъ спрашивать, куда ушла Серафима, ты смотри, не проговорись.

Римма (все такъ же). Мм...

Варв. Ив. Поди-ка сюда, взгляни, можетъ быть, я тутъ что нибудь напутала?

Римма (не глядя). Брось. Все равно, не сойдется.

Варв. Ив. Это почему?

Римма. Такъ всегда бываетъ въ жизни: ничего не сходится. (За сценой электрической звонокъ. Варв. Ив. прислушивается съ волненіемъ).

Варв. Ив. Глупости! Жорженька выиграетъ дѣло: онъ такъ хорошо говоритъ, такъ умѣетъ растрогать. По моему, онъ гораздо лучше говорить, чѣмъ Дмитрій, хоть Дмитрій и считается извѣстностью. Онъ какъ-то мало на сердце дѣйствуетъ, а Жорженька... Каждое его слово такъ въ душу и просится. (Входитъ Калеринъ въ учительской формѣ. Въ рукахъ у него книги и связка утешительскихъ тетрадокъ).

2. Калеринъ.

Калеринъ (кладетъ тетрадки на столъ подлѣ двери и подходитъ къ Варв. Ив.). Здравствуйте Варвара Ивановна. (Здоровается). Забѣжалъ прямо изъ гимназіи... на полчаса. Скоро опять на урокъ: къ Оболенскимъ. (Кладетъ книгу на столъ, за которыми сидитъ Варв. Ив.).

Варв. Ив. (слышавшая пассажемъ). Ну, значитъ надо напоить васъ чаемъ.

Калер. (Подходитъ къ Риммѣ). Здравствуйте, Римма Кирилловна. Сегодня у меня трудный день...

Варв. Ив. (увидя, что Римма, не открывая глазъ отъ книги, лѣнливо протягиваетъ Калерину руку) Римма, что же ты такъ здороваешься съ Всеволодомъ Петровичемъ... точно... точно я не знаю что? Тебѣ лѣнь даже поздороваться какъ слѣдуетъ? (Встаетъ и, увидя принесенную Калериннымъ книгу, перелистываетъ ее).

Римма. Конечно, лѣнь. Такъ надоѣдаетъ при каждой встрѣчѣ здороваться.

Калер. Римма Кирилловна еще въ гимназіи славилась своей лѣнью.

Варв. Ив. (смотря въ книгу). А, съ картинками?

Калер. Это была самая лѣнливая изъ моихъ ученицъ и самая способная.

Римма. Только не къ математикѣ. „Перпендикуляръ“... „Гипотенуза“... Какая мерзость!

Варв. И в. Вотъ Жорженька тоже не любилъ математики... Вы знаете, онъ сегодня защищаетъ растрату?

Калер. *(безразличнымъ тономъ)*. Да?.. Ну, давай Богъ... *(Подходитъ къ Варварѣ Ив.)*. Это я взялъ для Риммы Кирилловны изъ учительской библіотеки: „Вымершія чудовища“.

Варв. И в. Мы съ Жорженькой, бывало, все смотримъ вмѣстѣ картинки... Посмотри, Римма, какіе уроды. *(Римма подходитъ и заглядываетъ въ книгу)*.

Калер. Филаретъ Степановичъ хотѣлъ сегодня зайти къ вамъ.

Римма. Это вы вспомнили о немъ при словѣ „уроды“?

Варв. И в. Римма! ты забыла, что онъ старый товарищъ Дмитрія?

Калер. Римма Кирилловна еще въ гимназіи вѣчно сражалась съ Филаретомъ Степановичемъ.

Варв. И в. Ну, а я очень уважаю и его, и Алевтину Семеновну,— и потому...

Римма. Бр... какіе-то они плоскодонные. *(Калеринъ катаетъ укоризненно головой, но вмигъ съ пѣхъ не можетъ удержаться отъ смѣху)*.

Варв. И в. Римма?! Нѣтъ, она становится просто невозможной. *(Уходитъ въ столовую, тамъ поворачиваетъ на лѣво и скрывается)*.

Калер. Хотите знать самую свѣжую новость? Тамбуриновъ былъ съ визитомъ у Филарета Степановича.

Римма. Да мнѣ-то что?

Калер. Зачѣмъ, собственно, Тамбуриновъ нрѣхалъ?

Римма *(нехотя)*. Почему я знаю?

Калер. Неужели Серафима Кирилловна опять сойдется съ мужемъ?

Римма. Неужели и вы еще будете толковать мнѣ про это? Пускай ихъ сходятся, расходятся—какое мнѣ дѣло?

Калер. А вотъ относительно Евгеніи Александровны. Правду говорятъ, будто она?..

Римма. И про нее тоже прожужжали мнѣ всѣ уши сплетнями.

Калер. Но тогда... о чемъ же разговаривать?

Римма. Если не о чемъ, такъ лучше молчать. *(Пауза)*. Давайте играть въ блохи.

Калер. Съ удовольствіемъ.

(Римма достаетъ изъ ящика стола игру, снимаетъ скатерть, при темъ карты летятъ на полъ; Калеринъ складываетъ на столъ скатерть вдвое).

Калер. Я люблю эту игру: она какъ-то успокаиваетъ. Вотъ какое же успокоительное дѣйствіе я испыталъ, читая „Вымершихъ чудовищъ“: въ этихъ мамонтахъ, мастодонтахъ и всякихъ допотопныхъ существахъ столько здороваго спокойствія, здоровой непосредственности... Вамъ начинать: вы прошлый разъ выиграли. *(Нагиается игра)*. Лежить такая глыба—какой нибудь ихтиозавръ—по цѣлымъ днямъ на солнышкѣ и спокойно, неторопливо наслаждается своимъ существованіемъ.

Римма. Да, я тоже хотѣла бы лежать такъ просто и ни о чемъ не думать... Бейте.

Калер. А мы вѣчно думаемъ: вотъ, въ чемъ наше проклетіе... Вы очень высоко прыгаете: такъ не попадете... Развѣ мы съ вами—люди? Мы какіе-то нервные клубки. *(Саша вноситъ въ столовую самоваръ, ставитъ его на тотъ конецъ стола, который виденъ зрителямъ, и уходитъ. Варвара Ив. входитъ съ вазочкой варенья и нагиается готовить чай)*. Вотъ я сейчасъ только всего и прошелъ, что отъ гимназіи до васъ, а вѣдь сколько ощущеній пережили дорогой! Эта уличная пестрота, эти озабоченныя лица,—все это нервируетъ тебя, гонитъ куда-то... Все торопишься, все волнуешься,—и въ то же время такое ощущеніе, что все это ни къ чему, и вѣчно какой-то буравъ внутри... *(Прижимаетъ руку Риммы своею)*. Вы хотите бить моей блошкой?..

Римма. Да, я ошиблась. Пустите руку. *(Смотрятъ другъ на друга)*.

Калер. Больно?

Римма. Пустите же! *(Вырываетъ руку, встаетъ и ходитъ, тряся рукой)*. Какъ это глупо!

Калер. *(Смущенный и взволнованный)*. Будете играть?

Римма. Нѣтъ, надоѣло... Удивительно глупо!

Калер. А всего глупѣе то, что мы не умѣемъ быть глупыми...

Варв. Ив. *(входя)*. А Жорженьки все нѣтъ? Пойдемте чай пить.

Калер, *(увлеченный своею мыслью)*. Ахъ, если бы мы могли жить одними непосредственными впечатлѣніями, какъ дитя или даже какъ животное!..

Варв. Ив. Животное? Что это вы говорите?

Калер. Да, да! А главное: не думать, не думать, ни о чемъ не думать! *(Звонокъ, Варвара Ив. прислушивается, волнуется и потому говоритъ разстѣланнымъ тономъ)*.

Варв. Ив. Какъ это не думать? Это стыдно. Вамъ еще предстоитъ

цѣлая жизнь... Вы можете быть мужемъ, отцомъ. Какъ это не думать? (Входитъ Претуровъ въ адвокатскомъ фракѣ, съ портфелемъ. Варв. Мв., увидя, что онъ вошелъ одинъ, заглядываетъ въ дверь: не идешь-ли Георгій).

3. Претуровъ.

Претур. (къ Риммъ и Калерину). Здравствуйте, дѣти мои! Фу, какіе вы кислые. Точно васъ кто уксусомъ полилъ... (Здоровается съ Калеринымъ).

Варв. И в. (съ волненіемъ). Дмитрій, ты одинъ? Гдѣ же Жоржикъ?

Претур. (роется въ портфель). Онъ ускользнулъ отъ меня въ судѣ, какъ провинившійся школьникъ.

Варв. И в. Что же онъ—выигралъ дѣло?

Претур. Нѣтъ, проигралъ.

Варв. И в. Какъ?!

Римма (матери). Ну, вотъ видишь. (Калерину). Пойдемте: мама сейчасъ будетъ нить. (Беретъ его подъ руку).

Калер. (Претурову). Филаретъ Степановичъ собирается къ вамъ сегодня.

Претур. (насмѣшливымъ тономъ). А, 'Филаретушка? И съ супругой, конечно?

Римма (Калерину). Опять про Филарета!.. Пойдемте же: я хочу чаю.

Калер. (увлекаемый Риммой), Онъ около 4-хъ хотѣлъ.

Прет. Милости просимъ. (Римма и Калеринъ уходятъ. Претуровъ укладываетъ часть вынутыхъ бумагъ въ портфель, часть оставляетъ на столѣ, беретъ портфель и хочетъ уйти. Во время слѣдующихъ за этой сценою Римма и Калеринъ два-три раза появляются у того конца стола, который виденъ изъ зрительнаго зала; Калеринъ наливаетъ себѣ чай, потомъ разбавляетъ его, потомъ наливаетъ Риммѣ).

Варв. И в. Куда ты?

Претур. Хочу снять съ себя этотъ хомутъ.

Варв. И в. (съ нотой раздраженія). Такъ скажи мнѣ сначала толкомъ про Жоржика!

Претур. (нетерпеливымъ тономъ). Я уже сказалъ: твой Жоржикъ съ трескомъ провалилъ дѣло... и я очень радъ этому.

Варв. И в. (съ негодованіемъ). Ты радъ?

Претур. Отъ всей души!.. Авось, въ другой разъ онъ поостережется брать на себя подобныя дѣла.

Варв. И в. Ты просто злишься на него за то, что онъ взялъ дѣло не отъ тебя, а со стороны. Тебѣ хочется, чтобы ничего безъ тебя не обходилось.

Претур. Нѣтъ, я бы предпочелъ, чтобы Георгій обходился безъ моей поддержки; но нѣжна ямамочка съ дѣтства такъ приучила его къ помочамь...

Варв. И в. А я тебѣ скажу, что если Жорженькѣ приходится братья за такія невыгодныя дѣла...

Претур. „Невыгодныя“? Я бы сказалъ: „некрасивыя“.

Варв. И в. Все равно!

Претур. Гм!

Варв. И в. Ты же первый виновать въ этомъ.

Претур. Вотъ какъ? *(Кладетъ портфель)*. Мнѣ это любопытно послушать.

Варв. И в. Да,—потому что ты слишкомъ мало давалъ ему практики, и онъ не могъ приобрѣсти опытности.

Претур. А мнѣ думается,—я давалъ ему практики больше, чѣмъ онъ того заслуживаетъ по своей безалаберности.

Варв. И в. Я знаю, ты вообще слишкомъ низкаго мнѣнія обо всѣхъ... да, обо всѣхъ, кромѣ...

Претур. Кромѣ самого себя? Ты это хочешь сказать?

Варв. И в. Да... и еще кромѣ этой твоей... помощницы.

Претур. У меня нѣтъ помощницы.

Варв. И в. Ха! А Евгенія Александровна, изъ-за которой у тебя съ Назарынымъ вышли...

Претур. Она переписываетъ для меня на ремингтонѣ—вотъ и все.

Варв. И в. Однако ты Риммѣ не далъ переписывать, а взялъ чужую?

Претур. Наша Риммочка безалаберна не менѣе Георгія.

Варв. И в. Чѣмъ Евгенія лучше?

Претур. Тѣмъ, что она лучше дѣло дѣлаетъ.

Варв. И в. Терпѣть не могу этихъ кусочницъ!

Прет. „Кусочницъ?“ Вотъ еще словечко! *(Видитъ на полу карты и подбираетъ ихъ; потомъ собираетъ блохъ и прятетъ ихъ въ ящикъ стола)*.

Варв. И в. Да, вотъ тѣхъ, которыя все за кускомъ бѣгаютъ.

Прет. А ты бы, мама, хотѣла, чтобы кусокъ за нами бѣгалъ?

Варв. И в. Вѣчно глумится... точно онъ... точно, я не знаю что!..

Прет. Вѣдь и Серафима зарабатываетъ кусокъ хлѣба,—однако ты ничего противъ нея не имѣешь?

Варв. И в. Это большая разница.

Прет. Серафима даетъ уроки музыки, а Евгенія Александровна зарабатываетъ деньги стенографіей и ремингтономъ—вотъ и вся разница.

Варв. И в. А все-таки Серафима не кусочница, а та—кусочница.

Прет. Коротко, но не ясно.

Варв. И в. Кусокъ хлѣба—это для Евгеніи одинъ предлогъ.

Прет. То есть?

Варв. И в. Она въ домѣ дяди жила на семь готовомъ: значить, не за кускомъ она погналась.

Прет. То „кусочница“, а то—„не за кускомъ“. Вотъ и пойми тутъ! Мама, да ты лучше скажи: чѣмъ ты, собственно, недовольна?

Варв. И в. Всѣмъ!

Прет. Крайне коротко и крайне не ясно.

Варв. И в. Перестань вышучивать меня! Я заговорила о Жоржѣ, а ты свернулъ на нее...

Прет. Я свернулъ?

Варв. И в. Разумѣется!.. Должно быть, она для тебя милѣе родного брата, которому ты не желаешь даже помочь какъ слѣдуетъ... точно ты... точно ты...

Прет. Э, мама,—значить, опять пойдетъ про бѣлаго бычка? Бросимъ эту антимонію.

Варв. И в. Просто, ты хочешь дѣлать всѣ дѣла самъ, а Жоржу даешь, что похуже.

Прет. *(роется въ портфель, стараясь подавить закипающее раздраженіе)*. Ну, хорошо, хорошо. *(Звонокъ)*.

Варв. И в. *(волнуясь и прислушиваясь)*. И всегда бывало такъ: все самъ, вездѣ самъ! Точно ты... точно... ужъ я и не знаю что!

Прет. Ну, отлично, отлично... *(Входитъ Георгій во фракъ)*.

4. Георгій.

(Георгій въ этой сценѣ и въ слѣдующихъ колкается нещадно попавшуюся подъ руку книгу, становится погой на мебель, нервно закуриваетъ и бросаетъ окурки на полъ).

Варв. И в. *(бросаясь къ Георгію)* Жорженька, другъ мой, не огорчайси

ужь очень-то! (*Ласкаетъ его. Георгій тихонько отъ брата суетъ ей небольшой свертокъ*). Что это? (*Догадавшись*) Ахъ да, понимаю... Милый, да онъ не забылъ! (*Къ Претурову*). Вотъ какъ онъ любитъ свою мамочку: до меня ли ему теперь,—а все-таки... (*Ласкаетъ Георгія. Тотъ цѣлуетъ у нея руки*).

Прет. Это, конечно, мило съ его стороны, но ты, мама, забываешь, что докторъ запретилъ тебѣ сладкое.

Варв. И в. Ну, ты вѣчно ворчишь... Немножко черносливу — какая бѣда? (*Ласкаетъ Георгія*) Жорженька, ангелъ мой, не падай духомъ: со всякимъ бываетъ неудача... особенно у васъ въ судѣ.

Георг. (*цѣлуетъ руки у матери, больными голосомъ*). Нѣтъ, мамочка, тутъ что-то фатальное. Мнѣ никогда не будетъ удачи... никогда!

Прет. Ну, теперь пойдутъ причитанія.

Георг. Дмитрію повезло въ жизни,—вотъ ему и кажется все легкимъ; а мнѣ..

Варв. И в. Конечно, онъ не понимаетъ тебя, какъ сытый—голоднаго. (*Встаетъ термосливъ*).

Прет. Что такое значить: „повезло?“ Не мнѣ повезло, а самъ я всегда везъ на себѣ тяжесть жизни; ты же предпочиталъ, чтобы за тебя везли другіе, а самъ въ это время сидѣлъ на возу. Ты слишкомъ привыкъ къ тому, чтобы за тебя думали и заботились другіе.

Георг. (*съ внезапной вспышкой*). Нѣтъ, не привыкъ!.. И не могу привыкнуть, потому что эти „другіе“ за свои заботы безпрестанно давятъ меня своимъ превосходствомъ, унижаютъ! За свои попеченія ты вѣчно вытягиваешь изъ меня душу!..

Прет. Какъ же ее не вытягивать, если она у тебя коротка?..

Георг. Видишь, мама, какъ онъ издѣвается надо мной?

Варв. И в. Что же дѣлать, Жорженька? Надо терпѣть, пока самъ на ноги станешь. Для него что братъ, что не братъ—все равно... Участвія отъ него не жди: скорѣе высмѣетъ тебя.

Прет. Да?.. Спасибо на добромъ словѣ! Значить, мои долготнѣи заботы о васъ ничего не доказываютъ?

Георг. (*колкаетъ книгу*). Мы твои заботы цѣнимъ—только зачѣмъ ты непремѣнно требуешь, чтобы всѣ были такими же, какъ ты, и никого, кромѣ себя, не признаешь.

Прет. Съ чего ты взялъ? Я тебѣ вовсе не обращаю... Пускай Дмитрій Претуровъ остается Дмитріемъ, а Георгій—Георгіемъ.

Георг. А что же дѣлать этому Георгію, если онъ родился подъ такой несчастной звѣздой, что обреченъ всю жизнь быть неудачникомъ?

Прет. Такихъ звѣздъ, милый другъ, насколько мнѣ извѣстно изъ астрономіи, на небѣ не существуетъ. Какая, напримѣръ, звѣзда заставила тебя взяться за защиту этого прохвоста Шмурыгина?

Георг. Почему же непременно „прохвоста?“ Мой клиентъ увлекся просто по слабохарактерности... Впрочемъ, я знаю, ты не прощаешь никакихъ слабостей.

Варв. И в. (*Георгію*). Онъ самъ неспособенъ увлекаться,—потому и...

Георг. Ну, мама, это еще неизвѣстно. (*Многозначительно*). Кажется, и онъ способенъ...

Варв. И в. (*Съ выразительными вздохами*) Положимъ, что... (*Шептается съ Георгіемъ*).

Прет. Ну, меня вы пока оставьте: я вѣдь еще не подсудимый. (*Георгію*). Твой клиентъ систематически обкрадывалъ казну, чтобы кутить съ пѣвчками, а семью свою чуть не уморилъ съ голоду. Я называю это низостью. А ты?

Георг. Тебѣ бы быть не адвокатомъ, а прокуроромъ.

Варв. И в. Вотъ это пожалуй.

Прет. Вы такъ думаете? Жаль! А я только что собирался сказать рѣчь въ защиту Георгія Претурова.

Георг. Какъ это.

Прет. Я хотѣлъ сказать приблизительно слѣдующее: Гг. присяжные засѣдатели! Мой братъ защищалъ сегодня подсудимаго такъ плохо именно потому, что его самого тошнило въ глубинѣ души отъ этой нравственной слякоти. Онъ отлично понимаетъ, что потворствовать подобнымъ слабостямъ и оправдывать ихъ нельзя,—иначе онъ разрастется, какъ злокачественная опухоль, и сгоняетъ въ челоуѣкъ все здоровое, сильное, свѣтлое...

Георг. Пстой! Подсудимый просить слова... Ты правъ... Ты всегда правъ... Я не могу спорить съ тобой: у меня нѣтъ твоей самоувѣренности...

Прет. Вѣрить въ себя не значитъ быть самоувѣреннымъ.

Георг. Ты вѣришь въ себя, а я не вѣрю. Впрочемъ, я не то хотѣлъ сказать. Да, я внутренно растерялся,—это ты вѣрно говоришь. Я начинаю хвататься безъ разбору, за что попало; я утрачиваю нравственную безгливость—и падаю все ниже и ниже въ собственныхъ глазахъ... Ахъ, развѣ я не сознаю, до чего я самъ малодушенъ, жалокъ, ничтоженъ!

Варв. И в. *(стараясь успокоить его)*. Да что ты, Жорженька,—Богъ съ тобой! вовсе же нѣтъ!.. Ты—такой умный, талантливый.

Георг. Если, мамочка, и есть у меня умъ, то развѣ затѣмъ только, чтобы сойти съ него.

Прет. *(хлопая брата по плечу)*. Ну.. вотъ что! Баста, Георгій! Нечего хныкать! Лучше надѣлай еще глупостей, только не расслабляй себя этими самобичеваніями. Что было, то было: плюнь на прошлое и начинай съ легкимъ духомъ заново. Просто скажи себѣ: „Теперь я начну по-новому“,—да и расправь хорошенько крылья. Ну, давай мнѣ свою руку—и пошлемъ къ черту уныніе! *(Держитъ руку Георгіа въ своей)*. Вонъ и пальцы похолодѣли! Э-эхъ! Смотрю иногда на тебя, на Римму, на Серафиму, на всѣхъ васъ,—и мнѣ такъ хочется схватить васъ всѣхъ въ охапку, прижать къ себѣ, согрѣть васъ, вдохнуть въ васъ силу, бодрость, одушевленіе!.. *(Звонокъ)*.

Варв. И в. Вотъ что хорошо, то хорошо!

Георг. *(Избѣгая смотрѣть на брата)*. Да, я знаю: ты—великодушный!.. Тѣмъ хуже для меня... а можетъ быть, и для тебя.

(Видно, какъ Серафима вбѣжала въ гостіе корридора, видную публику, метнулась въ столовую и, заглянувъ, побѣжала къ гостиной).

Прет. Что это значить? Что за вредныя слова ты говоришь? *(Входитъ Серафима запыхавшись и стискиваетъ на ходу шляпку)*.

5. Серафима.

(Въ этой сценѣ и въ слѣдующихъ Серафима часто поправляетъ прическу, рохнетъ изъ головы шпильки, поднимаетъ ихъ и вставляетъ въ волосы).

Сераф. Мамочка... *(Увидя Претурова, останавливается въ смущеніи)*.

Прет. *(Внимательно всматривается въ ея лицо)*. Серафимочка, откуда вы пожаловали?

Сераф. Я... *(Не знаетъ что сказать)*.

Варв. И в. *(какъ бы подсказывая ей)*. Ты вѣдь, кажется, хотѣла въ музыкальный магазинъ?

Сераф. Да,—я...

Прет. *(подходитъ къ ней и беретъ ее за голову)*. Взгляни-ка на меня.. Глаза заплаканы.. Гм! *(Серафима опускаетъ голову)*. Ты у мужа была,—да? *(Серафима молчитъ; Претуровъ смотритъ на нее, попомъ на мать)*. Скажите мнѣ на милость: какаѣ вамъ надобность обманывать меня?

Варв. И в. *Вовсе не обманывать, а просто... (Серафима, бросивъ на кресло шляпку, подходитъ къ Георгію и съ волненіемъ рассказываетъ ему; тотъ разсѣянно слушаетъ ее).* Я ей говорила, что лучше бы не ѣздить... хотя Леонидъ вовсе не такой ужъ дрянной, какъ ты думаешь. Вѣдь правда, Жорженька? *(Георгію нетерпѣливо поводитъ плечомъ).*

Прет. Этотъ Леонидъ цѣлыхъ семь лѣтъ мучилъ Серафиму и всѣхъ насъ своимъ безобразнымъ поведеніемъ, за которое онъ былъ даже выгнанъ со скандаломъ изъ полка,—а теперь вдругъ оказывается...

Варв. И в. Тошно мнѣ смотрѣть на Серафиму—вотъ что. Ну, ты добился своего: она ушла отъ мужа... Теперь ни жена, ни вдова, ни разводка... Треплется по урокамъ, точно... точно... Тьфу!

Прет. Да не ты ли первая радовалась тогда, что Серафима получила, наконецъ, возможность жить по человѣчески, безъ мытарствъ и униженій? А теперь объ вы... Я, наконецъ, не понимаю ни тебя, ни Серафиму!

Сераф. *(умоляющимъ и примирительнымъ тономъ).* Не сердись, Митя: вѣдь онъ здѣсь проѣздомъ только. Онъ говорилъ, что у него есть какое-то важное дѣло для Жоржика. *(Спохватившись).* Ахъ, что я! Вѣдь это секретъ!

Прет. Опять секреты?

Варв. И в. Слышишь, Жорженька?

Прет. Ну, я и Жоржу не совѣтовалъ бы видѣться съ нимъ, особенно по секретнымъ дѣламъ.

Георг. Я и самъ не имѣю ни малѣйшаго желанія. Но только къ чему эта опека?

Прет. Если тебѣ хочется попасть вмѣстѣ съ Тамбуриновымъ на скамью подсудимыхъ...

Георг. Да что у тебя за страсть во все вмѣшиваться?

Варв. И в. Всегда и во все!

Прет. Удивительные вы люди: когда я оставляю васъ въ покоѣ, вы обвиняете меня въ безучастіи, а когда я позволяю себѣ вмѣшиваться, вы начинаете кричать, что я—деспотъ. Одно изъ двухъ: или не прибѣгайте къ моей помощи, или...

Георг. Ты, кажется, хочешь упрекнуть насъ съ мамой кускомъ хлѣба?

Прет. Коротка у тебя душа, Георгій;—чертовски коротка!

Сераф. *(Умолля)* Митя, Митя!

Варв. И в. *(Съ негодованіемъ).* Вотъ онъ всегда такъ!

Георг. Мы съ мамой, наконецъ, не хотимъ быть въ твоихъ рукахъ какими-то марионетками! Ты пользуешься нашей матеріальной зависимостью... (Звонокъ).

Прет. Георгій, это низко!

Георг. Ты третируешь насъ, какъ... (Съ ожесточеніемъ швыряетъ книгу на полъ). Что я, наконецъ, мальчишка, что-ли? (Голосъ у него срывае́тъ). Мамочка, дай мнѣ чаю у меня въ горлѣ пересохло. (Взвинченный, поропливо уходитъ).

Варв. Ив. Жорженька и такъ разстроены, а ты... Стыдно! (Уходитъ за Георгіемъ, въ корридоръ у дверей встрѣчается съ Сашей, идущей докладывать; видно, что она спрашиваетъ у горничной: къ кому пришли? Саша указываетъ на Дмитрія Кирил.—Варвара Ив. скрывается въ столовой).

Сераф. (обнимаетъ его). Митя, голубчикъ, не огорчайся: вѣдь мы же всѣ любимъ тебя...

6. Саша.

Саша. Баринъ, васъ тамъ спрашиваютъ.

Прет. Кто?

Саша. По дѣлу пришли.

Прет. Хорошо. Сейчасъ. (Саша уходитъ, подобравъ по дороге книгу и окурки, брошенные Георгіемъ).

Сераф. Ты не сердись на Жоржа: онъ въ послѣднее время какой-то странный.

Прет. (овладѣвъ собой) Ну, бросимъ это. Зачѣмъ Тамбуриновъ пріѣхалъ изъ Минска? Онъ опять хочетъ опутать тебя?

Сераф. Нѣтъ. Митя,—что ты! Развѣ это возможно? Между нами давно все кончено...

Прет. Такъ пойми же хорошенько, Серафима, что мы не должны имѣть ничего общаго съ нимъ. Твой Леонидъ внесъ растлѣвающее вліяніе въ нашу семью. Дай мнѣ слово, что ты больше не увидишься съ нимъ и ничего не будешь скрывать отъ меня. (Звонокъ).

Сераф. Честное слово, Митя! Мнѣ стыдно, что я потихоньку отъ тебя... Я какъ-то потеряла голову... Прости меня, Митя! (Обнимаетъ его и платитъ).

Прет. (Гладя ее по волосамъ). Ну, полно, Серафимочка! Поди умойся и будь молодцомъ. Полно, полно!

(Входитъ Еве. Александровна съ портифелемъ, свернутымъ въ трубку).

„Сильные и слабые“.

Пьеса Н. Тимковского.

Декорация 1 акта.

7. Евгенія Александровна.

Евг. Ал. Здравствуйте, Симочка! *(Цплуется съ Серафимой)*. Что это значить? Опять на глазахъ сырость? *(Не глядя на Претурова, ласково протираиваетъ ему руку)*.

Прет. *(Продолжительно пожимаеиъ ей руку)*. Это значить,—мы были въ гостяхъ у муженька.

Евг. Ал. *(къ Серафимъ)*. Какъ?

Прет. Распеките ее за это,—а меня тамъ ждуть кліенты. *(Беретъ портфель)*.

Сераф. *(сморкается, потомъ вынимаетъ изъ мѣшека пузырькъ и нюхаетъ)*.

Евг. Ал. Переписки много?

Прет. Нѣтъ, не особенно. Вотъ, я отобралъ для васъ. *(Подаетъ ей бумаги, которыя онъ не уложилъ въ портфель; Евг. Ал. просматриваетъ ихъ)*. Вы вѣдь прямо изъ суда? Такъ вы сначала отдохните хорошенько. Слышите?

Евг. Ал. *(шутливо)*. Слушаю-сь! *(Претуровъ уходитъ)*.

Сераф. *(виноватымъ и разслабленными голосомъ)*. Женичка...

Евг. Ал. *(поворачиваясь къ ней)*. Побывала-таки? Не выдержала характера? А еще вчера только хвасталась передо мной... *(Хлопаетъ ее въ шутку портфелемъ)*. Симочка, мнѣ хочется побить васъ за это.

(Георгій, переодѣтый въ домашній костюмъ, выглядываетъ въ дверь, потомъ входитъ. Серафима дѣлаетъ движеніе, чтобы уйти).

Евг. Ал. *(удерживая ее)*. Подожди.

(Звонокъ. Варв. Ивановна торопливо проходитъ изъ столовой въ переднюю).

8. Георгій.

Георг. *(къ Евг. Ал.)* Я искалъ васъ въ судѣ, но вы точно нарочно спрятались отъ меня.

Евг. Ал. *(съ надмѣнной пошкой)*. Я ни отъ кого не прячусь.

Георг. Вы сердитесь на меня за то, что я взялся защищать такое дѣло? *(Евг. Ал., чтобы не сглядѣть на Георгія, разсматриваетъ бумаги.— Пауза. Саша проводитъ Заусенскаго по корридору къ комнатѣ Георгія)*. Вы сейчасъ нарочно удерживали Серафиму, чтобы не быть со мной на-

единѣ. Я видѣлъ это... *(Серафима хочетъ уйти; Евг. Ал. удерживаетъ ее. Входитъ Варв. Ив. въ ажитаціи. Серафима видится на своемъ платкѣ узелокъ и старается вспомнить что-то)*.

9. Варвара Ивановна.

Варв. Ив. Жоржъ, Жоржъ иди скорѣе: къ тебѣ клиентъ пришелъ! *(Саша проходитъ назадъ по корридору)*.

Георг. Ко мнѣ?

Варв. Ив. Къ тебѣ, къ тебѣ. Заусенскій какой-то... Должно быть, богачь: всѣ пальцы въ перстняхъ. Иди же скорѣе! *(Георгій торопливо уходитъ. Варв. Ив. слѣдуетъ за нимъ и, проходя мимо Евг. Ал., говоритъ ей сухо)*. Здравствуйте.

Евг. Ал. *(такъ же сухо)*. Здравствуйте.

Варв. Ив. *(выразительно вздохнувъ, уходитъ)*.

Сераф. Женичка, ты не сердись на маму: она...

Евг. Ал. *(поборовъ себя)*. Богъ съ ней! Скажи лучше: отчего ты такая трухлявая стала?

Сераф. Вотъ я никакъ не могу вспомнить, зачѣмъ я завязала узелокъ на платкѣ?

Евг. Ал. Брось свой узелокъ! Признавайся сейчасъ: о чемъ говорила съ мужемъ?

Сераф. Конечно, ему не легко теперь живется...

Евг. Ал. Ты ужъ разжалобилась? Смотри: увянешь опять!

Сераф. Нѣтъ, нѣтъ!.. Положимъ, я не такая стойкая, какъ ты... Ты вотъ ушла отъ дяди и стала жить одна.. въ одной комнатѣ. Я бы, кажется, умерла!

Евг. Ал. Эхъ, Симочка, неужели ты до сихъ поръ не можешь понять *(подшмаиваетъ оброненную Серафимой шпильку и вспавляетъ ей въ волосы)*, что на свѣтѣ нѣтъ ничего лучше независимости? Ты вотъ теперь даешь свои уроки музыки—и никому не обязана... А прежде ты...

Сераф. *(вскакивая въ волненіи)*. Господи, я и забыла, что у меня нынче урокъ! *(смотритъ на свои часы)*.

Евг. Ал. Ну, какъ тебя не бить послѣ этого?

Сераф. И часы остановились! Ахъ ты... Сколько теперь?

Евг. Ал. *(смотритъ на свои часы)*. Безъ четверти четыре.

Сераф. Боже мой, мнѣ въ половинѣ 5-го надо быть на урокъ! Да

еще надо этушь передъ урокомъ проиграть: вотъ для чего я узелокъ-то завязала! *(Хватаетъ шляпку)*.

Евг. Ал. Такъ иди-же скорѣй!

(Заусенскій проходитъ назадъ по корридору, направляясь къ кабинету Дмитрія Кирил.)

Сераф. *(суеться и волнуясь)*. Часы завести... Ну, все равно! Непременно опоздаю! *(Идетъ)*.

Евг. Ал. Умыться, смотри, не забудь!

Сераф. *(въ дверяхъ)*. Ахъ, Господи, что у меня за голова стала! *(Уходитъ. Евг. Ал. собираетъ бумаги и хотеть идти)*.

10. Евгенія Ал., Георгій.

Георг. *(входитъ съ истеричнымъ смѣхомъ)*. Ха, ха, ха! Я—„не настоящій“ Претуровъ! Я—поддѣльный! Я только братъ своего брата,—не болѣе! „Не настоящій“... Ха, ха!

Евг. Ал. Что съ вами?

Георг. Этотъ Заусенскій началъ рассказывать свое дѣло и назваль меня „Дмитріемъ Кирилловичемъ“. Я ему сказалъ, что я—„Георгій Кирилловичъ“... Онъ опѣшилъ, а потомъ говоритъ: „Такъ, значитъ вы не тотъ Претуровъ... не настоящій“... Какъ вамъ это нравится? „Не настоящій“... Ха, ха, ха!

Евг. Ал. Перестаньте такъ смѣяться.

Георг. Я говорю: „идите, если такъ, къ брату“—точно хотѣлъ сказать: „идите къ чорту“. Ха, ха!

Евг. Ал. Перестаньте же! Мнѣ непріятно васъ слушать.

Георг. Нѣтъ, вы поймите, сколько тутъ униженія: быть до 30 лѣтъ тѣнью своего брата, получать все изъ его рукъ, выслушивать его нотации...

(Серафима за сценой играетъ этушь).

Евг. Ал. Такъ уйдите отъ него—вотъ и все.

Георг. Уйти?

Евг. Ал. Да,—чтобы не быть „тѣнью своего брата“.

Георг. Но у меня для этого нѣтъ средствъ.

Евг. Ал. У меня не было ни копейки, когда я ушла отъ дяди.

Георг. Но поймите: я вѣдь не могу снимать „комнату отъ хозяйки“: никто изъ кліентовъ тогда не пойдетъ ко мнѣ, и я никогда не выбьюсь

изъ неизвѣстности. Здѣсь у меня, по крайней мѣрѣ, есть мѣсто, гдѣ я могу принять...

Евг. Ал. Ну, а по-моему, лучше жить въ какой-нибудь каморкѣ, терпѣть какую угодно нужду, чѣмъ...

Георг. Ахъ, неужели я этого не знаю!

Евг. Ал. Вы довольствуетесь только тѣмъ, что знаете это?

Георг. Вашъ тонъ такой жесткій... Прежде вы не такъ говорили со мной. Прежде вы были ближе ко мнѣ. За что вы вдругъ отвернулись отъ меня? Что произошло съ вами?

Евг. Ал. Слушайте... Было время, когда оба мы занимались нитьемъ... именно, занимались. Каждый день мы съ вами говорили о томъ, какая пошлая жизнь окружаетъ насъ, какъ безцѣльно и глупо проходятъ наши лучшіе годы, ныли, жаловались на судьбу — и продолжали жить по-прежнему. Мнѣ нравилось сидѣть съ вами у себя въ комнатѣ и осмѣивать подъ сурдинку дядюшку, тетюшку и всѣхъ ихъ добрыхъ знакомыхъ, всѣхъ этихъ милыхъ обывателей. А когда мы съ вами выходили къ этимъ обывателямъ въ гостиную, мы начинали говорить и дѣлать то же самое, что и они дѣлали, — и все шло по-старому. Вы все такъ же ласково журчали съ дядюшкой и тетюшкой, а они все такъ же приголубливали насъ. Я по-прежнему жила подъ опекой дядюшки, котораго такъ научилась презирать, по-прежнему была на положеніи барышни, которой нечего дѣлать въ жизни, потому что она ничего не смѣетъ и ничего не умѣетъ...

Георг. Потому что кругомъ море пошлости!

Евг. Ал. Постойте... Но вотъ пришелъ однажды вашъ братъ и сказалъ мнѣ просто: „да какъ вамъ не стыдно жить подъ опекой людей, которыхъ вы не уважаете? Уходите отъ нихъ и живите на свой страхъ и рискъ“. И мнѣ стало стыдно, и я ушла отъ нихъ...

Георг. А вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ меня, который любить васъ еще сильнѣе, еще горячѣе, чѣмъ прежде!

Евг. Ал. Оставьте! Это опять все та же слабость. Это все старое...

Георг. Пусть это слабость, — но что же мнѣ дѣлать, если я — такое жалкое, безпокойное, безсильное существо... если меня неудержимо тянетъ къ вамъ, какъ къ источнику силы?

Евг. Ал. Вы лучше поищите этого источника въ себѣ самомъ.

Георг. А если я весь полонъ вами? Если мое страстное обожаніе...

Евг. Ал. Вы по-прежнему хотите быть моей тѣнью? Когда же вы, наконецъ, станете человѣкомъ, а не чьей-либо тѣнью?

Георг. Въ вашихъ словахъ сквозитъ презрѣніе ко мнѣ... Я подозреваю, откуда оно въ васъ. Такъ говорить со мной послѣ всего, что было между нами,—это жестоко, это безчеловѣчно! Вы убиваете меня, вы по ключьямъ раздираете мое сердце!

Евг. Ал. Ахъ, это вѣчное нытье, эта постоянная ваша безпомощность, постоянное цѣплянье за другихъ! Меня, наконецъ, бѣсятъ всѣ эти упреки, вздохи, всѣ эти минорные звуки!.. *(Въ сердцахъ переписываетъ бумаги. Входитъ Претуровъ, переодѣтый въ домашній костюмъ).*

11. Претуровъ.

Прет. *(къ Евг. Ал.)*. Насилу спровадилъ эту шельму Заусенскаго. Онъ хочетъ всѣми неправдами оттягать домъ у жены и пустить ее по міру. Это—хищникъ 96-й пробы... *(Взглянувъ на братья)*. Что съ тобой? Тебѣ нехорошо?

Георг. Да, нехорошо... и въ головѣ, и въ сердцѣ... И вообще, все такъ скверно, что жить не хочется.

Прет. Да ты, должно быть, совсѣмъ боленъ? Дай пульсъ.

Георг. Ничего... Я обязанъ быть здоровымъ, спокойнымъ! Я долженъ зажимать себѣ ротъ, когда мнѣ хочется кричать отъ невыносимой боли... Я не смѣю даже поморщиться, если у меня все стонетъ внутри,—иначе меня ударятъ безжалостно по самому больному мѣсту! *(Евг. Ал. нервно и неперпльиво поводитъ плечами и отходитъ).*

Прет. Ты слишкомъ чувствителенъ.

Георг. И смѣшонъ въ твоихъ глазахъ? Да?.. Я знаю: вы, сильные, любите смѣяться... Ну, что-жь, будемъ и мы смѣяться! Ха, ха, ха!.. Будемъ веселы даже тогда, когда душа разрывается на части! Ха, ха! *(Уходитъ)*. Мамочка, будемъ веселы! Ха, ха! *(Уходитъ)*.

Прет. *(съ недоульнѣемъ смотритъ ему въ слѣдъ)*. Что съ нимъ? *(Затворяетъ дверь въ корридоръ и возвращается)*. О чемъ вы тутъ говорили?

Евг. Ал. *(съ ослрагепными лицомъ, погруженная въ свои мысли)*. Какимъ-то кладбищемъ вѣетъ на меня отъ него.

Прет. Э-э, мой другъ, — да вы съ нимъ не на шутку въ кислоту вѣхали! Вотъ это непростительно!

Евг. Ал. Да, непростительно! Старая, скверная привычка утопать

въ грусти. (*Встрижнувшись*). Ну, конечно! больше не буду киснуть! Мы должны подумать о томъ, какъ бы намъ его-то общими силами вытащить изъ этой „кислоты“. Онъ по уши увязъ въ ней! Знаете, что: нельзя ли поручить ему какой-нибудь серьезный, отвѣтственный процессъ, чтобы онъ захватилъ его всего?

Прет. Другъ мой, это довольно рискованно. Того гляди, провалить, чортъ его поberi!

Евг. Ал. А помните, какъ онъ въ прошломъ году отстоялъ Савельчикова? Его защитительная рѣчь была прямо великолѣпна.

Прет. Да, тогда онъ молодецки велъ себя. У него все зависитъ отъ настроенія, но настроеніе-то его очень ненадежно.

Евг. Ал. Во всякомъ случаѣ у него есть и умъ, и талантъ.

Прет. Ахъ, боюсь я, что ничего изъ его талантовъ не выдетъ. Знаете, бывають на балаганахъ такія многообѣщающія вывѣски: чего-чего тамъ ни нарисовано,—а войдешь туда, и окажется на повѣрку, что тамъ только изъ ружья палать, да мукой кого нибудь сверху обсыпають. Вотъ такими же многообѣщающими вывѣсками оказываются иногда такъ называемыя „талантливыя натуры“.

Евг. Ал. Послушайте,—мнѣ очень больно, что у васъ съ нимъ все время какіи-то натянутыя отношенія.

Прет. „Натянутыя“? Ха! Пожалуй, что и такъ. Я его тяну за собой, а онъ упирается. Отсюда—„натянутость“... Ха, ха!

Евг. Ал. (*зажимал ему ротъ*). Бездъ смѣху. Тутъ серьезный вопросъ. (*Претуровъ цѣлуетъ у нея руку*). Я не успокоюсь, пока мы не выведемъ его на дорогу. Поговорите съ нимъ по-хорошему. Вы умѣете говорить.

Прет. Но онъ не умѣетъ слушать. Его очень захвалили съ дѣтства. Мать держала его въ хлопоткахъ, хвасталась имъ, а разныя барыни восторгались его красотой и всякими его причудами. Ему вѣчно твердили: „Ты, Жорженька, умникъ, а кошка—дура“, -- и ничего другого онъ не желалъ слушать. Отецъ былъ человекъ больной, раздражительный; онъ одинъ не щадилъ Георгія, и изъ-за этого у родителей всю жизнь шла ожесточенная война, которая только обостряла... (*Вар. Изв. выглядываетъ съ дверь. Серафима за сценой переспиваетъ иерать*).

12. Варвара Ивановна.

Прет. Ты что, мама?

Варв. Ив. Я такъ. Вы тутъ вдвоемъ?.. А я думала... (*Скрывается*).

Евг. Ал. (*съ ораженными лицами*). Барвара Ивановна не терпитъ меня, и все въ чемъ-то подозрѣваетъ.

Прет. Э, свѣтъ мой ясный,—я вотъ всю жизнь живу съ мамой, всю жизнь забочусь о ней, и все-таки она косится на меня и тоже все въ чемъ-то подозрѣваетъ (*Беретъ руки Евг. Ал.*) Ну, а теперь прогоните съ своего лица тѣнь и слушайте, что я вамъ буду говорить.

Евг. Ал. (*шутливо*). Слушаю.

Прет. Прежде всего надо быть сильной...

Евг. Ал. Такъ.

Прет. ...имѣть бодрый духъ. Это—первое. Вотъ я загну вамъ палецъ... (*Загибаетъ у нея палецъ*). Чтобы быть сильной, надо быть здоровой. Это—второе. (*Загибаетъ у нея палецъ*).

Евг. Ал. Такъ.

Прет. А чтобы быть здоровой, не надо переутомляться. Это—третье, (*Загибаетъ палецъ*). А вы ведете себя скверно, отвратительно.

Евг. Ал. Ругаться стали?

Прет. Да какъ же! Утромъ—стенографія, потомъ—у меня ремингтонъ, вечеромъ урокъ даете... Непомѣрно тратите силы, сударыня.

Евг. Ал. Погодите, вотъ я расплачусь съ долгами, тогда...

Прет. Съ какими долгами?

Евг. Ал. Вы знаете, я ушла отъ дяди въ одномъ платьѣ. У васъ же пришлось взять займы.

Прет. Плюньте на это дѣло! Какіе между нами счеты?

Евг. Ал. (*горячо и упрямо*). Я должна отдать и отдамъ!

Прет. Ну, хорошо, хорошо. Другіе долги есть?

Евг. Ал. Есть.

Прет. Говорите: кому должны?

Евг. Ал. Зачѣмъ вамъ?

Прет. Хочу скупить ваши векселя и посадить васъ въ тюрьму.

Евг. Ал. За что такая жестокость?

Прет. За ваше упрямство. Я хочу помочь вамъ, а вы...

Евг. Ал. А я не хочу этого.

Прет. Адское самолюбіе!

Евг. Ал. Тутъ не самолюбіе.

Прет. Ну, такъ ложный стыдъ. Вы должны перепрыгнуть черезъ него.

Евг. Ал. Какъ это „перепрыгнуть?“

Прет. Кто хочетъ быть сильнымъ, тотъ долженъ умѣть перескакивать черезъ все ложное.

Евг. Ал. *(съ веселыми слѣхами)*. „Перескакивать“? Это мнѣ, право, нравится. Я уже, съ вашей легкой руки, перескочила черезъ дядюшку съ тетушкой, чувствую, что могу и еще черезъ многое перескочить.

Прет. Ну, такъ и прыгайте сразу черезъ всѣ барьеры? Охота вамъ вязнуть по колѣна въ разныхъ условностяхъ. Бросьте всякіе счеты со мной и перестаньте отдѣлять себя отъ меня.

Евг. Ал. Нѣтъ, нѣтъ... Вы сами же говорили: „Кто хочетъ быть сильнымъ, тотъ долженъ умѣть обходиться безъ посторонней помощи“.

Прет. „Посторонней?“ Повторите, что вы сказали! *(Звонокъ)*.

Евг. Ал. Не придирайтесь: я знаю, что слово „посторонней“, тутъ не подходитъ. Я хочу сказать только, что я и такъ ужъ слишкомъ многимъ обязана вамъ. А теперь я хочу быть обязанной во всемъ себѣ самой,—только себѣ. Понимаете? Чтобы не мнѣ помогали, а я сама помогала бы другимъ. Слышали?

Прет. Bravo, bravo! Предсказываю вамъ: вы сторите со скоростью шведской спички и будете гордиться тѣмъ, что совершили этотъ подвигъ безъ посторонней помощи. *(За сценой голосъ Назарьина)*.

На зар. *(за сценой)*. Все времени нѣтъ, Варвара Ивановна. Занять по горло!

Евг. Ал. *(вздвигнувъ оны внезапно)*. Дядюшка?

Прет. Да, я и забылъ предупредить васъ...

(За сценой голосъ Алевтины Семеновны: „Мой Ларенька такъ занятъ, такъ занятъ“).

Евг. Ал. Ну,—и тетушка! Я лучше пойду работать. *(Дѣлаетъ движеніе къ двери въ кабинетъ Претурова)*.

Претур. Нѣтъ, останьтесь, а то они будутъ думать, что вы боитесь ихъ.

Евг. Ал. *(подумавъ рѣшительно)*. Вы правы. Это съ моей стороны—слабость. Я останусь.

(Входятъ Варвара Ивановна, Назарьинъ, Алевтина Семеновна. Евг. Ал. прислоняется къ столу и скрестивъ руки, сползъ лицомъ къ Назарьинымъ).

13. Варвара Ив., Назарынь, Алевтина Семеновна.

Варв. Ив. Я такъ рада, такъ рада... Вотъ и Дмитрій тоже.

Назар. (здоровался съ Протуровыми). Здравствуй, дружище... Давно не видались. Весьма радъ.

Прет. ...тому, что давно не видались? (Здоровается съ Алевтиной Сем. Варвара Ив. неодобрительно качаетъ головой по адресу Претур.).

Назар. Ты все тогъ же: „для краснаго словца — какъ это говорится? — онъ не жалѣетъ ни матери, ни отца!“ (Какъ будто только что замыпивъ племянницу). А-а! Кого я вижу! „Племянница“, какъ говорить черный народъ... (Издали протягиваетъ ей руку. Евг. Ал. не прогаается съ мльста). Ну, поди же, поздоровайся!

Алев. Сем. (тоже какъ будто только что увидавъ Евг. Ал.) Женичба? (Бросается обнимаетъ ее).

Варв. Ив. Евгенія Александровна все больше у насъ...

Назар. Да? (Подходитъ къ Евг. Ал. съ протянутой рукой). Ну, здравствуй же! Здорова ли?

Евг. Ал. (холодно здоровался съ ними). Какъ видите. (Садится спиной къ Назарынымъ и просматриваетъ бумагу).

Варв. Ив. Садитесь, господа. Прошу покорно. (Назарыны усаживаются рядомъ; возлѣ нихъ—Вар. Ив.; Евг. Ал.—въ отдаленіи; около нея Претур., который тихонько разговариваетъ съ ней).

Алевт. Сем. (раскрываетъ свою рабочую корзинку и прищипывается вязать). Серафима Кирилловна дома?

Варв. Ив. (со вздохомъ). На урокъ побѣжала.

Наз. Жаль. Мы намѣревались побесѣдовать съ ней. (Вынимаетъ поризъ-сигаръ и хочетъ закурить папиросу).

Алев. Сем. (беретъ у него изо рта папиросу и бросаетъ). Ларенъка ты рѣшилъ бросить табакъ.

Наз. Да, правда. Человѣкъ созданъ не для того, чтобы отправлять себя никотиномъ.

Алев. Сем. (подаетъ ему коробку съ карамелью). Возьми карамельку.

Наз. Благодарю. (Беретъ карамельку и сосетъ. Къ Варварѣ Ив.). Георгій Кирилловичъ сегодня самъ не свой... какъ говорится.

Варв. Ив. Да, у него, бѣдненькаго, голова болитъ.

А л е в. Сем. Онъ вообще за послѣднее время какъ-то..

В а р в. И в. Ахъ, онъ такой нервный.

А л. Сем. Мы съ Ларенькой такъ любимъ его!..

Н а з. Да, у него добрая душа.

А л. Сем. Онъ у насъ прежде часто бывалъ, а теперь почему-то.. Впрочемъ, мы не осуждаемъ.. (*Очевидно съ намекомъ*). Намъ отъ души жаль его: онъ такой доврчивый, увлекающійся..

Н а з. Да, съ увлеченьцемъ, съ увлеченьцемъ. Ему необходимъ строгій режимъ—не только въ житейскомъ обиходѣ, но, такъ сказать, и въ головѣ, и въ сердцѣ.

А л. Сем. Я люблю, когда Ларенька такъ говорить.

Н а з. (*видимо по адресу племянницы*). Тѣ, которые утрачиваютъ этотъ умственный и нравственный режимъ, уподобляются вагону, сшедшему съ рельсъ..

А л. Сем. Ларенька, ты бы всталъ, походилъ по комнатѣ: вѣдь тебѣ моціонъ предписанъ. Можно и на ходу говорить.

Н а з. (*встаетъ*). Да, мнѣ предписанъ моціонъ.. какъ можно больше моціону; и я глубоко благодаренъ Алевтиночкѣ за то, что она напоминаетъ мнѣ объ этомъ. (*Ходитъ*).

В а р в. И в. Ахъ, вы съ Алевтиной Семеновной — такіе примѣрные супруги!

А л. Сем. (*наставительно*). Мы должны показывать примѣръ. Въ современномъ поколѣніи такъ все расшатано..

В а р в. И в. И всегда неразлучны. И всегда вы за работой! (*Киваетъ на работу Алевт. Сем.*).

А л. Сем. Минуту, когда я ничего не дѣлаю для своей семьи, я считаю потерянной.

Н а з. А то, что мы дѣлаемъ для исполненія своего семейнаго долга, мы дѣлаемъ для общества; а что дѣлаемъ для общества, то дѣлаемъ для всего человѣчества.

В а р в. И в. Прекрасно сказано.

А л. Сем. Конечно, можно и на ходу говорить...

Н а з. Къ сожалѣнію, теперь личный произволъ настолько въ модѣ, что даже люди зрѣлаго возраста позволяютъ себѣ легкомысленно играть священными понятіями, на которыхъ зиждется все...

В а р. И в. Слышишь, Дмитрій?

Прет. А не хотите ли вы, господа, чаю? (*Евг. Ал. сияется. Алевт. Сем. останавливаетъ работу и хотеть уничтожить племянницу взглядомъ*).

Назар. (*стопыривъ на Претур. послѣ паузы, многозначительно*). Да... я знаю тебя. (*Еще многозначительно*). А вотъ свою племянницу не узнаю.

Ал. Сем. (*со вздохомъ*). Я тоже...

Вар. Ив. (*качаетъ неодобрительно головой. Вбѣгаетъ Римма въ рукахъ Калерина, держа въ рукахъ его записную книжку и стараясь прочитать на ходу, что тамъ написано. Калеринъ гонится за нею, чтобы опилить книжку*).

14. Римма, Калеринъ.

Калер. Отдайте же! Развѣ можно читать чужія записныя книжки? (*Увидавъ Назарыныхъ, останавливается въ смущеніи, потомъ здороваются съ Алевтиной Семеновою и Евгеніей Ал.*)

Римма. Что,—напоролись на инспектора? (*Претуровъ сияется*).

Варв. Ив. Римма,—что за манеры! Что за выраженія?! (*Указываетъ на Назарыныхъ*). Да поздоровайся же наконецъ!

Римма. (*шинуя Назарыныхъ, подходитъ къ Евг. Ал. и цѣлуетъ ее*). Здравствуй, Евгенія!

Варв. Ив. (*указываетъ на Назарыныхъ*). Съ гостями, съ гостями поздоровайся!

Римма. (*насмѣшливо присѣдая передъ Назарыными*). Когда я вижу инспектора, я превращаюсь въ гимназистку.

Варв. Ив. Римма, ты можешь помолчать?

Римма. Могу... но не хочу. (*Назаринъ внушаетъ что-то Калерину*).

Ал. Сем. (*ядовито*). Позвольте нескромный вопросъ: сколько вамъ лѣтъ?

Римма. А вы умѣете играть на гребенкѣ?

Ал. Сем. (*съ презрительными недоумленіемъ*). Что это?

Римма. Когда бываетъ скучно, совѣтую играть на гребенкѣ. (*Смотритъ въ записную книжку*).

Алевт. Сем. (*пожимаетъ плечами*).

Варв. Ив. Римма, это изъ рукъ вонь!

Алевт. Сем. (*тономъ выговора*). Мнѣ никогда не бываетъ скучно.

Римма. *(гитаеъ)*. „Всего страшѣе то, что женившись человекъ какъ бы перестаетъ принадлежать себѣ“...

Калер. *(стараясь вырвать книжку, умоляющими тономъ)*. Отдайте же! Вѣдь мнѣ пора на урокъ!

Претур. Не задерживай его, Римма: вѣдь онъ еще не пересталъ „принадлежать себѣ“.

Римма. *(отдавая Калерину книжку и очки)*. Отлично, я провожу васъ. Вы идите впередъ, а я пойду сзади и понесу за вами ваши тетрадки *(Беретъ связку тетрадей)*.

Варв. Ив. Опять дурачество?

Назар. *(Риммѣ)*. Ну, я бы не совѣтовалъ вамъ такъ дурачиться: дѣвушка должна быть прежде всего скромна, — иначе ея доброе имл... *(Взглядываетъ на Евгенію Александровну)*.

Калер. *(Риммѣ)*. Да, — знаете: неловко. Будутъ смотрѣть, перешептываться...

Римма *(подививъ вспышку, вызывающими тономъ)*. Ну, я одна пойду. Вы идите по одному троттуару, я — по другому, — и мы будемъ разговаривать черезъ улицу. *(Идетъ съ тетрадями)*.

Варв. Ив. Римма, Римма!

Прет. Да пусть ее дурачится, если ей весело.

Калер. Полноте, Римма Кириловна, — ну, зачѣмъ это?

Римма *(всплывъ и гуть не плача, топаетъ ногоми)*. Вы трусь! Вы испугались своего инспектора!.. Богадѣлка! Просвирия! *(Швыряетъ тетради)*. Одна пойду! *(Уходитъ)*.

Варв. Ив. *(слѣдуя за ней)*. Римма! Сумасшедшая! *(Уходитъ)*.

Ал. Сем. *(съ глубокими вздохами)*. Ахъ!.. Впрочемъ, мы не осуждаемъ...

Назар. *(Калерину, который въ смущеніи поднимаетъ тетради)*. Всеволодъ Петровичъ, извините за замѣчаніе, но вамъ, какъ педагогу...

Калер. Филаретъ Степановичъ, я не могу сейчасъ разговаривать... Я слишкомъ нервированъ... Простите! *(Горопливо уходитъ, попомъ просовывается въ дверь)*. Извините, я забылъ проститься... До свиданья! *(Скрывается)*.

Назар. Ну, Дмитрій, теперь ты, надѣюсь, видишь достаточно ясно на своей сестрѣ плоды твоихъ теорій? Если бы насъ съ тобой не связывали старыя товарищескія отношенія, Римма не кончила бы у насъ въ гимназій.

Прет. Я не просилъ тебя ни о какихъ побряккахъ для нея. Да и вообще я долженъ тебѣ сказать: я не желаю, чтобы наши прежнія товарищескія отношенія меня или тебя къ чему нибудь обязывали.

Назар. (*оскорбленный*). Н-да, если такъ... Если ты отрекаешься...

Ал. Сем. Я понимаю, почему нашъ добрыйшій Дмитрій Кирилловичъ такъ торопится снятъ съ себя всякія дружескія обязательства... (*Съ удареніемъ*) именно теперь.

Прет. Что это за намеки?

Наз. Мы съ Алевтиночкой желали бы знать: по какому праву ты вторгся во внутреннюю жизнь нашей семьи, разрушилъ наши родственныя отношенія съ этой молодой особой (*указываетъ на племянницу*) и увелъ ее изъ нашего дома на улицу?

Прет. Что это, какія ты страсти говоришь, Филареть? „Разрушилъ“... „Увелъ“... „На улицу“... Прежде всего, эта молодая особа—давно уже совершеннолѣтняя, и сама можетъ отвѣчать за свои поступки...

Евг. Ал. (*встаетъ*). Я и отвѣчу сейчасъ. Никто не разрушалъ нашихъ родственныхъ отношеній по той простой причинѣ, что ихъ никогда и не существовало.

Ал. Сем. Каково, Ларенька?

Наз. (*съ негодованіемъ Евг. Ал.*). Ты смѣешь говорить это намъ, которые замѣняли тебѣ отца и мать?

Евг. Ал. ...и которые привыкли распорядиться въ моей душѣ, какъ у себя въ кладовой?.. Нѣтъ, довольно съ меня этой родственной опеки.

Наз. (*Претурову*). Это ты возстановилъ ее противъ насъ! Я все знаю!

Прет. Еще бы! Инспектору, да не знать?

Назар. Ты изподтишка подготовлялъ Евгению къ разрыву съ нами. Ты вбивалъ ей въ голову свои вредныя теоріи... Ты же и надоумилъ ее обучиться заблаговременно этой твоей стенографіи...

Прет. Любезный другъ,—жить своимъ трудомъ законами не воспрещено. (*Евг. Ал. слѣпется*).

Ал. Сем. Съ какихъ это поръ, душечка, ты стала такъ весела?

Евг. Ал. Съ тѣхъ поръ, какъ ушла отъ васъ.

Ал. Сем. ...и свила себѣ здѣсь прочное гнѣздо?

Назар. (*бурчитъ*). Ну, въ прочности я сильно сомнѣваюсь. „Стенографія“... гм!

Прет. (*сурово*). Опять какіе-то намеки?

Назар. Бросить родную семью и пресмыкаться въ чужой — это... это...

А л. Сем. Немножко странно... Да.

Евг. А л. Ну, а для меня родная семья тамъ, гдѣ я дышу свободно.

Прет. Подсудимая говорить не глупо.

Наз. (*Евг. Ал.*). Такъ значить, и ты тоже снимаешь съ себя всякія обязательства? Да?

Евг. Ал. Прошлого больше не существуетъ.

А л. Сем. Ты, дружокъ мой, поешь съ чужого голоса.

Наз. Родныхъ тебѣ не нужно? Хорошо. Такъ и запишемъ. Но ты, моя милая, забыла, что носишь нашу фамилію.

Евг. А л. Почему же она—ваша?

Наз. Потому что ты тоже, къ сожалѣнію, Назарьина, и мы не хотимъ, чтобы съ этой фамиліей соединилось представленіе о чемъ либо... мм... непорядочномъ.

А л. Сем. Или двусмысленномъ.

Наз. Да... или двусмысленномъ.

Евг. А л. Когда я слышу, какъ бранять инспектора Назарьина, мнѣ тоже бываетъ непріятно, что вы носите мою фамифію. Да что жъ тутъ подѣлаешь? (*Пренуровъ слытсся*).

Наз. (*запальливо*). Евгенія, всему есть, наконецъ, границы!

Прет. Такъ не выходи изъ нихъ, а лучше скажи толкомъ: чего же, собственно, ты отъ насъ хочешь?

А л. Сем. „Отъ насъ“!.. Слышишь, Ларенька? (*Георгій Кирилловичъ останавливается въ дверяхъ. Его не замѣчаютъ*).

Наз. Я не хочу, чтобы вы трепали мое честное имя на улицѣ! Этой своей стенографіей вы никого не обманете! Это — только для отвода глазъ!..

15. Георгій Кирилловичъ.

Георг. (*выступал*). Что вы подъ этимъ разумѣете?

А левт. Сем. (*ему*). Ахъ... дорогой мой, какъ мнѣ больно за васъ!

Наз. Вы бы первый должны были... Или вы вѣрите этой „стенографіи“?

Герг. Да скажите же мнѣ, наконецъ...

Наз. Да неужели вы одинъ ничего не видите, ничего не знаете? Въдъ вездѣ въ трубы трубятъ, что племянница Назарьина предпочла устроиться щедрыми милостями адвоката Претурова и для этого...

Георг. (съ угрожающими жестами). Гнусная клевета, за которую вы...

Прет. (удерживая его). Стой!.. Это касается меня.. (Подходитъ въ упоръ къ Назарьину) Филаретъ, твоя племянница—моя невѣста, а ты—совершенный болванъ! (Назарьины оплешевы. Георгій, пораженный, отступаетъ).

Ал. Сем. (растерянная, съ плохо скрытой злостью). Невѣста?.. Вотъ какъ!.. Кто бы могъ подумать?.. (Георгію). Такъ значить; вы.. (Увидя, что Георгію душно). Что съ вами? Что съ вами? (Георгій шатается. Претуровъ поддерживаетъ и усаживаетъ его. Входитъ Вар. Ив. и, увидя съ порога сцену, подбѣгаетъ съ крикомъ къ Георгію).

16. Варвара Ивановна.

Варв. Ив. Жорженьга!.. Господи!.. Что же это? Что съ тобой! Воды!.. (Метется).

Георг. (рветъ на себя галстукъ). Душить!.. Душить!.. (Назарьины многозначительно переглядываются между собой и бросаютъ пытливые взгляды на Претурова и Евг. Ал. Та стоитъ неподвижная, блѣдная, заломивъ руки. Претуровъ вопросительно взглядываетъ на нее).

Занавѣсъ.

АКТЪ ВТОРОЙ.

Вечеръ. Столовая. Противъ зрителей—два окна. Посреди комнаты круглый столъ; наъ нимъ висячая лампа съ электрическимъ звонкомъ. Наъво—буфетный шкафъ. Въ правомъ переднемъ углу—столикъ, возлѣ него кресло и стулъ. Три двери: въ гостиную, въ комнату Варвары Ивановны и въ кухню. На столѣ потухшій самоваръ и чайная посуда; только что отпили вечерній чай.

1. Претуровъ, Евгенія Ал.

(Претуровъ ходитъ по комнатамъ; Евгенія Ал., прихлебывая наскоро остывшій чай, просматриваетъ бумаги).

Прет. Не могу простить себѣ, что довѣрилъ Георгію такое отвѣтственное дѣло. Я говорилъ вамъ, что это рискованно. Теперь изъ-за него

человѣкъ идетъ въ ссылку. Свѣзжу сейчасъ къ предсѣдателю, посоветуюсь: нельзя ли помочь дѣлу? Здѣсь осудили невиннаго: въ этомъ я глубоко убѣжденъ. Поджогъ совершилъ не этотъ несчастный подмастерье, котораго нарочно спаивали, а самъ хозяинъ. Тутъ цѣлая шайка орудовала... Георгій надѣлалъ такихъ крупныхъ промаховъ!.. Онъ велъ себя на судѣ, какъ сумасшедшій... Пока онъ здѣсь, вблизи васъ, онъ органически не способенъ думать о чемъ бы то ни было. Неужели вы не видите этого?

Евг. Ал. Да, я вижу теперь.

Прет. Если видите, то вы должны вмѣстѣ со мной потребовать, чтобы онъ... (*Смотритъ на нее*). Вамъ тяжело сдѣлать это?

Евг. Ал. Да... Теперь, когда онъ такъ страшно упалъ духомъ, потребовать отъ него, чтобы...

Прет. Мнѣ самому тяжело это, но я знаю, что другого выхода нѣтъ, нѣтъ! (*Смотритъ на Евгенію Ал., которая сидитъ въ тяжелой задумчивости; потомъ подходитъ къ ней и кладетъ ей на плечо руку*). Женья, ты все сказала мнѣ о своемъ прошломъ?

Евг. Ал. (*вздвигнувъ*). Что это: допросъ?

Прет. Совсе нѣтъ. Зачѣмъ ты такъ насторожилась? Я люблю тебя такую, какова ты есть, и мнѣ нѣтъ дѣла до твоего прошлаго. Но, видишь ли, тутъ замѣшанъ мой братъ. Тутъ сплелся узелъ, который намъ надо во что бы то ни стало распутать...

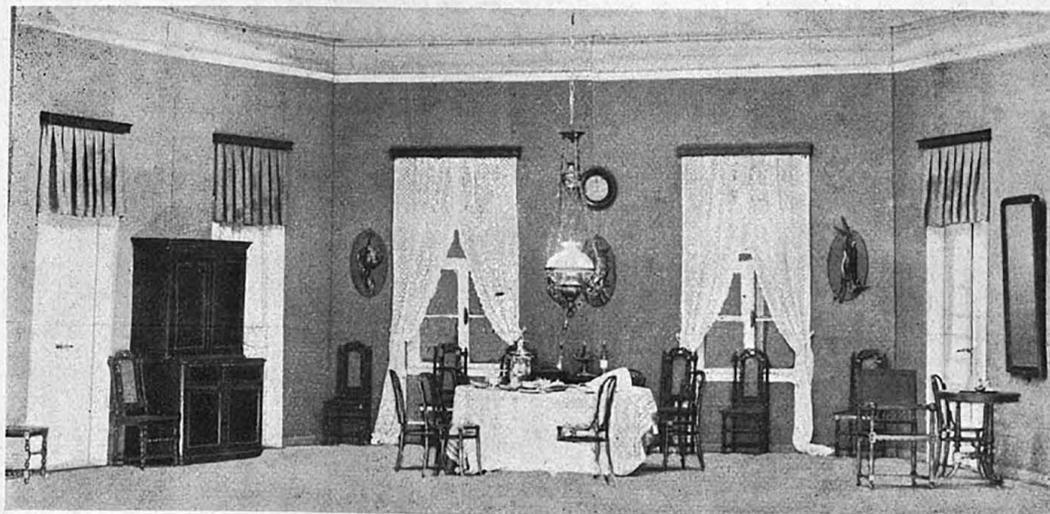
Евг. Ал. Тутъ нечего распутывать: этотъ узелъ надо сразу разрубить.

Прет. Согласенъ. Но только, видишь ли... Я знаю, что братъ давно любить тебя: знаю, что и ты его любила...

Евг. Ал. Не я, не я, а та, которая была годъ тому назадъ... и съ которой я не желаю имѣть ничего общаго! Я была тогда глупой и слабой, и всѣ мои чувства выросли изъ этой слабости, которую я теперь сама презираю... Да, я любила твоего брата, но теперь онъ возмущаетъ меня тѣмъ, что все еще сидитъ въ прошломъ, все еще продолжаетъ говорить старыя тоскливыя слова, отъ которыхъ у меня непріятно сжимается сердце. Мнѣ жутко... мнѣ страшно оглядываться назадъ: тамъ столько безполезной грусти, столько безплодной тоски и всякой слабости... Тамъ темно и скучно!.. Не заставляй же меня разбираться въ этомъ прошломъ, а то оно опять будетъ тянуться за мной, и опять я буду вязнуть въ немъ!..

„Сильные и слабые“.

Пьеса Н. Тимковского.

Декорация II акта.

Прет. О, если такъ,—то прошлаго больше не существуетъ! Похоронимъ его и поставимъ на немъ крестъ. Станемъ глядѣть только впередъ, въ наше свѣтлое будущее!

Евг. А л. Да, впередъ, впередъ!.. (*Беретъ руку Претурова*) Вѣдь я теперь совсѣмъ другая, совсѣмъ новая... и все во мнѣ новое: и жизнь, и взгляды, и любовь. (*Прижимаясь къ Претурову*). Скажи мнѣ, вѣдь ты будешь любить меня, что бы я ни переживала внутри, куда бы ни рвалась у меня душа? Вѣдь да, да?

Прет. Зачѣмъ спрашивать объ этомъ?

Евг. А л. Я сейчасъ такъ много переживаю... столько новаго, неяснаго... страннаго для меня...

Прет. Ты подѣлишься этимъ со мной? Можетъ быть, я помогу тебѣ разобраться?..

Евг. А л. Нѣтъ, мнѣ хочется пережить это одной... собственными силами.

Прет. Ты ужъ черезчуръ оберегаешь свою нравственную независимость, Женя.

Евг. А л. О, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы ты вѣрилъ мнѣ всегда, всегда и несмотря ни на что!

Прет. Другъ мой, да это само собой разумѣется!

Евг. А л. Чтобы всегда, всегда вѣрилъ! Мнѣ это страшно нужно, потому что... потому что... знаешь, иногда я сама себѣ не вѣрю!..

Прет. Ты должна вѣрить въ себя: въ тебѣ заложено такъ много силы. (*Тихо и ласково*). Слышите, что я вамъ говорю?

Евг. А л. Много силы? (*Припадая къ нему головой на грудь*). Я чувствую это, когда бываю съ тобой... И мнѣ, право, иногда досадно сознавать, что я эту силу какъ будто черпаю изъ тебя... да, изъ тебя... (*Вдругъ съ страстными порывами обнимаетъ и цѣлуетъ его, потомъ отталкиваетъ*). Теперь иди къ своему предсѣдателю.

Прет. Представь, мнѣ сейчасъ не хочется итти къ предсѣдателю. (*Цѣлуетъ ее*).

Евг. А л. Оставь... Войдутъ.

Прет. Пускай! (*Хочетъ обнять ее*).

Евг. А л. (*Увертываясь*). Э, э, да вы тоже поддаетесь слабостямъ? Идите, идите!

Прет. У меня есть только одна слабость: это—ты!

Евг. Ал. Фу! Даже въ глазахъ зарябило отъ такого остроумія.

Прет. Не хочется итти, да ничего не подѣлаешь... (*Быстро подходитъ къ Евг. Ал., крѣпко обнимаетъ ее и цѣлуетъ*). Надо къ председателю... (*Уходитъ. Евгенія Ал. идетъ къ выходной двери и смотритъ вслѣдъ Претпурову. — Серафима въ шапочкѣ, съ муфтой, выглядываетъ изъ двери, ведущей въ комнату Варвары Ивановны, потомъ идетъ къ двери, ведущей въ кухню*).

2. Серафима.

Евг. Ал. (*повертывается съ оживленнымъ лицомъ отъ двери и видитъ Серафиму*). Симочка, стой! Куда?

Сераф. (*рвется*). Не удерживай меня, Женя! Мнѣ надо...

Евг. Ал. Опять туда?! Къ мужу?!

Сераф. Да не могу же я!.. Вѣдь я обѣщала ему притти!

Евг. Ал. А брату дала слово, что никогда не пойдешь?

Сераф. Я не знаю, какъ это вышло: мужу сказала, что приду, а Митѣ поклялась, что не пойду... Что жъ мнѣ дѣлать, если они оба настаиваютъ? У меня не хватаетъ духу отказать. Я ужъ лучше съѣзжу къ нему... въ послѣдній разъ.

Евг. Ал. Нѣтъ, ты не поѣдешь. Я не пущу тебя.

Сераф. Но вѣдь онъ ждетъ меня! Вѣдь онъ звалъ проститься: они уѣзжаютъ!

Евг. Ал. И прекрасно: пусть уѣзжаетъ.

Сераф. Да понимаешь, я не въ силахъ усидѣть на мѣстѣ, когда меня ждуть! Я ужъ и сейчасъ вся изволновалась... Какъ только подходитъ срокъ, меня точно кто толкаетъ изъ дому, начинается какое-то безпокойство внутри, и я должна бѣжать, бѣжать!.. (*Смотритъ на часы*). Скоро восемь! Я пойду... (*Дѣлаетъ движеніе*).

Евг. Ал. Успокойся: срокъ давно прошелъ! (*Подходитъ къ ней и показываетъ ей свои часы*). Смотри! Твои, по обыкновенію, врутъ, или просто стоятъ.

Сераф. (*посмотрѣвъ на ея часы, прикладываетъ свои къ уху*). Что же это? Они остановились! Я опять забыла завести... Гдѣ у меня ключикъ? Неужели я потеряла? (*Ищетъ ключикъ въ карманъ и въ портъ-монэ*).

Евг. Ал. Ну, теперь, значить, ты можешь успокоиться. Иди, играй свою сонату.

Сераф. Фу... отлегло отъ сердца! (*Снимаетъ шапку и бросаетъ ее влѣпть съ муфтой*). Я даже рада, что это само собой вышло. Пойду играть. (*Идетъ и у дверей останавливается*). А вдругъ онъ все еще ждетъ меня? (*Вдругъ испугавшись*). Даже навѣрное ждетъ! (*Хватаетъ муфту, хотеть надѣть шапку*). Нѣтъ, я не могу играть!

Евг. Ал. (*отнимаетъ у нея муфту и шапку*). Ну, это наконецъ глупо! (*Толкая ее къ зеркалу*). Посмотри въ зеркало, какое жалкое лицо у тебя сейчасъ!

Сераф. Я знаю, тебѣ все это представляется ребячествомъ... Ахъ, я сама не понимаю, что это за странное чувство! (*Евгенія Ал. поправляетъ у нея прическу*). Вотъ я не хочу итти, говорю себѣ, что это глупо, что этого не надо,—а меня тянетъ и тянетъ! Ты думаешь, я люблю мужа? Да вовсе же нѣтъ! Ни капельки! Я и Митю, и тебя, и всѣхъ родныхъ люблю гораздо больше... Митю я просто обожаю! Я его такъ люблю, такъ... Съ мужемъ мнѣ одно мученье, а вотъ гонить меня какаля-то сила туда... точно кто насильно тащить и распоряжается мною... точно это колдовство какое!

Евг. Ал. (*задумливо*) „Насильно тащить“? Странное чувство.

Сераф. (*беретъ ея руку и прижимается къ Евг. Ал.*). Вотъ смотри, какъ я вся переволновалась! У меня сейчасъ и руки, и ноги дрожать. Я все ждала, когда уѣдетъ Митя: взяла потихоньку изъ передней шапку и муфту и все хотѣла проскользнуть черезъ кухню... (*Входитъ Георгій, взвинченный и какъ-то зловѣще-растерянный; лицо осунувшееся*).

3. Георгій.

Георг. (*избѣгая глядѣть на Евгенію Ал., проплывиваетъ ей руку*). Здравствуйте...

Евг. Ал. (*смотритъ на него тревожно и не безъ колебанія подаетъ ему руку*).

Сераф. Жоржикъ, здравствуй! (*Цѣлуетъ его*). У тебя лихорадка, должно быть? Прими хины. (*Георгій машетъ рукой*). Право, Жоржечка! Мама такъ беспокоится!

Георг. Ахъ, не приставайте вы ради Бога ко мнѣ со своими заботами!

Сераф. Да развѣ я... Грѣшно тебѣ, Жоржъ! (*Сдерживая слезы, идетъ*).

Е в г. А л. Ты идешь играть?

С е р а ф. Да.

Е в г. А л. Я посижу съ тобой. *(Собираетъ бумаги)*.

Г е о р г. Вы не въ состояніи дышать со мной однимъ воздухомъ?

С е р а ф. *(подходитъ къ Евгениі Ал. и обнимаетъ ее)*. Женя, голубчикъ, миленькая, останься, поговори съ нимъ! *(Сквозь слезы)*. Въдь онъ... въдь онъ... Поговори съ нимъ! *(Подталкиваетъ къ нему Евг. Ал. и поропливо уходитъ, оглядываясь на нее и брата)*.

Е в г. А л. Что вы мнѣ хотѣли сказать?

Г е о р г. Ничего, ровно ничего... *(Съ истерическими смѣхами)*. Какъ знатно я провалилъ дѣло сегодня! Ха, ха!.. Вы съ Дмитріемъ... съ своимъ женихомъ... все стараетесь исцѣлить меня работой: приставить мнѣ какую-нибудь мушкету, чтобы оттянуло болѣзнь... А я вотъ взялъ да и провалилъ дѣло... позорно, гнусно провалилъ!.. Наканунѣ того дня, когда мнѣ предстояло спасать на судѣ человѣка, я таскался съ разными посылками по ресторанамъ, одурманивалъ себя пьянствомъ, безобразнымъ, бессмысленнымъ... Мило,—а? Ха, ха!.. Вы думаете, мнѣ жалко подсудимаго, котораго погонять въ ссылку? Ни чуточки! Ужъ если всѣ вопросы жизни для меня выѣденнаго яйца не стоятъ, то... Ссылка, такъ ссылка, тюрьма, такъ тюрьма,—все на свѣтѣ безразлично! *(Серафима иеряетъ за сценой)*.

Е в г. А л. Такъ что для васъ ничего уже завѣтнаго въ жизни не осталось?

Г е о р г. Для меня осталась одна зіяющая пустота, въ которой безслѣдно тонетъ и добро, и зло, и правда, и ложь. *(Помолдавъ)*. Скажите: это мой братецъ запретилъ вамъ разговаривать со мной наединѣ?

Е в г. А л. Не считаю нужнымъ отвѣчать на подобные вопросы.

Г е о р г. Онъ и къ Серафимѣ васъ прикомандировалъ: я знаю это. Покорная слуга Митеньки, какой-то чиновникъ особыхъ порученій при немъ! Скоро вы станете его безгласной рабой... собаченкой, которой онъ будетъ говорить только: „пиль! тубо!“.

Е в г. А л. Вы сдѣлались невмѣняемы. *(Поворачивается и хочетъ уйти)*.

Г е о р г. Постойте! Вы не смѣете сейчасъ уйти отъ меня!

Е в г. А л. По какому праву вы такъ говорите со мной?

Г е о р г. По праву человѣка, котораго душить петля! Вы вмѣстѣ съ Дмитріемъ подкрались ко мнѣ и исподтишка накиннули мнѣ ее на горло. И теперь предоставляете мнѣ задохаться въ ней?

Евг. Ал. (*съ волненіемъ*). Вы обвиняете меня... Да развѣ я могла... Развѣ я виновата въ томъ, что...

Георг. Вы измѣнили мнѣ... предательски измѣнили. Вы обѣщались быть моей женой, и потомъ обманули меня!

Евг. Ал. Нѣтъ, я обманула бы васъ, если бы стала притворяться любящей... Я предпочла правду.

Георг. Такъ ваша правда—злая, жестокая! Она хуже вслѣдой лжи!..

Евг. Ал. Что было, того нѣтъ. Прошлаго больше не существуетъ... Его нельзя вернуть.

Георг. Ха! Вы такъ охотно, съ такимъ легкимъ сердцемъ, выбросили за бортъ это прошлое! Вы, не задумываясь, отдали свое сердце Дмитрію, тогда какъ оно принадлежало мнѣ, мнѣ!

Евг. Ал. Вы ошибаетесь. Мое сердце принадлежитъ прежде всего мнѣ самой, и я имѣю право распоряжаться имъ.

Георг. О, я понимаю теперь: когда въ женщинѣ заговорить страсть, тогда отиѣняется все: и состраданіе и совѣсть! Тогда она спокойно топчетъ ногами и свое прошлое, и близкихъ людей, и все, что было для нея дорого... Я могу теперь сказать вамъ въ лицѣ, что вся ваша прежняя любовь ко мнѣ, всѣ ваши хорошія слова и дружескія чувства, все это—одно сплошное глумленіе надъ человѣческой душой!

Евг. Ал. Ну, теперь, кажется, все сказано между нами? (*Хочетъ уйти*).

Георг. (*съ взрывомъ отчаянія*). Нѣтъ, нѣтъ... не уходите! Умоляю васъ! Вѣдь я говорю, какъ въ горячечномъ бреду... Я вѣдь не то хотѣлъ сказать... Дайте собраться съ мыслями... Я долженъ высказать вамъ все, что стонетъ во мнѣ, иначе я съ ума сойду! (*Сжималъ себя лобъ*). Ахъ, какъ болитъ голова... Что я хотѣлъ сказать? Знаете, я готовъ убить Дмитрія. Меня преслѣдуетъ эта мысль...

Евг. Ал. (*вздвинувъ*). „Убить?“... Опомнитесь, несчастный!

Георг. За что судьба дала ему все, все: положеніе въ обществѣ, славу и, наконецъ, любовь... вашу любовь!—а мнѣ... Я не могу вымолить у васъ крохъ этой любви... даже простого человѣческаго участія! Тутъ нѣтъ справедливости... Тутъ какая-то злая неправда, которая ожесточаетъ меня!.. О, если бы я могъ высказать вамъ, сколько ужаснаго, ядовитаго скопилось у меня въ душѣ! Все въ жизни представляется мнѣ бессмысленнымъ и ненужнымъ... и подо всѣмъ этимъ ноетъ тоска, отвращеніе

къ себѣ... и ужасъ, ужасъ отъ сознанія, какъ ты низко палъ, какъ упалъ еще ниже!... А вѣдь все это могло бы быть иначе, если-бъ только... О, до чего мучительно сознавать это! Мысль, что вы могли бы быть моей, что вся моя жизнь, все мое счастье, спасеніе, вотъ тутъ, передо мной, но оно—не мое, оно уходитъ отъ меня... ахъ, отъ этой мысли мой черепъ готовъ лопнуть!..

Е в г. А л. (*глубоко потрясенная, нѣсколько разъ пытается жесткими остановить его: въ глазахъ ея такое выраженіе, тожно передъ ней мелькаетъ страшный призракъ*). Замолчите... Я не могу слушать васъ... Ваши слова, вашъ голосъ, рѣжутъ меня по нервамъ, по душѣ... Не говорите больше!

Г е о р г. О, какъ беумно люблю я васъ! Можетъ ли онъ такъ любить? Нѣтъ, нѣтъ! Развѣ вы для него—все, какъ для меня? Вѣдь для меня вы... О, Боже мой,—и вотъ теперь та, которой я живу, которой дышу, топить меня! Моя мысль цѣпенѣетъ, когда я подумаю объ этомъ... Мой мозгъ не въ состояннн вмѣстнть этого... Все мое нравственное существо протестуетъ! Нѣтъ, вы не можете, не смѣете покинуть меня! Вы встрѣтились со мной, вы говорили мнѣ слова любви, вы ласкали меня не для того, чтобы измучить и погубить меня!

Е в г. А л. Молчите же!.. Я требую этого... Я не хочу васъ слушать... Вы кладете на мою душу такой камень... О, какъ это нечеловѣчно!

Г е о р г. Я гибну и кричу вамъ: „спасите, пожалѣйте!“ А вы, которую я боготворю, вы... Хватить ли у васъ жестокости равнодушно перешагнуть черезъ меня?

Е в г. А л. (*топилъ въ нервномъ возбужденнн ногой*). Хватить,—говорю вамъ, хватить! Зачѣмъ вы мучаете меня своимъ больнымъ чувствомъ? Я не хочу ничего больного—слышите? По какому праву вы насильно связываете мое сердце, мою совѣсть? Вы хотите... нѣтъ, вы требуете, чтобы я васъ любила изъ состраданія, изъ боязни за васъ?

Г е о р г. „Изъ состраданія?“... Ну, такъ что же? Пусть такъ! Если мнѣ любовь ваша нужна, какъ нуженъ воздухъ, чтобы дышать, чтобы жить?.. Я ни о чемъ не спрашиваю, ни о чемъ не думаю!..

Е в г. А л. Да гдѣ же послѣ этого ваше человѣческое достоинство, ваше самолюбіе?

Г е о р г. (*въ снрастномъ порывѣ беретъ ея руки и крѣпко сжимаетъ ихъ*). Какое достоинство? Какое самолюбіе? О чемъ вы говорите, когда я весь, весь уничтожаюсь передъ вами?

Евг. Ал. *(стараясь освободить свои руки)*. Пустите мои руки. *(Варв. Ив. въ дверяхъ)*.

Георг. *(продолжая сжимать ея руки)*. Вѣдь вы для меня—та свитыня, въ которую я вѣрю, хочу вѣрить!

Евг. Ал. Пустите же!

Георг. Кромѣ васъ, я ни въ кого и ни во что не вѣрю, никого и ничего не люблю! Пойми это... пойми же! *(Хочетъ привлечь ее къ себѣ)*.

Евг. Ал. Вы съ ума сошли! *(Отталкиваетъ его. Входитъ Варв. Ив.)*.

4. Варвара Ивановна.

Варв. Ив. Безсовѣстная! Что вы сдѣлали съ нимъ? Вамъ горл мало, а мнѣ-то каково, мнѣ-то? *(Разражалась слезами)*. Мнѣ-то?! *(Пауза)*.

Евг. Ал. *(въ порывѣ состраданія рѣшительно подходитъ къ ней и обнимаетъ ее)*. Простите меня, если можете!

Варв. Ив. *(въ сердцахъ отстраняетъ ее)*. Ахъ, все вы лжете!

Георг. *(съ угрозой)*. Мама!

Евг. Ал. *(глубоко оскорбленная)*. Даю себѣ честное слово, что я никогда больше не пойду къ вамъ. *(Уходитъ)*.

Варв. Ив. *(подходитъ къ Георгію, который сидитъ, запустивъ руки въ волосы)*. Жорженька!.. Бѣдный мой мальчикъ!

Георг. Оставь меня въ покоѣ!

Варв. Ив. Она тебѣ дороже матери стала? Господи Боже, за всю мою любовь... Да что же это? *(Звуки рояли умолкаютъ)*.

Георг. *(истерически)*. Убирайся отъ меня!

Варв. Ив. *(пораженная, нѣсколько меновеній стоитъ, потомъ идетъ, пошатываясь; на полдорогъ падаетъ съ глухими рыданьями въ кресло)*.

Георг. *(подходитъ къ ней и ласкается)*. Мамочка, прости меня!.. Я не помню, что говорю... У меня душа помрачилась!.. Не надо слезъ!.. Ну, улыбнись же, будь по-прежнему. Понимаешь: мнѣ нужно хоть крошечку чего-нибудь свѣтлаго, а то мнѣ холодно и страшно... понимаешь, мама,—страшно!

Варв. Ив. *(встаетъ и энергически жестомъ утираетъ слезы)*. Да что-жь это я, безумная, дѣлаю? Мой мальчикъ такъ мучится,—а я... а я... *(Заливается опять слезами)*.

Георг. Мама, не плачь же, не плачь!

Варв. И в. (*утираетъ слезы*). Я теперь не о себѣ плачу, а о тебѣ: какъ я тебя не пожалѣла, какъ я тебя... (*Рѣзительными тономъ*). Нѣтъ, ты больше не увидишь слезъ. Твоя мать сумѣетъ быть веселой, если это нужно для ея мальчика... (*Входитъ Римма съ книгой*).

5. Римма.

Римма. И тутъ тоска? Куда же мнѣ бѣжать отъ васъ? Тамъ Серафима сидитъ съ краснымъ отъ слезъ носомъ, здѣсь... Да куда же, наконецъ, мнѣ дѣваться отъ васъ?.. Вѣдь это—пытка! (*Въ сердцахъ толкаетъ посуду на столъ, наливаетъ себѣ холоднаго чаю и пьетъ нехотя*).

Варв. И в. (*громкими свистящими шопотомъ*). Ну, зачѣмъ ты еще притадилась сюда?!

Георг. Да, Риммочка, пытка, и намъ некуда спастись отъ нея. Мы обречены биться головами объ стѣну!.. (*За сценой Серафима играетъ грустную мелодію*).

Римма. Ну, теперь та заныла!

Варв. И в. Да перестань ты! Какъ не грѣшно? Вѣдь у тебя еще вся жизнь впереди!..

Римма. Ха! Утѣшаетъ тѣмъ, что впереди много еще этой мерзости! „Жизнь... жизнь“... Я точно ѣду на какомъ-то поѣздѣ. Кругомъ—чахлыя деревья, ржавыя болота.—Небо сѣренькое, скверненькое;—вагонъ длиненькій, неуютный: вездѣ насорено, напачкано... изъ оконъ дуетъ... Всѣмъ холодно, скучно... Всѣ злятся другъ на друга, всѣ ноютъ!..

Варв. И в. Ну, ужъ будетъ, будетъ воображать-то!

Римма. Мы устали ѣхать... Намъ надоѣло до тошноты... Голова болитъ, ноги болятъ, на лицѣ что-то липкое... А мы все ѣдемъ, ѣдемъ, ѣдемъ!.. (*Варв. И в. старается жестами остановить ее*). А кругомъ—голая пустыня...

Георг. Да,—голая, мертвая...

Римма. Хорошо-бы выскочить изъ вагона—да подь колёса!

Варв. И в. Замолчи ты!

Римма. Но мы не выскочимъ, потому что мы—труссы.

Георг. Да, трусы!

Римма. Жалкіе, несчастные, съ вѣчнымъ нарывомъ въ душѣ...

Варв. И в. Ну, это наконецъ... (*Беретъ Римму подъ руку и хочетъ увести ее*). Пошла отсюда! (*Ведетъ ее*).

Римма. Георгій, давай напьемся въ дребезги!

В а р в. И в. Пошла, пошла! (*Увлекаетъ ее*).

Р и м а. Чтобы ничего не помнить, ни о чемъ не думать... Понимаешь: въ дребезги! (*Варв. Ив. уводитъ ее*).

Г е о р г. (*самъ съ собой*). Да, небо сѣренькое, свѣрененькое, а кругомъ—пустыня... да.. Что это, я ужъ началъ самъ съ собой разговаривать? Дурной признакъ. (*Ежится*). Брр... холодно! (*Смотритъ въ дверь, куда ушла Евг. Ал*). Пишетъ... хм!.. „И было все глухо и тихо кругомъ“... Тоска! (*Отходитъ къ окну и прижимается къ стеклу лбомъ. Пауза. А за сценой звуки рояли. Въ двери, ведущей въ кухню, появляются Тамбуриновъ и Саша. Тамбуриновъ въ офицерскомъ кителѣ*).

6. Георгій, Тамбуриновъ, Саша.

Тамб. (*не видя Георгія*). Вотъ что, дѣточка: попроси-ка Серафиму Кирилловну.

С а ш а. Какъ прикажете доложить?

Т а м б. Скажи... (*Смотритъ на нее*). У, глазенки! (*Обнимаетъ ее*).

С а ш а. Что-й то вы, баринь! (*Вырывается и убѣгаетъ въ правую дверь*).

Т а м б. (*Замѣтивъ Георгія*). Егорушка! Ангель! Купидонь! Вотъ, кого я жаждалъ видѣть всѣми фибрами своей поганой душеньки! (*Обнимаетъ его. Георгій морщится. Рояль за сценой умолкаетъ*).

Г е о р г. Дѣйствительно, „поганой“: пришелъ къ женѣ,—и цѣлуешься съ горничной?

Т а м б. (*какъ бы съ удивленіемъ*). Да,—вѣдь я въ самомъ дѣлѣ, какъ-будто поцѣловалъ ее? Пустое! Что такое поцѣлуй? Прикосновеніе губъ—не болѣе! Я люблю простой народъ, люблю такую первобытность: въ ней есть что-то здоровое, свѣженькое... Нѣтъ, ужъ если необходимо выбрать какое-нибудь направленіе, то я причислю себя къ народникамъ: я сейчасъ только почувствовалъ это всѣмъ своимъ безпутнымъ существомъ!

С а ш а. (*входя*). Серафима Кирилловна уѣхамши. (*Уходитъ, подбирая по дороге окурки, крошки хлѣба у стола и пр. и съ любопытствомъ оглядывая Тамбуринова*).

Т а м б. „Уѣхамши“ Ахъ ты, елка зеленая! Да нѣтъ, это вздоръ: я слышалъ ея музыку... Она дома: во внутреннихъ аппаратахъ. (*Подходитъ къ самовару и пробуетъ его*). Холодный... Ахъ ты, елка зеленая! Ну, да ничего; нашъ братъ, военный, не избалованъ. (*Наливаетъ себѣ чай и пьетъ*).

Георг. (*подходитъ къ нему*). Леонидъ, ты сквернавецъ, но я ради тебѣ, какъ чорту, которому хочется душу продать!

Тамб. А-а, наконецъ-то я слышу голосъ истиннаго друга!.. Вижу, братъ, что тебѣ нужно какую-нибудь живую пьющую душу. Куда бы намъ съ тобой сегодня закатиться? Не мѣшало бы тряхнуть стариной, организовать что-нибудь этакое... вакхическое. А? Георгинушка?

Георг. (*самъ съ собою*). Одурманить себя чѣмъ-нибудь, ошеломить! Позабыть обо всемъ!

Тамб. Этакъ турманомъ полетѣть? А? Превосходиссимо! Надо пользоваться благами нашей скоротечной жизни. Развѣ по старой памяти, съ „Якоря“ начать? Помнишь, малютка, какіи мы тамъ дивныя минуты пережили? (*Напѣваетъ*).

„Захочу—полюблю,
Захочу—разлюблю“...

Это еще въ тѣ времена, когда ты у насъ слылъ подъ именемъ „Колумбины“... „Арлекинъ и Колумбина“... Ха, ха, ха!..

Георг. (*ходитъ, ероша волосы, потомъ останавливается передъ Тамбуриновымъ*). Слушай ты, окаянный человѣкъ... Мнѣ омерзителенъ твой „Якорь“ и вся эта грязь и все наше прежнее безпутство! И ты мнѣ противенъ, какъ грязная лужа, въ которой я вывалялся... Я проклинаю свою гнусную слабость! Мнѣ бы хотѣлось выскребсти ее изъ себя, вытравить изъ души, потому что она отравила мои мысли, нервы, сердце, — все мое существо... потому что она волочетъ меня въ омутъ... все ниже и ниже, — на самое дно!.. Ахъ, самъ дьяволъ, должно быть, подослалъ тебя ко мнѣ!

Тамб. Егорушка, дитятко мое, чего ты такъ убиваешься? И за что такъ проклинаешь свою слабость? Я самъ слабъ,—но я горжусь этимъ.. да, горжусь, потому что всякій истинно порядочный человѣкъ обязанъ быть слабымъ. Тутъ, братъ, цѣлая философія... Я тебѣ сейчасъ разовью ее, только дай сначала согрѣть душу вдохновеніемъ... (*Смотритъ въ буфетный шкафъ, беретъ графинъ и, видя, что онъ пустъ, сокрушенно щелкаетъ языкомъ. Вынимаетъ изъ кармана фляжку*). Хорошо, что у меня есть... Вотъ флаконъ, съ которымъ я не расстаюсь. Такъ меня и зовутъ: „человѣкъ съ флакономъ“. Это походная фляжка: она всегда даетъ мнѣ этакое походное настроеніе.. какую-то свободу отъ времени, пространства и отъ всякихъ условностей. „Кашку слопаль, чашку объ полъ“—вотъ мой девизъ! (*Беретъ гашку, выплескиваетъ изъ нея на полъ, наливаетъ*

въ ташку коньяку и пьешь). Добже! (Наливаетъ въ эту же ташку Георгію). Теперь пей ты, Георгинь! Пей, дѣточка! Пей, чортова кукла!.. Да пей же, милунчикъ. А, ты брезгуешь?.. Ну, я тебѣ въ стаканъ перелью. (Переливаетъ въ стаканъ и подаетъ ему).

„Пей, страдалца: печали
„Услаждаются виномъ!
„Боги жалостные въ немъ
„Утѣшенье сердцу дали“!

Георг. (пьешь залпомъ, закашливается и зажимаешь ротъ рукой).

Тамб. Я вижу, ты отвыкъ отъ коньяку. Ну, ничего: опять по маленьку привыкнешь. (Прячетъ фляжку въ карманъ, беретъ Георгію подъ руку и ходитъ съ нимъ). Ну, въ ногу! Разъ-два... разъ-два... Держись прямѣе. Ну, теперь—вольно! Оправься!.. Будемъ серьезно разговаривать.. Итакъ, милочка, я утверждаю, что слабость есть во всѣхъ отношеніяхъ превосходное качество. Она всѣхъ равняетъ, она учитъ снисхожденію, ибо если ты самъ слабъ, ты и ближняго своего скорѣе простишь. Не такъ ли, голубка? Сила вооружаетъ противъ себя, а слабость обезоруживаетъ. Правду я говорю? Сила разъединяетъ людей (вѣдь эти сильные, чортъ ихъ побери,—охотники до потасовокъ!), а слабость, душонокъ мой, напротивъ, соединяетъ, потому что немощные особенно нуждаются въ солидарности и взаимной поддержкѣ. Раскусилъ?.. Дай-ка папироску: смерть люблю все чужое! (Беретъ у Георгію папиросу и закуриваетъ). Наконецъ, красавчикъ мой, если хочешь,—такъ слабость даже сильнѣе силы, ибо сильный все-таки устааетъ быть сильнымъ, а слабый никогда не устааетъ быть слабымъ. Понимъ?.. И жить-то по настоящему лишь слабые, потому что они барахтуются, такъ сказать, въ самой гущѣ, а сильные—знай только тянуть, какъ буйволы, свою лямку. Пускай тянуть! Мы, слабые, сидимъ себѣ барами, а сильные везутъ насъ... Ха, ха, ха! Пусть везутъ олухи, пусть тянутъ, пусть кряхтятъ! Глупы эти сильные, какъ 40,000 братьевъ!..

7. Варвара Ивановна.

Варв. Ив. Отправила Римму въ концертъ... (Останавливается въ изумленіи). Оглашенный, ты какъ сюда?

Тамб. (Подбѣгаетъ къ ней мелкими шажками и цѣлуетъ ей руки). Вотъ кого я всегда боготворилъ!

Вар. И в. (сз притворной суровостью, дѣлая видъ, что хочетъ отнять свои руки). Не подолжайся! Знаю: ты умѣешь подползать ужомъ.

Тамб. Я—ужь, но больше ужь не мужь! Ха, ха!..

Варв. И в. Что такое онъ плететь? (Георгею, который въ возбужденіи ходитъ по комнатѣ, кусая ногти). Жоржъ, ради всего святого, не кусай пальцевъ!

Тамб. (вынимаетъ изъ кармана свертокъ и подаетъ его Вар. И в. за-кругленными движеніемъ). Гостинчику! Не погнушайтесь!

Варв. И в. (беретъ). Что это?

Тамб. Ваши любимые пряники съ медомъ.

Варв. И в. Ахъ, оглашенный,—да онъ не забылъ! (Развертываетъ). А мнѣ сладкое запрещено: у меня катарръ.

Тамб. Пустяки! Жизнь коротка,—отчего не доставить себѣ удовольствія?

Варв. И в. (пстъ пряникъ). Вотъ и Жорженька говорить... Онъ тоже лакомить меня. А Дмитрій сердится... Вкусные... Жоржикъ, хочешь? (Георгею, не отвѣгая, рассказываетъ нервно по комнатѣ. Тамбуринову). Что это, гляжу я, ты одѣтъ не по сезону? На дворѣ зима,—а онъ... Ахъ ты майскій жукъ! Ну, говори: зачѣмъ тебя принесло? Отъ кредиторовъ, что ли, бѣгаешь?

Тамб. Ахъ, мамуся, что это за народишко пошелъ на свѣтъ! Каждый только о томъ и думаетъ, какъ бы съ тебя получить. Всѣ поголовно сдѣлались купцами, ростовщиками, торгашами. Всѣхъ цѣлковый заѣлъ, Въ обществѣ довѣрія не стало! Мизантропія кабая-то вездѣ!.. Куда же мы идемъ и куда же наконецъ придемъ?!

Варв. И в. Ты вотъ что все-таки: иди-ка отъ грѣха домой, а то встрѣтишься съ Дмитріемъ..

Тамб. Но вѣдь крокодила дома нѣтъ: я знаю это.

Варв. И в. (строго). Какъ ты говоришь?

Тамб. Pardon: я немного сильно выразился.

Варв. И в. То-то!.. Уходи лучше, а то Дмитрій..

Георг. Что это все „Дмитрій, Дмитрій“?.. Шагу безъ Дмитрія нельзя!

Тамб. Я пришелъ проститься съ женой..

Варв. И в. Нѣтъ, ну тебя совсѣмъ! Уходи!..

Тамб. Можетъ быть, никогда больше не увидимся.

Варв. И в. И очень хорошо. И уйди ты, сдѣлай милость.

Тамб. Ахъ, ты, елка зеленая! *(Встаетъ)*. Жаль. А я хотѣлъ предложить Егорушкѣ одно дѣльце.

Варв. И в. *(насторожившись)*. Какое?

Тамб. Крайне выгодное. Колоссальное дѣло.

Варв. И в. Слышишь, Жоржечка? *(Тамбуринову)*. Какое-же?

Тамб. Да что жъ говорить, если вы меня гоните?

Варв. И в. Сядь. Не я гоню, а... Сядь же! *(Тамбуриновъ садится)*.
Говори!.. Да не ломайся ты, ломака!

Тамб. Милліонное наслѣдство, мамуся... Хочу оспаривать.

Георг. У кого?

Тамб. У наслѣдниковъ Мучнина. Я оказываюсь ближайшимъ родственникомъ по теткѣ.

Варв. И в. Жорженька?

Тамб. Всѣ права на моей сторонѣ.

Варв. И в. Да ты врешь все?

Тамб. Если мы съ Егорушкой выиграемъ это дѣло, тогда онъ сразу обезпеченъ.

Варв. И в. Жоржикъ, этимъ все-таки пренебрегать нельзя. Вѣдь не всегда же онъ вретъ: иногда и правду скажетъ.

Тамб. Я уже собралъ справки. Вотъ, Журжушка, смотри. *(Вынимаетъ изъ кармана письма и подаетъ ему)*. Прочти-ка это и обмуслякай въ своей умной головушкѣ. *(Тотъ разсматриваетъ письма. Тамбуриновъ вынимаетъ изъ кармана Георгія портсигаръ, беретъ папиросу, кладетъ портсигаръ назадъ и закуриваетъ)*. Дѣло—вѣрное... Теперь ѣду въ Пензу добывать еще кой-какіе документы. Я въ свою звѣзду вѣрю, мамуся. Мы съ Жоржемъ крезами станемъ. Вы только пока крокодилу не говорите.

Варв. И в. *(уже нѣсколько взволнованная, вынимаетъ изъ кармана карты и шоропливо отицаетъ листъ на столъ, при темъ тайное полотно падаетъ на полъ)*. Постой, я сейчасъ загадаю. Если пассьянсъ сойдется... *(Раскладываетъ пассьянсъ)*.

Тамб. Одно препятствіе: нѣтъ денегъ на предварительные расходы. И сумма-то нужна пустая. Ко мнѣ ужъ набивались адвокаты: даже всѣ расходы на себя брали.. Да я думаю: „Лучше же пусть мой Георгинъ себѣ сюда... того... *(хлопаетъ по карману)* ампошэ“...

Варв. И в. Это ты хорошо говоришь. Это дѣлаетъ тебѣ честь.

Тамб. Да вѣдь я люблю Егорушку, какъ 40,000 братьевъ! (*Обнимаетъ Георгія*). „Я обожа-аю“! (*Георгій съ досадой отстраняется*).

8. Римма.

Рим. (*въ дверяхъ, ведущихъ въ кухню*). Я вернулась съ полдороги... Не хочу въ концертъ: тамъ тоска. (*Вар. Ив. съ недовольными видами пожимаетъ плечами. Саша пронеситъ верхнее платье и шапку Риммы въ переднюю, потомъ возвращается, по дорогъ подшмаевъ полотенце и уходитъ съ ними*).

Тамб. (*устремляясь къ Риммѣ*). Вотъ, передъ кѣмъ я всегда преклонялся!

Рим. А... „елка зеленая“! (*Смотритъ на него и нерышительно подаетъ ему руку*). Какой вы гладкій стали! Неужели у всѣхъ мужей лица дѣлаются такими?

Тамб. Ну, ну, ну, дѣточка! Если лошадь при встрѣчѣ не бросается въ сторону,—значитъ, мужчина красивъ.

Рим. Вы, говорятъ, все кутите? Я завидую вамъ. Пойти въ трактиръ, спросить водки, селедки, огурцовъ; пить, ѣсть и ни о чемъ не думать—какъ это, должно быть, чудесно!

Варв. И в. Римма, не болтай глупостей! Поди лучше, позови сюда Серафиму: пусть выйдетъ на минутку.

Рим. (*продолжая думать о своемъ*). Вѣдь все равно, чѣмъ бы ни заполнить пустоту, лишь бы заполнить... (*Уходитъ*).

Тамб. (*цѣлуя у Варвары Ив. руку*). Мамуся, вы ангель доброты!

Варв. И в. Ну, ну... будетъ!.. Вотъ пасьянсъ что-то не сходится...

Тамб. А вы... того... домашнимъ способомъ.

Варв. И в. Какъ это?

Тамб. А вотъ... (*Пародируя ловкаго фокусника, кладетъ карты*). Потому—вотъ... Очень просто.

Варв. И в. Что ты дѣлаешь? Валета на девятку?

Тамб. (*продолжая съ ловкостью фокусника класть карты*). Такъ и надо поступать въ жизни, чтобы все сошлось. Это называется „домашними средствами“... Разъ... два... три... Вотъ и сошлось. Пожалуйте! Миліоны будутъ наши...

Варв. И в. (*повеселѣвъ*). Ахъ, шутъ... Вѣдь и вправду сошлось!

Р и м. (*остановившись на пороге съ книгой*). Эта хныкалка заперлась въ своей комнатѣ.

Т а м б. Ахъ ты, елка зеленая!

Р и м. Евгенія не пускаетъ ее.

В а р в. И в. (*гнѣвно*). „Не пускаетъ“?.. Это еще что?

Т а м б. Мою добрую Серафимочку держать на цѣпурѣ!

В а р. И в. Это ужъ, наконецъ... А вотъ я сама сейчасъ... (*Въ гнѣвъ уходитъ*).

Р и м. Я бы на мѣстѣ Серафимы нарочно вышла: на зло всѣмъ!

Т а м б. Да вы, дѣточка, просто прелесть, объяденье; (*Хочетъ поцѣловать у нея руку*).

Р и м. (*брезгливо и смущенно отдергиваетъ руку*). Пошли вы!.. Евгеніи ужъ начинаетъ командовать здѣсь!.. Смотрѣть гадко!

Г е о р г. Р и м а, прикуси языкъ!

Р и м. Ты первый за ней хвостомъ ходишь. Несчастный влюбленный! Какая глупая фигура... ха, ха!..

Г е о р г. Не смѣй издѣваться надо мной, дрянная злючка! Ты бѣсишься оттого, что разругалась съ своимъ Калеринимъ...

Р и м. (*топая ногой*). Молчи, кислятина!

Г е о р г. Психопатка!

Т а м б. Дѣти мои! Малютки мои! Птенчики мои!

Р и м. Господи, какъ все это мерзко, пошло, отвратительно! (*Уходитъ*).

Т а м б. Егорушка, дитятко мое, я знаю трагедію твоего сердца: мнѣ Филаретка все рассказалъ. Но ты не унывай: вѣдь женщина измѣнчива, какъ фортуна. Такъ сказалъ одинъ мудрый китаецъ... Фамиліи не помню. (*Хлопаетъ его по плечу*). Да будетъ кукситься-то... въ карманъ тебѣ сорокъ ершей! (*Варвара Ив. вводитъ Серафиму*).

9. Тамбуриновъ, Варв. Ив., Георгій, Сераф.

В а р в. И в. (*говоритъ въ дверь*). Должна же она проститься съ мужемъ,—какъ вы этого не понимаете? Вѣдь онъ все-таки не чужой...

Т а м б. (*цѣлуя у жены руку*). Симочка! Голубица моя! (*Серафима стоитъ въ смущеніи, не зная, что дѣлать*).

В а р в. И в. Пойдемъ. Жоржечка... Пусть ихъ! (*Беретъ его подъ руку; Тамбуринову*). Ты тутъ все-таки не долго... (*Идетъ съ Георгіемъ*) Ну, какъ, Жорженька, выходитъ у него по бумагамъ? Похоже на правду?

Георг. Ахъ, мамочка, право, мнѣ теперь ни до чего на свѣтъ нѣтъ дѣла!

Варв. И в. Ну, будь же повеселѣе, бѣдный мой мальчикъ! *(Уходятъ. Серафима дѣлаетъ за ними невольное движеніе; Тамбуриновъ удерживаетъ ее).*

Сераф. Зачѣмъ вы пришли сюда?

Тамб. Я сказалъ себѣ: „если гора не идетъ къ Магомету, то“...

Сераф. Говорите скорѣй, что нужно, и уходите... У меня сердце не на мѣстѣ!

Тамб. *(придвигая ей кресло).* Присяжь, мой добрый другъ.

Сераф. Нѣтъ, нѣтъ... Уходите, ради Бога!..

Тамб. Вотъ сюда, въ креслице!

Сераф. Ахъ, Боже мой!

Тамб. *(усаживая ее).* Всякой вещи свое мѣсто... Вотъ и опять она со мной, моя добрая женушка! *(Цѣлуетъ ее въ лобъ).*

Сераф. Отъ васъ виномъ пахнетъ.

Тамб. А отъ тебя, мой другъ, валеріанкой.

Сераф. Вы все продолжаете пить?

Тамб. Это, ципочка, не какой-нибудь трехрублевый коньячишко, а настоящій финь-шампань. Впрочемъ, у меня мятныя лепешки есть. *(Вынимаетъ лепешку и кладетъ въ ротъ).*

Сераф. Зачѣмъ вы пьете?

Тамб. Для добродѣтели, Симочка. Когда я трезвъ, мнѣ каждый представляется скотомъ; а когда выпью: „Хоть и скотина, думаю, а все-таки человекъ“. Я изъ любви къ человѣчеству пью. На днѣ порока я ищу добродѣтель, какъ сказалъ одинъ мудрый китаецъ... а можетъ быть, и не китаецъ, чертъ его знаетъ!

Сераф. Когда вы перестанете вести эту безобразную жизнь?

Тамб. Ахъ, Симочка, кто можетъ предсказать это? Сегодня живъ, здоровъ, а завтра ручки такъ *(показываетъ)*, носикъ кверху,—и... шабашъ, Марфутка! *(Беретъ ея палецъ).* А славное у тебя колечко... Премиленькій камушекъ... *(Снимаетъ кольцо).*

Сераф. Оставьте: это—папина память.

Тамб. Чай, не дешево стоитъ?.. Суета! *(Смотритъ на кольцо, потомъ кладетъ его себѣ въ карманъ).*

Сераф. Что вы дѣлаете!

Т а м б. Я беру это на память о моей доброй Симочкѣ.

С е р а ф. Отдайте! Это Богъ знаетъ что!

Т а м б. Ты не хочешь оставить мнѣ даже этого утѣшенія?

С е р а ф. Безсовѣстный!

Т а м б. Симочка, когда я вижу тебя, мнѣ хочется плакать такими теплыми, сладкими слезами... *(Беретъ ея руку и прикладываетъ къ своимъ губамъ)*. Ты придешь ко мнѣ завтра вечеромъ? Да?

С е р а ф. *(Отшатываясь въ испугъ)*. Какъ!? Опять!?

Т а м б. Въ половинѣ 8-го...

С е р а ф. Да вѣдь сами же вы говорите, что пришли проститься!

Т а м б. Дѣло въ томъ, моя зюзиолечка, что я получаю колоссальное наслѣдство. И тогда мы съ тобой покупаемъ имѣніе, занимаемся агрокультурой или чѣмъ нибудь подобнымъ и...

С е р а ф. Я—съ вами?! *(Отмахивается)*. Ни за что! Никогда!

Т а м б. Ты придешь,—и мы обсудимъ все это зрѣло.

С е р а ф. Съ чего вы взяли? Между нами давно все кончено. *(Хочетъ встать)*.

Т а м б. *(не пуская ее)*. Завтра, въ половинѣ 8-го. Да раздобудь мнѣ деньжатъ: до зарѣзу нужно.

С е р а ф. Пустите меня!

Т а м б. Ровно въ половинѣ 8-го. Не опаздывай, другъ мой.

С е р а ф. Чтобы я опять... Нѣтъ, я еще не сошла съ ума! Я съ вами столько муки видѣла!.. У меня глаза не пересыхали отъ слезъ... Вы на каждомъ шагу измѣняли мнѣ!

Т а м б. Симочка, да вѣдь звѣзды на небѣ и тѣ падаютъ! И солнце не безъ пятенъ!

С е р а ф. Молчите! Я чуть отъ стыда не умерла съ вами... Вы такъ себя гадко вели, такъ гадко!

Т а м б. Да вѣдь ты же сама виновата, Симочка.

С е р а ф. Я?! Господи!

Т а м б. У тебя, добренькая моя, всегда было слишкомъ мало темперамента.

С е р а ф. Гадкій, гадкій!.. *(Хочетъ встать)*. Пустите меня!

Т а м б. *(не пуская ее)*. Вѣдь ты, Симочка, невинна, какъ 40,000 младенцевъ. *(Подражая плачу поворожденнаго)*. „Увя! увя!“!

С е р а ф. Пустите!

Т а м б. *(вдругъ измѣнивъ тонъ)*. Не смѣю задерживать. *(Отходитъ къ окну, становится спиной къ женѣ и свиститъ)*.

С е р а ф. *(идетъ, останавливается, смотритъ на него въ недоульнѣи)*.
Прощайте.

Т а м б. *(тихонько напѣваетъ)*.

„Не говори, что молодость сгубила,
Ты ревностью истерзана моей...“

С е р а ф. Прощайте же!

Т а м б. „Не говори! Близка моя могила,
А ты цвѣтка весенняго свѣжь!“

С е р а ф. *(подходитъ къ нему)*. Вы не хотите проститься?

Т а м б. *(поворачивается къ женѣ)*. Симочка, мнѣ жаль тебя. Зачѣмъ ты такъ себя замариновала? Вѣдь я знаю, что ты рвешься ко мнѣ, что тебѣ безъ меня холодно, пусто...

С е р а ф. *(горято, но слушечно)*. Вовсе нѣтъ, вовсе нѣтъ!

Т а м б. Ты ужъ повѣрь мнѣ: я лучше тебя знаю всѣ твои сердечные изгибы. Моя Симочка создана для того, чтобы жить вотъ съ такимъ чертополохомъ, какъ я... Да, ципочка моя, — да! Это глупо, но неизбежно. Куда тебѣ иначе дѣваться съ твоей добротой, которая тебя обуреваетъ? Скучно тебѣ живется, малютка. Ты даешь уроки—и все такое... Можетъ быть, это умно и добродѣтельно, — только вѣдь это, Симочка, не жизнь, а тягомотина. Ты тамъ играешь свои сольфеджіи, арнеджіи.. или какъ ихъ?—а сама все думаешь о мерзавцѣ мужѣ и о нашемъ неблагопристойномъ прошломъ. Вѣдь такъ, моя добренькая,—а? *(Ласкаетъ ее. У нея падаютъ изъ волосъ шпильки)*.

С е р а ф. Господи, какое мученье! *(Талбуриновъ поднимаетъ шпильки и подаетъ ей; она поправляетъ прическу)*.

Т а м б. И мнѣ съ тобой, зюзюлечка, бываетъ иногда хорошо: такань отъ тебя теплынь! А то вѣдь на меня, Симочка, стала какая-то мерехлюндія нападать. По ночамъ собаки снятся.

С е р а ф. Вы головой низко спите. Вотъ отъ этого. *(Звонокъ. Серафима вздрагиваетъ)*.

Т а м б. Да, да... Ахъ ты, моя кроткая голубица! *(Цѣлуетъ ея руки)*. Люблю я цѣловать своими грѣшными устами эти мягкія, теплыя... эти невинныя ручки... *(Входитъ Претуровъ)*.

10. Тамбуриновъ, Серафима, Претуровъ.

Прет. *(останавливаясь)*. Что это значить? *(Серафима, вскрикнувъ, убѣгаетъ. Претуровъ входитъ и выразительными жестами указываетъ Тамбуринову на дверь)*. Ну! *(Варвара Ивановна выглядываетъ съ безпокойными видами въ дверь, потомъ скрывается)*.

Тамб. Митя, ты жестокъ. Ты смотришь на меня, точно я бѣглый каторжникъ; а я просто очень мирное, очень ручное домашнее животное. Карать человѣка только за то, что онъ слабволюенъ, что онъ рожденъ, если можно такъ выразиться, „въ смятку“—это, Митя, по меньшей мѣрѣ невеликодушно. *(Саша входитъ и уноситъ самоваръ)*.

Претур. Карать тебя? Ну, это, мнѣ думается, сдѣлаетъ въ свое время судъ присяжныхъ, котораго тебѣ въ концѣ-концовъ не миновать. А я былъ именно великодушенъ къ тебѣ: я заплатилъ твои долги...

Тамбур. Но подь условіемъ, чтобы я навсегда отказался отъ моей доброй Симы? Жестокое условіе, Митя!

Претур. Котораго ты, какъ видно, не хочешь соблюдать? Такъ я тебя заставлю.

Тамбур. Покажи когти, но не царапай ими... какъ сказала мудрый китаецъ. Бей плашмя, но отнюдь не остриемъ. Я, Митя, можетъ быть, безпутенъ... можетъ быть, слишкомъ воспріимчивъ... мм... къ алкоголю,—но я никогда никому не желалъ зла. *(Бьетъ себя патетически въ грудь)*. Ни-ко-му! Ни единой человѣческой душѣ!

Претур. Да вѣдь и клопъ тоже никому не желаетъ зла, — однако высасываетъ изъ людей кровь. Такъ и ты. Ты незлобивъ—да. Ты—душа общества... преимущественно пьянаго. Ты—весельчакъ, затѣйникъ. Ты можешь даже въ веселой компаніи разыграть свою жену въ лотерею...

Тамбур. Митя, но вѣдь это была забавная шутка, — своего рода фарсъ,—не болѣе!

Претур. Занимайся этими шутками гдѣ-нибудь подальше отъ насъ, а я такихъ весельчаковъ и забавниковъ не подпущу къ своему дому на выстрѣль.

Тамбур. Митя, клянусь тебѣ: я—добрый человѣкъ, я—мякишъ! Я готовъ всѣхъ прижать къ своему сердцу!

Претур. Это очень мило съ твоей стороны, — только видишь ли: чѣмъ дальше ты будешь отъ насъ, тѣмъ скорѣе я оцѣню твои похваль-

ныя качества. Если бы тебѣ посчастливилось угодить куда-нибудь очень далеко, напримѣръ, на островъ Сахалинъ,—я бы окончательно примирился съ тобой.

Тамбур. На Сахалинъ? Ха, ха, ха! Люблю я поговорить съ умнымъ человѣкомъ, ибо брань умнаго лучше, нежели похвала глупаго, какъ сказалъ одинъ мудрый китаецъ... Но, Митя,—если бы всѣхъ такихъ, какъ я, ссылали на Сахалинъ, кто жъ бы на материкѣ остался? Подумай, умница: виноватъ-ли я въ томъ, что я такой негодникъ? Вѣдь въ каждомъ изъ насъ сидитъ цѣлый рядъ поколѣній: отцы, матери, дѣдушки, бабушки и разные пращурьы. Всѣ они копошатся во мнѣ, брыкаются, толкають меня во всѣ стороны... Каждый изъ нихъ счелъ долгомъ снабдить меня какимъ-нибудь негодяйствомъ. Посуди самъ: въ силахъ-ли я остаться послѣ этого порядочнымъ человѣкомъ?

Претур. Очевидно, не въ силахъ. Потому-то я и требую, что бы ты, виѣстѣ со всѣми твоими бабушками и дѣдушками, которые кишатъ въ тебѣ, убирался отъ насъ къ чорту! (*Георгій въ дверьхъ*).

11. Георгій.

Георг. Леонидъ, мы съ мамой просимъ тебя остаться. (*Входитъ Варвара Ивановна*).

12. Варвара Ивановна, потомъ Саша.

Варв. Ив. Да, да—просимъ!

Претур. Что это: демонстрація?

Варв. Ив. Пойдемъ, Леонидъ Иванычъ, ко мнѣ въ комнату: я велю туда самоваръ подать. (*Претурову*). Надѣюсь, что хоть у себя-то въ комнатѣ я могу распорядиться? (*Тамбуринову*). Пойдемъ! (*Уходятъ*).

Тамбур. Умный ты человѣкъ, Митя, но немножко перенаполеониль... да... ха, ха... именно—перенаполеониль! (*Уходитъ за Варв. Ив.*).

Георг. (*съ ненавистью*). Ты распоряжаешься въ семьѣ, какъ Китъ Китычъ: „чего моя нога хочетъ?“ И я, и мама, и Серафима дерзаемъ имѣть собственное мнѣніе. (*Хочетъ уйти вслѣдъ за матерью. Входитъ Саша и торопливо устанавливаетъ посуду на подносъ*).

Претур. Георгій, подожди... Подожди, говорю тебѣ!

Георг. (*въ полъборота останавливается. Претуровъ выражаетъ по адресу Саши досаду за ея медленность; Саша съ подносомъ уходитъ*).

Претур. Я долженъ сказать тебѣ, что такъ продолжаться не можетъ. Каждое твое слово дышитъ ненавистью ко мнѣ... Одного этого уже достаточно, чтобы намъ не жить вмѣстѣ.

Георг. А, тебѣ хочется, выражаясь деликатно, удалить меня изъ дому? Понимаю. Что-жъ, ты имѣешь на это полное право: тутъ все твое! Я ѣмъ твой хлѣбъ, сижу на твоей шеѣ... Я твой прихлебатель, паразитъ...

Претур. Георгій, брось этотъ оскорбительный тонъ! Я говорю съ тобой по-человѣчески. Нельзя жить вмѣстѣ при такихъ отношеніяхъ. Возьми у меня денегъ и уѣзжай куда-нибудь.

Георг. Онъ хочеть откупиться отъ меня! Ха, ха! Даетъ отступнаго!

Претур. Чортъ знаетъ, что за пошлости!

Георг. Ни гроша я у тебя не возьму. Ни гроша! Ты хочешь выгнать меня? Такъ гони прямо, безъ церемоній! По крайней мѣрѣ, все будетъ начистоту.

Претур. *(съ силой)*. Да пойми же ты, безумный человѣкъ, что здѣсь ты самъ обрекаешь себя на постоянную пытку, которая въ конецъ замучитъ тебя! Ты довелъ себя до того, что уже не въ состояніи ни работать, ни думать о чемъ бы то ни было: въ этомъ ты могъ убѣдиться сегодня на судѣ. Скоро у тебя въ душѣ не останется ни одного здороваго мѣста! Ты просто потеряешь способность жить!

Георг. Ты обо мнѣ заботишься? Ха, ха!

Претур. Да, о тебѣ, о тебѣ: сто разъ буду говорить это! *(Съ слухобокимъ чувстволемъ)*. Слушай, Георгій: если ты уйдешь теперь и одинъ, безъ посторонней помощи, справишься съ своимъ горемъ,—ты станешь настоящимъ человѣкомъ, ты станешь сильнымъ—а вѣдь въ этомъ все... понимаешь ты! все! Ради одного этого ты долженъ уйти отъ насъ. Вѣдь тутъ дѣло идетъ о всей твоей жизни. Пойми, Георгій: о цѣлой жизни! Зачѣмъ ты глядишь на меня съ такой ненавистью? Развѣ я врагъ тебѣ?

Георг. Ты?.. Ты—мой злѣйшій врагъ! Ты—воръ! Ты укралъ у меня ея любовь, ея сердце!

Претур. Георгій, ты сознаешь, что говоришь?

Георг. Ты отнял у меня любимую женщину, а теперь требуешь, чтобы я даже никогда не видѣлся съ нею? Это—новая низость!

Претур. *(звонитъ)*. Я больше не буду говорить съ тобой. Пускай она сама говорить. *(Входитъ Саша; Варв. Ив. выглядываютъ въ дверь)*.

13. Саша, Варв. Ив.

Претур. Попросите сюда Евгению Александровну.

Саша. Слушаю. (*Уходитъ*).

Варв. Ив. Жорженька!

Георг. (*съ нетерпѣливыми жестами*). Оставь меня въ покоѣ! (*Варв. Ив. скрывается*).

Георг. (*съ нервными подергиваніемъ въ лицѣ*). Во всякомъ случаѣ ты не смѣешь говорить отъ ея лица... (*Входитъ Ев. Ал.*).

14. Евгения Ал.

Претур. Скажите ему, ради Бога, что онъ ради собственнаго спасенія долженъ уйти отсюда... что другого выхода нѣтъ и быть не можетъ.

Евг. Ал. (*стоитъ, поникнувъ головой, въ мучительной внутренней борьбѣ*). Да, другого выхода нѣтъ...

Георг. Вы приказываете мнѣ исчезнуть?.. Вы вычеркиваете меня изъ списка людей, которые могутъ видѣть васъ, разговаривать съ вами?

Евг. Ал. Другого выхода нѣтъ. (*Пауза. Георгій стоитъ съ убитыми видами*).

Георг. Значитъ, все кончено?

Евг. Ал. Прошлаго больше не существуетъ...

Георг. Хорошо, я исчезну, не буду отравлять вашего спокойствія... Вы все отняли у меня, но зато дали мнѣ право проклинать васъ, сильныхъ, счастливыхъ, васъ, сытыхъ своимъ счастьемъ,—васъ, которые истерзали мою душу и потомъ вышвырнули меня, истерзаннаго, за порогъ... проклинать эту мерзкую, бессмысленную жизнь, эту подлую жизнь, эту... эту... Прощайте! (*Идетъ*).

Евг. Ал. (*съ внезапными порывами*). Нѣтъ, нѣтъ!.. (*Удерживаетъ его*). Вы не можете такъ уйти... Мнѣ страшно за васъ! (*Претурову*). Не отпускайте его! Какъ онъ будетъ жить съ такой мукой?!

Георг. (*закрывъ лицо руками и трясясь отъ слезъ, падаетъ на стулъ*). Вы... вы...

Евг. Ал. (*припадая къ нему*). Господи; какъ темно, какъ ужасно у него на душѣ!

Претур. (*ей*). Что вы дѣлаете? Вѣдь это—безуміе! Вы сами затягиваете петлю!

Евг. Ал. (*Претурову умоляющимъ тономъ*). Да развѣ вы не видите? Развѣ вы... (*Ласкаетъ Георгія*). Хорошій мой... бѣдный мой... не мучьте себя такъ! Будемъ сильными, бодрыми... Вѣдь будемъ? Да, да?

Георг. (*жадно цѣлуетъ ея руки*). Безъ васъ я ничего не могу, ничего не хочу! (*Бросается передъ ней на колѣни*). Дайте мнѣ хоть крошечку вашей любви!.. Хоть обманите меня изъ состраданія!

Претур. (*тономъ, въ которомъ слышится негодованіе, смѣшанное съ презрѣніемъ*). Георгій!?

Георг. (*нигго не слыша*). Прошу этого, какъ нищій... слышите: какъ нищій! Не покидайте меня!.. Какъ милостыни, прошу!..

Евг. Ал. Ну, полно же!.. Я не покину васъ... (*Съ мольбой протягиваетъ Претурову руку*). А вы?.. Зачѣмъ вы такъ?.. Подите сюда... подите же!..

Претур. Нѣтъ, мнѣ глубоко противно видѣть такое униженіе чело-вѣка! Если онъ не уйдетъ изъ этого дома, то я уйду, потому что я... пре-зираю его!.. (*Уходитъ. Евг. Ал., пораженный, смотритъ ему вслѣдъ*).

Занавѣсъ.

А К Т Ъ Т Р Е Т І Й.

Декорация 1-го дѣйствія.

1. Римма, Калеринъ (*играютъ нехотя въ ладошки*).

Калер. (*продолжалъ разговоръ*). По закону эволюціи, сначала—холо-стая жизнь, которая соотвѣтствуетъ ночевому періоду, а затѣмъ—семейная... такъ сказать, осѣдая... (*Римма хотѣтъ ударить его по рукамъ и прома-хивается*). Мимо! Пожалуйте теперь вы! (*Римма подставляетъ руки. Игра продолжается*). У меня сегодня трудный день: урокъ у Крицыныхъ, а вечеромъ—поправлять тетрадки... (*Хлопаетъ Римму по рукамъ*). Ну еще... (*Римма подставляетъ ему руки. Игра идетъ*). Что, Георгій Кирил-ловичъ таки-таки и не бываетъ здѣсь?

Римма. Такъ-таки и не бываетъ.

Калер. Онъ, кажется, живетъ въ номерахъ съ Тамбуриновымъ?

Римма. Говорять.

Калер. Правда-ли, что онъ поссорился съ братомъ изъ за...

Римма. Вы хотите посплетничать?

Калер. *(пожимая плечами)*. Мнѣ Филаретъ Степановичъ передавалъ. Да, кстати! Назарьины хотѣли быть у васъ нынче.

Римма. Они давно ужъ здѣсь.

Калер. Вотъ какъ! А я и не подозрѣвалъ.

Римма. Филаретъ сидитъ у мамы, а Алевтина—у Серафимы... *(Видя, что Калеринъ забылъ про игру)*. Ну, что же вы? *(Подставляетъ руки)*.

Калер. *(оглянувшись, беретъ ее за руки)*. Я беру своихъ непріятелей въ плѣнь.

Римма. Инспекторъ идетъ!

Калер. *(въ смущеніи)*. Гдѣ? *(Оглядывается. Римма смѣется злымъ смѣхомъ)*. А, да вы изволите пугать меня!

Римма *(продолжая смѣяться)*. У васъ презабавный видъ сейчасъ!

Калер. Ну, будетъ насмѣхаться. *(Подставляетъ ладони)*. Продолжимъ игру.

Римма *(встаетъ)*. Должно быть, у насъ съ вами разжиженіе мозговъ.

Калер. Римма Кирилловна...

Римма. Играть въ ладошки, говорить о Филаретѣ—и такъ изо дня въ день... Какіе мы съ вами жалкіе люди!

Калер. Такъ давайте говорить о „вопросахъ“.

Римма. Зачѣмъ намъ съ вами вопросы?.. Я вотъ лучше на балалайкѣ сыграю. *(Беретъ со стола балалайку)*.

Калер. Т. е. какъ „зачѣмъ вопросы?“

Римма. Такъ. Вы все равно будете по прежнему ходить на уроки, которыхъ терпѣть не можете, будете поправлять тетрадки, отъ которыхъ васъ тошнить, будете говорить, что для васъ нынче трудный день, будете все такъ же бояться инспектора... *(Тренькаетъ на балалайкѣ)*.

Калер. „Бояться инспектора?“ Да развѣ я Филарета Степановича боюсь?

Римма. А то кого же?

Калер. Я боюсь того инспектора, который сидитъ во мнѣ самомъ. Понимаете? Я проклиная этого инспектора—и все-таки боюсь. И вѣдь вотъ что всего обиднѣе: въ мысляхъ, въ воображеніи я дерзаю на все, разрушаю всѣ авторитеты,—а на дѣлѣ не смѣю ничего. *(Знаетельно потизивъ голосъ)*. Не Филарета я боюсь,—что онъ мнѣ можетъ сдѣлать? Я считаю его равнымъ нулю. Это—какой-то тупой уголь, выкрашенный

вазенной краской. Да что-жь мнѣ дѣлать, если мои нервы не выносятъ никакого прикосновенія реальной жизни? Чуть что,—я сейчасъ же весь съежусь, скорчусь. Отвратительно! Бѣда моя въ томъ, что я привыкъ уходить съ головою въ мечту, въ иллюзію: я слишкомъ далеко отошелъ отъ реальной жизни, а между тѣмъ безъ нея не проживешь: пусто и скучно... и красокъ не хватаетъ. А главное, самъ начинаешь какъ-то выдыхаться... Вотъ мнѣ и хотѣлось бы, чтобы эта реальная жизнь какъ-нибудь незамѣтно облапила меня, приручила къ себѣ... раскрыла бы, такъ сказать, тѣ тѣсныя скобки, въ которыя я самъ себя заключилъ.

Римма. Вы напоминаете мнѣ голодную кошку, которая ходитъ вокругъ крынки съ молокомъ и не смѣетъ прикоснуться. И такъ будетъ всю жизнь.

Калер. Всю жизнь? Нѣтъ, это невозможно. Это ужасно! Годы летятъ, и каждый день спадаютъ передъ нами блестящія, скрашивающія нашу жизнь... Вотъ вы сравниваете ее съ поѣздомъ; а я иногда чувствую себя плывущимъ на какой-то льдинѣ... Она такъ быстро таетъ подъ моими ногами... Вотъ уже повсюду—трещины... вотъ ужъ она обламывается по краямъ, и вода заливаетъ ее... Еще немного, и я погружусь въ холодную бездну. Вотъ и все тутъ... и вся жизнь. Ахъ! Уроки, тетрадки, отмѣтки, гимназическія сплетни... а жизнь-то гдѣ же, жизнь-то?.. Римма Кирилловна, такъ неужели мы съ вами не посмѣемъ взять отъ жизни всю долю счастья? Что намъ мѣшаетъ?

Римма (*задумливо и влѣптъ насмѣшливо*). Инспекторъ.

Калер. Къ чорту инспектора! Къ дьяволу его! (*Хватаетъ ее за руку*). Что бы тамъ ни было, а вѣдь мы любимъ же другъ друга! Конечно, любимъ!

Римма. Мнѣ какъ-то чудно слышать, когда говорятъ про любовь, про идеаль: точно мнѣ книгу читаютъ или на сценѣ представляютъ.

Калер. (*нервно и страстно, понизивъ голосъ*). Да нѣтъ же, не на сценѣ, а въ дѣйствительности... въ сердцѣ! (*Ударяя себя въ грудь*). Вотъ здѣсь!

Римма. Здѣсь у васъ записная книжка, гдѣ написано, что „женившись, человекъ“...

Калер. Ахъ, бросьте вы это ради всего святаго и перестаньте шутить! (*Тихо и страстно*). Риммочка, вѣдь вы тоже страдаете отъ одиночества... Такъ почему же вы... Скажите же: чего вы боитесь? Что тутъ страшнаго?

Римма (*всматривается въ него*). Нѣтъ, лучше скажите мнѣ: почему вы-то поблѣднѣли?

Калер. Я?! (Нервно слѣпется). Вотъ пустяки! Давайте же рѣшимъ наконецъ... (Входитъ Назарьинъ).

2. Назарьинъ.

Назар. (при видѣ Калерина и Риммы, останавливается на секунду, обводя ихъ пытливый взглядомъ). А! (Калеринъ поропливо отходитъ отъ Риммы. Калерину). Здравствуйте! (Здоровается съ Калеринымъ, которъй смущенъ. Риммѣ). Съ вами уже здоровался.

Римма. Да, достаточно одного раза.

Назар. (садится). Ваша матушка весьма разстроена. (Римма наги-наетъ пренъкать на балалайку). Она совсѣмъ больна. Поведеніе Георгія Кирилловича убиваетъ ее... да. Онъ потерялъ всякій режимъ; онъ скрывается даже отъ матери... (Римма наигрываетъ, Назарьинъ хмурится). Дмитрій дома?

Римма (продолжая пренъкать). Дома.

Назар. Мнѣ надо видѣть его.

Калер. Онъ заперся у себя въ кабинетѣ. Кажется, онъ очень занятъ: у него завтра защита.

Назар. (ему). А вы кажется, очень ажитированы?

Калер. (въ крайнемъ смущеніи). Я?! Нимало!

Назар. Мнѣ отъ души жаль Варвару Ивановну... (Риммѣ). Я бы попросилъ васъ бросить на время эту музыку, столь не соответствующую моменту. (Римма, наигрывая, уходитъ не спѣша. Назарьинъ провожаетъ ее недоброжелательнымъ взглядомъ).

Назар. Всеволодъ Петровичъ, эта дѣвица не можетъ быть вашей женой.

Калер. (задѣтый за живое, смущаясь и волнуясь). То-есть... какъ не можетъ?

Назар. (твердымъ, властнымъ тономъ). Не должна быть вашей женой.

Калер. Но позвольте, Филаретъ Степановичъ...

Назар. Вамъ надо жениться на Степановой 2-й.

Калер. Но это такой интимный вопросъ...

Назар. На Лидіи Степановой.

Калер. Но я вовсе не... Лидія Степанова—вотъ что! (Стучитъ пальцами по столу).

Назар. Она создана для того, чтобы быть вашей женой! А эта шальная особа..

Калер. Филаретъ Степановичъ!

Назар. Я знаю, что вы увлечены, но вы ни въ какомъ случаѣ не должны вступать съ ней въ бракъ.

Калер. Позвольте же, наконецъ!

Назар. Понимаете: ни въ какомъ!

Калер. Но вы посягаете на свободу сердца!

Назар. Не свобода человѣку нужна, а уда... да, уздечка.

Калер. Но вѣдь не можете же вы мнѣ запретить...

Назар. О, разумѣтся! Я только говорю вамъ: вы не должны на ней жениться, потому что это нелѣпо, безумно... да! Какъ вашъ инспекторъ, я обязанъ поставить вамъ на видъ, что это увлеченіе мѣшаетъ вамъ въ исполненіи вашихъ прямыхъ обязанностей... да; вносить безпорядокъ въ ваши классныя занятія.

Калер. Я не понимаю васъ.

Назар. Сегодня я былъ у васъ въ классѣ. Вы объясняли задачу о колесахъ и несли такую околесиду, за которую васъ стоило бы колесовать.

Калер. (*вздрыпывая*). Это, конечно, сказано остроумно, но... но... Я, Филаретъ Степановичъ, не позволю учить себя... не позволю-сь!

Назар. О-о! Замѣчаю вліяніе! Вы уже въ значительной степени утратили нравственный режимъ, и это очень нехорошо.

Калер. По-вашему, если ты учитель математики, то обязанъ всецѣло погрязнуть въ разныхъ перпендикулярахъ? А я смѣю думать иначе.

Назар. Потрудитесь объяснить вашу мысль.

Калер. Прежде всего я хочу быть не машиной, а живымъ человѣкомъ... да съ!

Назар. Далѣе?

Калер. Вотъ и все!.. По вашему убѣжденію, руки созданы для того, чтобы работать?.. а можетъ быть, онѣ созданы для того, чтобы махать ими при ходьбѣ? Это еще неизвѣстно-сь!

Назар. Знаете, что? Вы подите... освѣжитесь.

Калер. Вы не хотите понять, что во мнѣ есть живая душа... что она рвется, требуетъ простору!

Назар. Я пришлю къ вамъ завтра нашего гимназическаго врача. (*Покровительственно хлопаетъ его по плечу*).

Калер. *(отстраняясь)*. Я не желаю, чтобы вы трепали меня фамилиарно по плечу... Не желаю съ!

Назар. Вы положительно сошли съ рельсъ. Вамъ надо упорядочиться. Знаете что: вы бы для начала остриглись. Безъ шутокъ. Я по себѣ знаю: это вносить извѣстный порядокъ... Человѣкъ какъ-то невольно подтягивается, приструнивается...

3. Алевтина Семеновна, Серафима; потомъ Римма.

Алев. Сем. *(въ дверяхъ, продолжая разговоръ)*. Мы съ Ларенькой исполняемъ этимъ нашъ христіанскій долгъ... *(Увидавъ Калерина, насмѣливо восклицаетъ)*. Ахъ! *(Протягиваетъ ему руку)*. Сейчасъ буду журить васъ.

Калер. *(пожимаетъ ей руку и растерянно топчется по комнатѣ)*. Простите, я не могу: я... я... я слишкомъ нервированъ. *(Уходитъ. Алевтина Сем. провожаетъ его удивленнымъ взглядомъ)*.

Назар. Онъ потерялъ всякій режимъ. *(Подходитъ къ Серафимѣ, которая стоитъ въ смущеніи недалеко отъ дверей)*. Здравствуйте, моя дорогая! *(Серафима робко и застыдиво здоровается съ нимъ)*.

Алевт. Сем. Она до сихъ поръ боится тебя, Ларенька, какъ своего бывшего наставника и начальника.

Назар. *(садится)*. Хе, хе... *(Серафимѣ)*. Этого не нужно. Вы всегда были моей любимицей. Я ставилъ васъ въ примѣръ всей гимназіи... Посидите съ нами, дорогая. *(Серафима покорно садится. Алевтина Сем. вынимаетъ работу и начинаетъ вязать)*. Алевтиночка говорила вамъ, въ чемъ дѣло?

Сераф. Да!..

Алевт. Сем. Но я не могла высказать всего такъ краснорѣчиво и сильно, какъ могъ бы это сдѣлать ты, Ларенька.

Назар. Это—мой долгъ, и я исполню его.

Алевт. Сем. *(мужу)*. Ты все сидишь, другъ мой?

Назар. Ахъ да... *(Встаетъ)*. Скажу откровенно: многого я въ вашемъ мужѣ не одобряю, но въ немъ есть одна цѣнная черта; смиренное сознание своихъ слабостей и уваженіе къ истиннымъ достоинствамъ человѣка.

Алевт. Сем. Онъ Лареньку, напримѣръ, всегда глубоко уважалъ.

Назар. И всегда высоко цѣнилъ самоотверженную натуру своей доброй и сердечной жены.

Сераф. Онъ ведетъ очень гадкую жизнь...

Назар. Позвольте... Съ моральной точки зрѣнія для жены должно быть безразлично, каковъ у нея мужъ: она должна быть для него вѣрной женой при всякихъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Вотъ единственно прочное и безусловное! И даже такъ: чѣмъ хуже мужъ, тѣмъ выше нравственная заслуга жены. Это похоже на парадоксъ, но...

Алев. Сем. Я люблю, когда Ларенька говоритъ такъ. (*Вынимаетъ коробочку съ карамелью и подаетъ мужу, тотъ беретъ и сосетъ*).

Назар. (*все къ Серафимъ, которая слушаетъ съ убитыми и покорными видами*). Вѣдь въ сущности, дорогая моя, дѣло не въ томъ, нужно это или ненужно для вашего мужа, а лишь въ томъ, чтобы сами-то вы исполнили свой долгъ. Пока онъ живъ, вы обязаны быть съ нимъ; умереть онъ,—вы обязаны похоронить его по-христіански и свято исполнить его послѣднюю волю. Вѣдь если бы онъ умеръ, вы бы непременно выполнили свой долгъ передъ усопшимъ, — да? Какъ же вы не хотите выполнить его передъ живымъ? (*Садится, — Серафима прикладываетъ платокъ къ глазамъ*).

Алевт. Сем. Вотъ это — глубокая мысль. (*Кротко*). Сѣлъ?

Назар. (*встаетъ*). Если глубже вдуматься, такъ тутъ, собственно, и не въ васъ дѣло, не въ вашемъ личномъ счастіи и спокойствіи, а въ томъ, чтобы не былъ нарушенъ нравственный порядокъ.

Алевт. Сем. Вотъ смотрите на меня: я всегда спокойна, потому что всегда исполняю свой долгъ.

Назар. Вы еще, слава Богу, не заражены взглядами Дмитрія, какъ ваша несчастная сестра. Признайтесь, дорогая моя: вѣдь вы, по собственному почину, никогда не рѣшились бы разорвать узы, освященные закономъ? Дмитрій заставилъ васъ сдѣлать это? Вѣдь такъ? (*Беретъ ее за руку*).

Сераф. (*тутъ слышно*). Да... Но...

Алевт. Сем. (*беретъ ее за другую руку*). Дитя мое, помните, что если жена не обережетъ мужа, то никто этого уже не сдѣлаетъ.

Назар. Жена это — ангель-хранитель для мужа. Пусть Серафима Претурова подумаетъ надъ этимъ. (*Вынимаетъ изъ кармана письмо*). А теперь я долженъ передать вамъ письмо отъ него. (*Передаетъ Серафимъ*).

Намъ съ Алевтиночкой извѣстно въ общихъ чертахъ содержаніе этого письма.

Сераф. *(не можетъ вскрыть письма отъ волненія)*. У меня руки дрожать...

Алевт. Сем. Позвольте мнѣ... *(Беретъ письмо и разрѣзаетъ спицей конвертъ)*.

Назар. Прочтите его и поступите такъ, какъ подскажетъ вамъ ваша совѣсть. Прибавлю только одно: я говорилъ объ этомъ съ вашей матушкой. Варвара Ивановна вполне раздѣляетъ наши съ Алевтиночкой взгляды, но проситъ васъ держать все это въ секретъ отъ Дмитрія. *(Серафима гитаетъ письмо, Алевтина Семеновна обнимаетъ ее)*.

Римма *(просовываясь въ дверь)*. Всеволодъ Петровичъ!

Назар. Онъ ушелъ.

Римма *(озадаченная)*. Куда? *(Входитъ)*.

Назар. Не знаю. *(Насмѣшливо)*. Онъ не простился съ вами?

Римма. Гм... ушелъ?.. *(Послѣ краткой паузы)*. И хорошо сдѣлалъ. *(Круто поворачивается и выходитъ)*.

Назар. *(насмѣшливо)*. Думаю, что хорошо...

Сераф. *(гитаетъ письмо и сморкается)*. Онъ пишетъ. Ахъ, Боже мой, что же я теперь должна дѣлать?! *(Входитъ Евгенія Александровна; при видѣ Назарыныхъ, на меновеніе останавливается)*.

4. Евгенія Александровна.

Евг. Ал. *(проходя мимо Назарына, сухо киваетъ головой)*. Здравствуйте. *(Подходитъ къ Серафимъ)*. Здравствуй, Симочка. *(Цѣлуетъ ее)*. Что это за письмо?

Сераф. *(застынувшая врасплохъ)*. Это, это...

Алевт. Сем. *(Евг. Ал.)*. Это — моя тайна. *(Серафимъ)*. Подите, ангель мой, обдумайте все хорошенько наединѣ. *(Ведетъ ее)*.

Назар. Да,—именно наединѣ съ своей совѣстью.

Сераф. Господи, у меня даже голова заболѣла!.. *(Скрывается съ Алевтиной Сем. за дверью)*.

Евг. Ал. *(все время подозрительно слѣдившая за этой сценой)*. Я вижу, вы что-то затѣваете... *(Идетъ за Серафимой)*.

Алевт. Сем. *(возвращается отъ дверей и перехватываетъ Евг. Ал.)*.

Душечка, наконецъ-то мы можемъ побесѣдовать съ вами: такъ много накопилося!

Евг. Ал. А я думаю, что намъ съ вами не о чемъ разговаривать. *(Дѣлаетъ движеніе, чтобы уйти).*

Алевт. Сем. *(удерживая ее)*. Дружокъ мой, не будьте злопамятны. Вѣдь теперь положеніе вещей настолько измѣнилось...

Назар. „Прошлаго больше не существуетъ“, — говоря твоими словами.

Алевт. Сем. Мы съ Ларенькой поняли теперь, какъ жестоко ошибались въ васъ.

Евг. Ал. Ну... и что же?

Алевт. Сем. Мы считали васъ мечтательницей, взбалмошной дѣвочкой...

Назар. ...для которой, по нашему убѣжденію, необходима была строгая опека.

Алевт. Сем. И вдругъ оказалось, что вы гораздо умнѣе, практичнѣе, чѣмъ мы думали...

Назар. Я даже скажу: „гораздо политичнѣе“.

Евг. Ал. Что все это значить?

Алевт. Сем. И потому мы можемъ теперь говорить съ вами, какъ съ взрослымъ человѣкомъ, понимающимъ жизнь.

Назар. Можетъ быть, даже слишкомъ понимающимъ..

Алевт. Сем. Это другой вопросъ, Ларенька. *(Евг. Ал.)*. Фактъ тотъ, что вы сумѣли сами, безъ нашей помощи, такъ хорошо устроиться, такъ обезпечить себя...

Евг. Ал. *(вздвигнувъ)*. Что вы хотите сказать этимъ?

Алевт. Сем. Во всякомъ случаѣ выдти замужъ за извѣстнаго адвоката лучше, чѣмъ за неизвѣстнаго помощника.

Назар. Губа не дура, какъ говоритъ простонародье.

Евг. Ал. *(не находя словъ)*. Послушайте... вы... вы...

Алевт. Сем. Теперь мы съ Ларенькой понимаемъ, почему вы тогда вдругъ заговорили о независимости и обо всемъ такомъ: вѣдь мужчинѣ лестно, когда женщина восхваляетъ независимость, а въ сущности пляшетъ подъ его дудку.

Назар. Или негодуешь противъ опеки, а сама идетъ за нимъ на буксиръ. Хе, хе!

А л е в т. Сем. Конечно, это льстить его мужскому самолюбію. Вы употребили очень ловкій маневръ, душечка.

Е в г. А л. (*въ негодованіи хотеть возразить, но сдерживается*). Я не намѣрена отвѣчать вамъ на ваши пошлости. (*Идетъ*).

А л. Сем. (*перехватывая ее*). Душечка, да развѣ мы осуждаемъ? Вамъ просто захотѣлось перемѣнить вашу опеку на болѣе заманчивую?

Н а з а р. Большинство современныхъ дѣвицъ мечтаетъ о выгодной партіи.

Е в г. А л. Такъ вы осмѣливаетесь бросать мнѣ въ лицо упрекъ, будто я ловила жениха?

А л. Сем. Ахъ, милочка, да вовсе жъ нѣтъ! Я знаю, вы были увлечены идеями... и все такое... Но, видите ли: когда у одного есть только идеи, но нѣтъ ни средствъ, ни положенія въ обществѣ, а у другого есть и идеи, и все остальное...

Н а з а р. Не хватаетъ только жены... Хе, хе...

А л. Сем. Тогда... тогда выборъ, я понимаю, можетъ быть затруднителенъ. Шутка ли: пожертвовать своей первой любовью! Что можетъ быть ужаснѣе для дѣвушки?

Е в г. А л. (*въ страшномъ волненіи*). Замолчите... Вы не смѣете рыться въ моей душѣ!

А л. Сем. Несчастливая, да развѣ я не вижу, чего это вамъ стоитъ?.. Вонъ вы даже осунулись, поблѣднѣли... Ахъ, какъ я страдаю за васъ! (*Порывисто обнимаетъ ее*). Бѣдная дѣвочка, этотъ шагъ принесетъ тебѣ много горя!

Е в г. А л. (*рѣзко освобождаясь изъ ея объятій*). Отвяжитесь отъ меня съ своимъ непрощеннымъ участіемъ! Въ томъ, что вы сказали, нѣтъ ни одного слова правды. Слышите, что я говорю? Ни слова правды!

Н а з а р. Вотъ какъ? И у тебя хватаетъ духу утверждать... Развѣ ты не была невѣстой другого... хоть и не объявленной? Развѣ ты не была связана съ нимъ словомъ, даннымъ тобой свободно, по твоей доброй волѣ?

А л. Сем. И развѣ не вы разбили ему теперь жизнь?

Н а з а р. Евгенія, да неужели ты не сознаешь, сколько во всемъ этомъ нравственнаго уродства, сколько самаго безшабашнаго произвола?

А л е в т. Сем. И безсердечія... О, сколько тутъ безсердечія! И неужели вы, несчастная, думаете, что у мужа будетъ довѣріе къ вамъ, которая такъ легко обманываетъ? (*Слова Назарыныхъ видимо попадаюи*

Евгеніи Алекс. въ большое мѣсто. Она хотѣтъ остановить ихъ, возразить имъ, но не можетъ отъ внезапно нахлынувшихъ на нее мучительныхъ мыслей).

Е в г. А л. *(почти со стономъ).* Низкіе, низкіе люди!.. Какимъ ядомъ хотите вы отравить меня!

Н а з а р. Евгенія, довольно притворства! Пора, наконецъ, снять маску! Ты не только нарушила нравственный порядокъ, но ты прямо исковеркала его: теперь ты обманываешь ужъ не одного, а обоихъ!

А л. С е м. *(съ негодованіемъ).* Да поймите же, наконецъ, что нельзя такъ играть спокойствіемъ и счастіемъ цѣлой семьи!.. Это ужасно! Это отвратительно!

Е в г. А л. *(ошеломленная).* Пойдите... Дайте опомниться... Что вы еще взводите на меня, ненавистные люди?

А л. С е м. *(съ силой).* Разъ этотъ несчастный выборъ сдѣланъ, нравственный долгъ требуетъ, чтобы вы навсегда порвали съ прошлымъ, — иначе...

Н а з а р. Нельзя, какъ говорить простой народъ, гоняться за двумя зайцами. *(Входитъ Варвара Иван., сильно ослабѣвшая на видѣ).*

5. Варвара Ивановна.

В а р в. И в. *(къ Евгеніи Ал.).* Гдѣ мой Жоржъ? Гдѣ мой несчастный сынъ? Отвѣчайте мнѣ сейчасъ! *(Съ трудомъ переводитъ духъ).*

А л. С е м. Успокойтесь, милая Варвара Ивановна...

В а р в. И в. *(не слушая ея, къ Евг. Алек.).* Что вы сдѣлали съ нимъ? Скажите мнѣ ради всего святаго!.. Гдѣ онъ пропадаетъ?

Е в г. А л. Я ужъ говорила вамъ: не знаю, не знаю, не знаю! Перестанете ли вы мучить меня?! *(Уходитъ въ кабинетъ Претурова; въ дверяхъ встрѣчается съ Претуровымъ. Онъ хотѣтъ остановить ее, спросить о тѣлѣ, но она съ разстроенымъ видомъ проходитъ въ кабинетъ. Претуровъ понялъ, что ее сейчасъ разстроили въ гостиной и потому входитъ съ очень суровымъ видомъ).*

В а р в. И в. Она знаетъ, знаетъ!.. Она обманываетъ меня!.. Господи, что же это на свѣтѣ дѣлается?!

6. Претуровъ.

Пр е т у р. А! *(Сухо здороваётся съ Назарьиными).*

Н а з а р. Здравствуй... будущій родственникъ.

Варв. Ив. У него родной братъ пропаль безъ вѣсти,—а онъ можетъ писать свои бумаги! Да гдѣ же у тебя сердце?!

Претур. (*сдерживаясь*). Насколько мнѣ извѣстно, онъ не пропаль, а живетъ въ номерахъ съ Тамбуриновымъ.

Алевт. Сем. Тамбуриновъ уже три дня, какъ уѣхаль.

Варв. Ив. А Жорженьки, можетъ быть, и въ живыхъ ужъ нѣтъ! Ахъ, я умру отъ горя! (*Алевтина Сем. старается успокоить ее*). Съ тѣхъ поръ, какъ Дмитрій выгналь его изъ роднаго дома... (*Претуровъ дѣлаетъ негодующій жестъ*). Да, выгналь, выгналь! Если съ Жоржемъ случится что нехорошее, на твоей совѣсти будетъ этотъ грѣхъ! Ты виноватъ въ томъ, что онъ...

Претур. Я знаю, что я во всемъ виноватъ. Это для меня не новость. Георгій взялъ у меня денегъ, чтобы уѣхать за границу,—значить, я виноватъ въ томъ, что далъ ему ихъ. Онъ не уѣхаль за границу, а сталъ кутить съ своимъ другомъ Тамбуриновымъ,—и въ этомъ, конечно, виноватъ опять я, а не кто-нибудь другой.

Варв. Ив. Да, да!.. потому что вы съ Евгеніей вымотали изъ него всю душу, измучили его въ конецъ, довели его чуть не до сумасшествія! Вы... вы... (*Закашливается*).

Алевт. Сем. Варвара Ивановна, милая, успокойтесь!.. Подите, прилягте лучше. (*Хочетъ увести ее*).

Варв. Ив. Ахъ, я не переживу этого! Зачѣмъ вошла къ намъ въ домъ эта бездушная кокетка, эта лукавая..

Претур. Мама! (*Назарыны стараются успокоить Варвару Ивановну*).

Варв. Ив. Спроси у нея, зачѣмъ она бѣгала къ Жоржу, проводила у него цѣлые вечера, сидѣла съ нимъ до поздней ночи,—а потомъ вдругъ... (*Претуровъ, неприятно пораженный, хмурится, стараясь подавить свое волненіе*). Вынула изъ него душу—и ушла! Это подло, подло!.. Это, это... (*Закашливается*).

Алевт. Сем. (*ведетъ ее*). Подите, лягте!

Варв. Ив. (*въ дверяхъ, сквозь кашель*). Подло! (*Уходитъ съ Алевтиной Сем.*).

Назар. (*Претурову, который ходитъ по комнатѣ, морщась какъ отъ боли, кусая губы и стараясь овладѣть собой*). Жаль мнѣ тебя, будущій родственникъ.

Претур. (*разсыпано и сурово, продолжала ходить*). Что такое?

Назар. Хотя мы порвали съ тобой всякія отношенія, но мой нравственный долгъ побуждаетъ меня стать выше всякихъ личныхъ счетовъ...

Претур. Да перестань ты суслить! Какъ это скучно! Въ чемъ, наконецъ, дѣло?

Назар. Въ томъ, будущій мой родственникъ, что ты успѣлъ стать посмѣшищемъ въ кругу добрыхъ знакомыхъ.

Претур. Плюнь этимъ добрымъ знакомымъ въ глаза!

Назар. Или ты не слыхалъ, что говорила сейчасъ Варвара Ивановна про твою невѣсту?

Претур. Слышалъ—и знаю, что эти сплетни исходятъ отъ господъ Назарьиныхъ.

Назар. Сплетни? Жаль, что здѣсь нѣтъ Тамбуринова: онъ бы рассказалъ тебѣ, что видѣлъ въ номерѣ твоего брата. Весьма и весьма трогательныя сцены... да.

Претур. (*запальгиво*). Филаретъ!

Назар. Нѣжныя сцены, умилительныя...

Претур. Ты замолчишь?

Назар. Бѣдняга, онъ ничего не подозрѣваетъ.

Претур. Ни слова больше! (*Останавливается пропизвъ Назарина и говоритъ съ удареніемъ*). Я очень благодаренъ Евгеніи Александровнѣ за то, что она принимаетъ въ моемъ братѣ дружеское участіе. Слышалъ?.. (*Назаринъ фыркаетъ отъ смѣха*). Заруби это на своемъ скверномъ носу, который ты любишь совать, куда не слѣдуетъ.

Назар. Онъ еще благодаренъ! Ха, ха, ха! Ну, ужъ это черезчуръ современно! Это курамъ на смѣхъ, какъ говорить простой народъ!

Претур. Филаретъ, прекрати свой дурацкій смѣхъ!

Назар. (*переставая смѣяться*). Ты думаешь, что хорошо знаешь мою племянницу? Напрасно, милый другъ, ты такъ увѣренъ въ этомъ. Евгенія себѣ на умѣ; она знаетъ отлично не одну стенографію: она умѣетъ отлично вести и двойную бухгалтерію... Хе, хе...

Претур. Филаретъ, не совѣтую тебѣ выводить меня изъ терпѣнія.

Назар. Обыкновенно, выходя замужъ, бросаютъ старые романы, но моя племянница продолжаетъ читать ихъ... потихоньку, конечно. Вотъ это я и называю двойной бухгалтеріей.

Прет. Говорю тебѣ разъ навсегда: я презираю сплетниковъ!

Назар. *(встаетъ)*. Ты всегда былъ легкомысленъ, Дмитрій. Ты не хочешь подумать о томъ, что Георгій моложе тебя и, какъ говорятъ дамы, красивѣе. Кромѣ того, тутъ первая любовь. Берегись, любезный другъ!

Прет. *(нервно, съ трудомъ сдерживаясь)*. Ну, ты исполнилъ свой нравственный долгъ, и тебѣ больше тутъ нечего дѣлать.

Назар. Прощай... будущій родственникъ! Скажу одно: я не завидую тебѣ. *(Протягиваетъ Претурову руку; тотъ скрещиваетъ свои руки)*. Да... вотъ какъ!.. Ну, я стою выше этого. *(Уходитъ)*.

Претур. *(ходитъ по сценѣ, попирая ерудь, потомъ подходитъ къ двери, куда ушла Евг. Ал., хотеть войти туда или позвать ее, нѣкоторое время колеблется, потомъ отходитъ. Подходитъ къ окну, открываетъ форточку и дышитъ въ нее. Входитъ Евг. Ал. съ тепрадью, все еще разстроенная и видимо занятая своими тревожными мыслями)*.

7. Евгенія Александровна.

Евг. Ал. *(увидя Претурова у форточки, торопливо подходитъ къ нему)*. Что вы дѣлаете? Сегодня такой морозъ! Вы хотите на смерть простудиться? *(Отстраняетъ его отъ форточки и закрываетъ ее)*.

Прет. Ничего. *(Ходитъ по комнатѣ)*. Хотѣлъ освѣжить голову послѣ Филарета. *(Евг. Ал. бросаетъ на него пылливый взглядъ. Пауза)*.

Евг. Ал. *(протягивая бумагу)*. Вотъ я тутъ не разобрала одной фразы...

Прет. *(беретъ бумагу и бросаетъ ее на столъ)*. Бросьте. *(Дѣлаетъ конецъ по комнатѣ, потомъ останавливается противъ Евг. Ал.)* Зачѣмъ ты скрыла отъ меня, что бывала у Георгія?

Евг. Ал. Скрыла?

Прет. Да, да! Скрыла!

Евг. Ал. *(оскорбленная)*. Значить, ты думаешь, что я боялась, какъ бы ты не узналъ про это?

Прет. Я знаю только, что ты мнѣ объ этомъ ни слова не сказала.

Евг. Ал. Я имѣю право умалчивать о томъ, о чемъ не считаю нужнымъ говорить.

Прет. Но я тоже имѣю право спрашивать о томъ, что близко касается меня.

Евг. Ал. Тебя?

Прет. Да, обоихъ насъ. Ты это хорошо понимаешь... Какая тебѣ была надобность умалчивать?... Или ты уже переняла отъ моихъ домо-
щадцевъ эту милую манеру—дѣйствовать подъ сурдинку?

Евг. Ал. Ты начинаешь говорить со мной тономъ опекуна?

Прет. Причемъ тутъ опека?

Евг. Ал. Неужели Назарьины сказали правду... что я попадаю
изъ одной опеки въ другую?

Прет. Тебѣ не стыдно ссылаться на нихъ?

Евг. Ал. Значить, я должна жить подъ твою диктовку?

Прет. Ты сама-то вѣришь въ то, что говоришь?

Евг. Ал. Такъ знай! я не считаю себя обязанной отдавать кому
бы то ни было отчетъ во всѣхъ своихъ поступкахъ.

Прет. Никто не требуетъ у тебя отчета. Я только хоту знать о
тебѣ по крайней мѣрѣ не меньше, чѣмъ знаютъ другіе.

Евг. Ал. Я этимъ другимъ ничего не говорила.

Прет. Но они знаютъ и опутываютъ насъ гнусными сплетнями.

Евг. Ал. Которымъ ты уже начинаешь вѣрить? Да?

Прет. Если я называю это сплетнями,—значить, не вѣрю.

Евг. Ал. Довольно мнѣ было умолчать о чемъ-нибудь,—и въ тебѣ
уже шевелится недовѣріе. Неужели Назарьины и въ этомъ были правы?

Прет. „Недовѣріе“? Ты можешь говорить это? Да что съ тобой
случилось? Или тебя испортила нездоровая атмосфера въ моемъ домѣ?

Евг. Ал. Такъ ты находишь, что я уже испортилась?

Прет. Я вижу, какъ ты переживаешь что-то больное, какъ ты на
моихъ глазахъ худѣешь, слышу со всѣхъ сторонъ толки объ этомъ и
разныя нашептыванія, и напрасно жду, когда ты мнѣ сама скажешь объ
этомъ. Какая же у насъ возможна при этомъ общая душевная жизнь?
(Смотритъ на Евг. Ал., которая слушаетъ его, закусивъ губу и нахму-
рившись). Въ твоемъ лицѣ я вижу сейчасъ не любовь, а вражду... Женя,
зачѣмъ ты становишься въ какое-то оборонительное положеніе ко мнѣ?
Или ты до такой степени напугана призракомъ опеки?

Евг. Ал. (проводя рукой по лбу). Да,—можетъ быть. Еще съ того
времени, какъ я жила у Назарьиныхъ... Это вѣчное залѣзанье ко мнѣ
въ душу... (Лицо ея нервно подергивается).

Прет. Ну, бросимъ ихъ. Не надо! Воишь у тебя ужъ нервная дрожь
въ лицѣ...

Евг. Ал. Это они сейчас постарались... Имъ нужно было все опозлать, все унизить во мнѣ... Они никогда не простятъ мнѣ, что я ушла изъ-подъ ихъ опеки!

Прет. Да брось ихъ! Что тебѣ Назарьины?

Евг. Ал. У меня до сихъ поръ такое ощущеніе, какъ будто вся эта грязь лѣзетъ мнѣ въ уши, въ глаза, въ ротъ, застреваетъ въ горлѣ, мѣшаетъ мнѣ дышать... отнимаетъ у меня всякую силу!

Прет. Женя!

Евг. Ал. Я перестаю вѣрить себѣ... перестаю понимать себя... У меня точно все скомкано, все обезображено внутри!

Прет. Да полно же! Что они сказали тебѣ?

Евг. Ал. *(теребитъ воротникъ платья)*. О, я по горло наглоталась отъ нихъ... и отъ Варвары Ивановны тоже.

Прет. И отъ мамы? Вотъ какъ!.. А я ничего не знаю! Я принужденъ стоять въ сторонѣ и смотрѣть, какъ ты изводишься. Нѣтъ, это наконецъ бѣситъ меня! *(Дѣлаетъ рѣзкій жестъ и хогетъ отойти)*.

Евг. Ал. *(удерживая его)*. Не отходи отъ меня... Слушай... Мнѣ самой больно, что я все это время прятала отъ тебя свою душу... Я сама чувствовала въ этомъ что-то уродливое. Но иначе я не могла...

Прет. Не могла? Почему?

Евг. Ал. Помнишь, когда твой братъ уходилъ отсюда съ такимъ отчаяніемъ?.. Мнѣ стало такъ жаль его, такъ страшно за него... А ты...

Прет. Да, мнѣ не было жаль его: мнѣ было только стыдно за него.

Евг. Ал. Тогда я почувствовала, что въ этомъ мы съ тобой никогда не поймемъ другъ друга. И я рѣшила сдѣлать безъ твоего вѣдома то, что раньше хотѣла сдѣлать вмѣстѣ съ тобой.

Прет. Ты рѣшила...

Евг. Ал. Отогрѣть хоть немножко его душу.

Прет. Ну, и что же... удалось тебѣ это? *(Евг. Ал. съ грустью отрицательно качаетъ головой)*. Стало ему легче? Примирила ты его сколько-нибудь съ жизнью?

Евг. Ал. *(съ тѣмъ же выраженіемъ)*. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

Прет. Петля только затягивалась все туже и туже?

Евг. Ал. Да... Каждый разъ, когда я уходила отъ него домой, нимъ дѣлался припадокъ такого сумасшедшаго горя...

Прет. Которое онъ старался утопить въ винѣ?

Евг. Ал. Да,—онъ говорилъ, что хочетъ залить въ себѣ виномъ все живое...

Прет. А потомъ онъ еще больше терзался отчаяніемъ, еще сильнѣе проклиналъ себя?

Евг. Ал. Онъ мучился, плакалъ, твердилъ, что я презираю его...

Прет. И требовалъ отъ тебя все новыхъ доказательствъ твоего участія къ нему? Все болѣе и болѣе нѣжныхъ... Да?

Евг. Ал. Не только участія...

Прет. Но и любви?

Евг. Ал. Да,—возврата къ прошлому...

Прет. Я знаю его!

Евг. Ал. Это стало наконецъ такой мукой для насъ обоихъ...

Прет. Какъ вы оба могли выносить это? И неужели ты все еще надѣешься...

Евг. Ал. Я ушла отъ него съ тѣмъ, чтобы больше не видѣться съ нимъ. Это было три дня тому назадъ... За эти дни я мѣста себѣ не нахожу... Я не могу ни работать, ни спать... Какъ только я вспомню его лицо, при прощаньѣ... это отчаяніе въ глазахъ... представляю себѣ всю эту агонію... *(Припадала къ Претурову)*. Милый, говори мнѣ сейчасъ какія-нибудь хорошія, бодрія слова: мнѣ такъ это нужно! Я хочу, чтобы ты шутилъ, смѣялся... потому что сильные должны смѣяться, а не плакать—вѣдь такъ? Я хочу, чтобы ты разогналъ этотъ мракъ... хочу, чтобы опять мнѣ казалось все легкимъ, возможнымъ... Только ты можешь сдѣлать это... Говори, говори!.. Я хочу чувствовать тебя, твои мысли, твое сердце... *(Входитъ Георгій и останавливается на порогъ. Лицо у него — больное, глаза воспаленные, одѣтъ въ тужгой затасканный костюмъ. Видъ у Георгія — приниженный, растерянный)*.

8. Георгій.

(Евгенія Алекс. увидавъ его вздрагиваетъ, молча смотритъ на него въ испугъ и отходитъ отъ Претурова).

Георг. Зачѣмъ вы на меня такъ смотрите? Я не привидѣніе. Я еще живъ... Впрочемъ, живъ ли я? *(Входитъ)*. Вы не бойтесь: я не стану мучить васъ... Я знаю, что я здѣсь пятое колесо... *(Садится)*. Вотъ посижу немного, а потомъ... *(Претурову)*. Дай папироску. Папиросъ нѣтъ. *(Пре-*

туровъ подаеиъ ему портсигаръ). Ужь выкурю послѣднюю, — а тамъ... (Претуровъ подаеиъ ему огня; Георгій съ трудомъ закуриваетъ: руки и губы дрожатъ у него).

Прет. Георгій, ты боленъ совсѣмъ. Тебя надо уложить въ постель.
Георг. И въ землѣ еще належусь.

9. Варвара Ивановна.

Барв. Ив. *(вбѣгаетъ съ крикомъ и судорожно обнимаетъ Георгія).*
Мальчикъ мой!.. Дѣточка моя!.. Сокровище мое!..

Георг. Ну, полно, мамочка... Ты, я слышалъ, все хвораешь?

Барв. Ив. *(взглянувъ на него).* А ты-то? ты-то?.. Что ты сдѣлалъ съ собой?!

Георг. Э, мамочка, одинъ конецъ!.. Ты сама разсуди: зачѣмъ жить на свѣтѣ такимъ людямъ, какъ я? Кому они нужны?

Барв. Ив. Миѣ, миѣ ты нуженъ, безжалостный, злой мальчикъ!

Георг. Нѣтъ, только сильные имѣють право на жизнь: вотъ чего я прежде никакъ не хотѣлъ понять. *(Указываетъ на Претурова и Евг. Ал.).* Взгляни на нихъ: они могутъ жить, они должны жить. А я—такой жалкій, непріятный, ничтожный... Я—и другимъ, и самому себѣ въ тягость. Надо поскорѣй убрать себя со сцены.

Барв. Ив. Перестань же! *(Претурову),* Ты довелъ его до этого, ты!

Георг. Полно, мама. Никто не виноватъ въ этомъ. Я просто попалъ въ колесо и долженъ погибнуть... Кому что предназначено... Раньше я топорщился, цѣплялся за жизнь, а теперь смотрю кругомъ, какъ живутъ другіе, и знаю, что все это не для меня, не для меня...

Прет. Георгій, постой...

Барв. Ив. *(Претурову).* Уйди ты! Ты никого не жалѣешь! *(Бросается къ Евг. Ал.).* Вотъ, кто насъ пожалѣетъ! Женичка, вѣдь только ты можешь спасти его! Родная, пожалѣй его, пожалѣй меня! *(Рыдаетъ, припадъ къ Евгениі Александровнѣ).*

Прет. Мама, подумай: о чемъ ты просишь?

Евг. Ал. *(у которой слезы сжимаютъ горло).* Я не могу.. не въ силахъ переносить этого! У меня разрывается сердце!.. Чего вы хотите отъ меня?

Георг. Мама, все это вадорь... Не въ этомъ дѣло... Была у меня одна нить, которая привязывала меня къ жизни. Теперь она оборвалась....

Да. И все для меня умерло... Вотъ что значить: висѣть на ниточкѣ... Я, видишь ли, иду сюда: небо ясное, прозрачное... солнце такъ славно свѣтитъ... Вотъ я и сказала себѣ: „Небо такое чистое,—зачѣмъ его коптить?“ (*Вытнимаетъ изъ кармана револьверъ*).

Варв. Ив. (*съ крикомъ*). Что ты дѣлаешь?!

Георг. Ну, вотъ и все тутъ... (*Хочетъ засирьлиться. Претуровъ бросается къ нему и хочетъ отнять револьверъ. Варвара Ивановна съ крикомъ падаетъ безъ чувствъ*).

Евг. Ал. (*бросается къ ней*).

Георг. (*крикнувъ брату*). Ты не смѣешь, не смѣешь! Это насиліе! (*Претуровъ отнимаетъ у него револьверъ и кладетъ себѣ въ карманъ*). Ты помѣшалъ мнѣ жить,—теперь мѣшаешь умереть?

Прет. (*увидавъ мать въ обморокъ*). Мама, онъ живъ, живъ!.. Очнитесь же, мама! (*Георгею*). Стрѣляться на глазахъ у матери?.. (*Съ негодоваіемъ отвораживается отъ него и влѣтпль съ Евг. Ал. старается привести Варв. Ив. въ чувство. Варв. Ив. стонетъ*).

Георг. (*сначала стоить пораженный, уничтоженный, съ ужасомъ глядя на мать, потомъ бросается къ ней*). Мамочка, мамочка, прости меня!.. Я негодай! Я подлець! Я не подумалъ о тебѣ!.. О, моя подлая, подлая натура!.. (*Рыдаетъ, припавъ къ рукъ матери. Варв. Ив. стонетъ*).

Занавѣсъ.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Кабинетъ Претурова. Слѣва отъ зрителей — большое венеціанское окно; вблизи него — письменный столъ. Справа — арка, ведущая въ спальню Претурова. Противъ зрителей каминъ; справа отъ него — дверь въ корридоръ и переднюю, слѣва — въ гостиную. Возлѣ последней двери въ углу — маленькій круглый столикъ, на немъ на подносъ — графинъ съ водой, стаканъ, бутылка вина и два стаканчика. По стѣнамъ книжные шкапы и полки. На авансценѣ слѣва — ремингтонъ. Вечеръ. Топится каминъ.

Претуровъ пишетъ за письменнымъ столомъ. Римма читаетъ при свѣтѣ камина.

1. Претуровъ, Римма.

Римма (*закрываетъ книгу и долго смотритъ на брата, который продолжаетъ работать*). Дмитрій, ты меня, наконецъ, возмущаешь.

Прет. (*поднявъ голову*). Что такое?

Римма. Какъ это ты можешь по цѣлымъ часамъ сидѣть спокойно и работать?

Прет. „Спокойно?“... Ну, нѣтъ, я бы не желалъ тебѣ такого спокойствія.

Римма. А, значитъ, и у тебя внутри кошки?

Прет. Да,—и очень злыя.

Римма. Какія же?

Прет. Зачѣмъ о нихъ говорить?

Римма. Ты всегда былъ до противности скрытенъ.

Прет. Вовсе нѣтъ. Я только не считаю нужнымъ обнажать передъ другими свои больныя мѣста. (*Работаетъ*).

Римма. Тебя хоть въ стѣну замуравь,—ты все будешь работать.

Прет. Разъ это необходимо?

Римма (*пожимая плечами*). Не понимаю. (*Наклоняется къ камину и гитаеть. Пауза*).

Прет. (*пишетъ, потомъ кладетъ перо*). Римма, ты увѣрена, что Серафима уѣхала къ подругѣ?

Римма. Почему тебѣ пришло въ голову спрашивать меня объ этомъ?

Прет. Потому что она уѣхала безъ меня: я былъ въ отъѣздѣ...

Римма. Она сказала мнѣ, что ѣдетъ погостить къ Зяминой. Больше я ничего не знаю.

Прет. Ты правду говоришь?

Римма. Это что за вопросъ?

Прет. Вѣдь вы всѣ склонны утаивать отъ меня. (*Римма презрительно пожимаетъ плечами*). Впрочемъ, нѣтъ,—въ этомъ ты не грѣшна.

Римма. Такъ тебя беспокоить Серафима?

Прет. Не одно это... (*Работаетъ*). Послушай: ты рѣшительно выходишь замужъ?

Римма. Да, хочу сдѣлать эту нелѣпость.

Прет. Но крайней мѣрѣ, любишь ли ты его хоть немножко?

Римма. Не знаю... Такъ себѣ... Все равно.

Претур. А ты думала о томъ, что будетъ представлять изъ себя ваша семейная жизнь?

Римма (*злорадно*). Еще бы! Я всегда до гадости ясно предвижу, что будетъ. Онъ съ утра въ гимназій, а я сижу и читаю; потомъ онъ приходитъ усталый, обѣдаетъ и говоритъ о своемъ Филаретѣ; потомъ скажетъ, что нынче трудный день и что онъ очень нервированъ, и ляжетъ отдохнуть; а я буду сидѣть и читать... (*Звонокъ*). Потомъ онъ встанетъ, на-

пъется чаю и пойдетъ на урокъ или начнетъ поправлять тетрадки; а я буду читать... (*Щелкаетъ пальцемъ по книгѣ*), вотъ такія же книжки, гдѣ разсказывается о такихъ же мизерныхъ людяхъ, какъ и мы... Я все представляю себѣ такъ ясно, что заранѣе теряю всякій вкусъ къ жизни.

Претур. Римма, да для чего же ты въ такомъ случаѣ идешь за него замужъ?

Римма (*пожимая плечами*). Для разнообразія.

2. Калеринъ.

Калер. (*въ дверяхъ*). Я вамъ не помѣшаю?

Прет. Входите, входите.

Калер. (*входитъ*). Здравствуйте, дорогая невѣста. (*Цѣлуетъ у нея руку*).

Римма. Жениху надлежитъ цѣловать руку невѣсты. Таковъ порядокъ вещей, какъ говоритъ Филаретъ. (*Нагибается къ камину и тш-таешъ*).

Калер. (*здоровается съ Претуровымъ*). Вы скажите, ради Бога, если я вамъ мѣшаю. Я больше всего боюсь быть въ тягость кому-нибудь.

Прет. Э, бросьте вы это празднословіе. Хотите краснаго вина? Вонъ тамъ, на столѣ. (*Киваетъ*).

Калер. Нѣтъ, знаете, я боюсь вина: оно слишкомъ возбуждаетъ. (*Зажигаетъ спольцію на каминъ свѣту. Ставитъ ее около Риммы*). Вы такъ глаза себѣ испортите. (*Римма молча задумываетъ свѣту и тш-таешъ при свѣтѣ камина*). Но вѣдь со свѣчей удобнѣе.

Римма. А я вотъ хочу читать безъ свѣчки.

Калер. Глаза, знаете, такой важный органъ...

Римма. Зачѣмъ они мнѣ? Только для того, чтобы видѣть повсюду ничтожество?

Калер. Какъ ничтожество?

Римма. Всѣ, всѣ ничтожны! (*Съ горечью, тихо*). И несчастны.

Прет. Римма, да брось ты прежде всего въ печку эту неврастеническую литературу; а то ты всасываешь въ себя, какъ грецкая губка, всякое уныніе и немощь.

Калер. Да, да... Это правда. Мы — больные, слабые, порченые; да къ тому же еще привыкли поэтизировать нашу порчу, окружать какимъ-то ореоломъ нашу тоску... Намъ надо чего-нибудь такого... Намъ дѣт-

скихъ наивныхъ сказочекъ надо... Я вотъ хрестоматию съ удовольствіемъ перечитываю.

Римма. А мнѣ надо нарочно растравлять себя, чтобы не оцѣпенѣть окончательно.

Прет. Ты цѣпенѣешь потому, что тебѣ нѣтъ никакого дѣла до чужой жизни. Ты только вертишься все время вокругъ своей оси.

Римма. Что же я должна, по-твоему?..

Прет. Ищи себѣ живого дѣла, здоровыхъ, жизненныхъ впечатлѣній, здоровыхъ, бодрыхъ людей...

Римма. Фу! эти здоровые—прѣсны до тошноты: всѣ эти Филареты, Алевтины, всѣ эти плоскодонные...

Калер. *(роясь въ карманѣ)*. Ахъ, виновать! Забылъ совсѣмъ... Филаретъ Степановичъ просилъ передать вамъ письмо. *(Отдаетъ Претурову письмо, подходитъ къ Риммѣ, беретъ ее за руку и говоритъ ей, видимо старался убѣдить ее въ томъ-то и успокоить)*.

Римма *(ему)*. Вы нанялись въ почталыоны къ Филарету? *(Калеринъ возражаетъ ей, смотритъ на заглавіе книги, которую она гнетъ, неодобрительно качаетъ головой, потомъ не безъ усилія отнимаетъ у нея книгу,—Претуровъ гнетъ письмо)*.

Прет. Серафима уѣхала не къ подругѣ, а къ мужу. Она обманула всѣхъ... *(Ударяя рукой по столу)*. Прожлятая слабость! *(Встаетъ и ходитъ въ гнѣвъ. Калеринъ говоритъ съ волненіемъ по этому поводу Риммѣ; та отвѣчаетъ ему пренебрежительными жестами)*. Это устроили Филаретъ съ женой... Они, видите ли, рады, что теперь снова „возстановленъ нравственный порядокъ и опять скрѣплены порванные узы“. Этому проповѣднику ляжки, съ моралью, построенной на деревянныхъ сваяхъ, нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до того, что Серафима опять залѣзла по горло въ грязь и захлебывается въ ней!

Калер. Но гдѣ-же теперь Серафима Кирилловна?

Прет. Это извѣстно одному Филарету: ему одному она повѣряетъ теперь свои тайны. *(Наливаетъ вина и выливаетъ)*.

Римма. Будешь ее разыскивать?

Прет. *(рѣзко)*. Нѣтъ.

Римма. Надо пойти, сказать мамѣ. *(Встаетъ)*. Интересно посмотреть, какую гримасу она скорчитъ?.. *(Идетъ и останавливается)*. Какъ все это глупо: выходятъ замужъ, расходятся, опять сходятся... А главное:

какъ все это старо и скучно! Когда поглядишь кругомъ и увидишь, что все въ жизни остается по-старому, и другого ничего нѣтъ, и не будетъ и не можетъ быть... Миѣ кажется, явись теперь Жанна д'Аркъ, — и она трепалась бы за мужемъ или осталась старой дѣвой и вязала чулки... (*Наливаетъ вина, выпиваетъ; Калерину—умышленно скучными, будничными тонами*). Приходите играть въ блочки. (*Уходитъ*).

Калер. (*задумчиво и растерянно*). Да, „все остается по старому“... Вотъ я теперь женихъ, а какъ будто ничего не измѣнилось: тѣ же „блочки“, тѣ же... Это меня, знаете, смущаетъ... Римма Кирилловна чудная дѣвушка, и я обожаю ее, но... Можно говорить съ вами откровенно?

Прет. (*погруженный въ свои безпокойныя мысли, старается углубиться въ работу*). Сдѣлайте одолженіе.

Калер. Съ того момента, какъ я сталъ женихомъ, я ничего не понимаю.

Прет. (*смотритъ на него*). Я тоже ничего не понимаю.

Калер. Дмитрій Кирилловичъ, я—странный человекъ. У меня въ головѣ, противъ моей воли, складываются все такіе мрачные афоризмы...

Прет. Напримѣръ?

Калер. Напримѣръ: „Любовь это—блаженство, а бракъ это—сдѣлка, невыгодная для обѣихъ сторонъ“.

Прет. Гм! Вотъ какія у васъ... теоремы.

Калер. Или: „женихъ, невѣста“ — это что-то ласковое, нѣжное, а „мужъ, жена“—въ этомъ слышится даже какъ будто... угроза... Видите, до чего я нелѣпъ?

Прет. Вижу.

Калер. Я только теперь почувствовалъ во всей силѣ, до какой степени я боюсь жизни. Она для меня—какой-то сплошной иксъ!..

Прет. Вы боитесь...

Калер. Я и математикомъ-то сдѣлался собственно изъ-за этого; миѣ нужна раковина, куда бы я могъ прятаться отъ жизни.

Прет. Значить, вы залѣзли въ свою математику со страху?

Калер. Именно, именно! Въ жизни, Дмитрій Кирилловичъ, все такъ измѣнчиво, случайно: каждую минуту она можетъ застать тебя врасплохъ. Оттого-то я и боюсь ея... А въ математикѣ все ясно, опредѣленно, неизмѣнно... и все такъ далеко отъ капризовъ этой жизни. Тутъ знаешь, что дважды два всегда будетъ четыре—и спокоенъ... Такъ что я и математику то избралъ главнымъ образомъ изъ-за безпокойства.

Прет. (*бросаетъ работать*). Такъ въ чемъ же наконецъ дѣло?

Калер. Вонъ Филаретъ Степановичъ твердитъ, что мы съ Риммой Кирилловной не подходимъ другъ къ другу.

Прет. А!

Калер. Онъ раздражаетъ меня; мы даже съ нимъ поссорились изъ-за этого, — но... я все-таки не могу отдѣлаться отъ мысли... Я теряюсь, пугаюсь... У меня внутри такая масса всякихъ *за и противъ*... У меня какъ будто центра нѣтъ, а только одни радіусы, которые топорчатся въ разныя стороны. Я попалъ въ какой-то тупикъ... Выведите меня изъ него, ради Бога! Воздѣйствуйте какъ-нибудь на меня! Обругайте, прибейте меня... дѣлайте со мной, что хотите, только вытащите меня изъ этого проклятаго заколдованнаго круга!..

Прет. Знаете, мнѣ смѣшно и жалко на васъ смотрѣть. Человѣкъ, который бѣгаетъ то къ одному, то къ другому и спрашиваетъ, какъ ему жить, кого любить, на комъ жениться... (*Пожимаетъ плечами, садится къ столу и принимаетъ за прерванную работу*).

Калер. (*съ отталниемъ ерошитъ волосы*). Ахъ, я самъ презираю себя за эту безличность! Но — клянусь вамъ, — нѣтъ человѣка, который бы такъ страстно, такъ лихорадочно жаждалъ быть личностью, какъ я, такъ изступленно мечталъ объ этомъ, такъ издѣвался бы надъ собственной душевной мелкотой! (*Входитъ съ разстроенными видами Варвара Ивановна*).

3. Варвара Ивановна.

Варв. И в. Дмитрій, ты знаешь, что сдѣлалъ этотъ разбойникъ?

Прет. Какой разбойникъ?

Варв. И в. Этотъ негодникъ Леонидъ...

Прет. Ну?

Варв. И в. Какъ только Римма сказала мнѣ, что Серафима сбѣжала къ нему...

Прет. (*съ горечью и насмѣшкой*). Не думаю, чтобы это было для тебя новостью.

Варв. И в. (*сдѣлавъ видъ, что не слыхала его замѣчаній*). Я сейчасъ же первымъ долгомъ бросилась къ Серафимѣ въ комнату, точно... точно у меня предчувствіе было.

Прет. Ну... и что же?

Варв. Ив. Я вѣдь знаю, чего надо ожидать отъ этого поганца...
Ужъ не въ первый разъ!

Прот. Да говори наконецъ!

Варв. Ив. Она увезла съ собой всѣ драгоценныя вещи: и свои, и отцовскія, которыя хранились у нея.. Каково это тебѣ покажется?

Прет. Ахъ, ты о драгоценностяхъ?..

Варв. Ив. Кто жъ могъ подумать, что Серафима способна на это? Вѣдь это грабѣжь! Онъ, онъ подучилъ ее.. зтотъ мерзавецъ... Ахъ, Боже мой, Боже мой! (*Обративъ вниманіе на Калерина*). Ахъ вы, батюшка мой, какъ сдѣлались женихомъ, такъ и здороваться перестали?

Калер. Простите: я такъ нервированъ... (*Здоровается*).

Варв. Ив. Отчего вы не около невесты? Римма тамъ одна сидитъ, ждетъ васъ... Совсѣмъ вы на жениха не похожи!

Калер. (*видимо задѣтый за большое мѣсто*). Не похожъ?.. Гм!.. Я, Варвара Ивановна, ни на что не похожъ! (*Уходитъ въ гостиную разстроенный*).

Варв. Ив. Онъ имѣеть сегодня такой видъ, точно... точно я не знаю что. Это ты, должно быть, ему наговорилъ? (*Замѣтивъ, что Претуровъ работаетъ, внезапно раздражается*). Да ты каменный какой-то: сестра убѣжала, а онъ хоть бы что! Сидитъ и пишетъ! Конечно, отъ такого брата всѣ разбѣгутся!

Прет. Ты хочешь сказать, что Серафима убѣжала по моей винѣ?

Варв. Ив. Если бъ она не боялась тебя, она не ушла бы потихоньку. Скажешь: неправда? Я знаю, что ты скажешь!

Прет. (*пишетъ и говоритъ*). „По статьѣ 2171—Уложенія“...

Варв. Ив. Вылитый отецъ!.. Тотъ, бывало, тоже не удостоиваетъ отвѣтомъ...

Прет. (*пишетъ и говоритъ*). „Имѣя въ виду означенную статью, а также“...

Варв. Ив. Ну, характерецъ!.. Да вѣдь надо же что-нибудь дѣлать! Этотъ сударь обереть Серафиму и бросить ее.. Надо же притянуть къ суду этого нахала! Да ты не слышишь, что ли?

Прет. (*кладетъ перо*). Если бы можно было, я бы притянулъ къ суду прежде всего тебя.

Варв. Ив. Меня?!

Прет. Да, за то, что ты испортила своихъ дѣтей баловствомъ, поблаж-

ками, за то, что ты всегда любовалась ихъ слабостями и сдѣлала изъ нихъ безпомощныхъ, развинченныхъ, нравственно хилыхъ...

Варв. Ив. *(отъ изумленіи и негодованія не находитъ словъ)*. Да ты... да ты...

Прет. За то, что ты отвадила отъ нашей семьи всѣхъ, кто поумнѣе, посерьезнѣе: ты любила только ласковыхъ телятъ или вотъ такихъ весельчаковъ и забавниковъ, какъ Тамбуриновъ, котораго ты же высватала дочери... Ты первая виновата въ томъ, что твои дѣти вязнутъ въ тинѣ и другихъ тащатъ за собою!

Варв. Ив. Да ты просто-напросто съ ума сошелъ, Дмитрій!

Прет. *(сразу подавивъ свою вспышку)*. Нѣтъ, не сошелъ еще, но могу сойти, если всѣ вы... *(Входитъ Римма, она видимо, разстроена, взволнована, но старается не показывать этого и подавить свой готовый прорваться истерическій смѣхъ)*.

4. Претуровъ, Варв. Ив., Римма.

Римма. Женихъ сбѣжалъ... Ха, ха! *(Пьетъ воду; рука у нея дрожитъ, зубы стучатъ о стаканъ)*.

Варв. Ив. Какъ сбѣжалъ?

Римма. Надо публиковать: „пропалъ женихъ... примѣты такія-то... немедленно просятъ доставить за приличное вознагражденіе“... Ха, ха!

Варв. Ив. Римма, да что случилось?

Римма. Онъ больше не вернется,—я знаю это. И прекрасно! *(Подходитъ къ письменному столу)*. Спасибо Митенькѣ: онъ такъ заботится обо мнѣ! Женихъ ушелъ отъ него, какъ ошпаренная собака... Ха, ха!.. Ай да Митенька!

Варв. Ив. *(старается увести ее)*. Оставь, Римма, оставь... Ему не до тебя теперь...

Римма. Конечно, конечно!.. О, какъ вы мнѣ всѣ опостылили!.. Куда мнѣ бѣжать отъ васъ? Я ненавижу эти комнаты, эти стѣны... и эти будни, эти вѣчныя будни!.. *(Указывая на Претур.)*. А больше всѣхъ его, который сидитъ съ утра до ночи за своими проклятыми бумагами, какъ каменное изваяніе! *(При послѣднихъ словахъ съ ней начинается истерическій смѣхъ)*.

Варв. Ив. Молчи ты! Оставь его въ покоѣ! *(Уводитъ ее. За сценой все еще слышится истерическій смѣхъ Риммы)*.

„Сильные и слабые“.

Пьеса Н. Тимковскаго.

Декорация IV акта.

Претур. *(Когда его не видятъ, поднимаетъ голову, глубоко вздыхаетъ и судорожно третъ себя грудь).*

Варв. Ив. *(возвращаясь къ Претурову).* Ну, это вздоръ... Калеринъ вернется... Римма выйдетъ за него.

(Входитъ Евгенія Александровна; въ рукахъ у нея портфель, свернутый въ трубку).

5. Евгенія Александровна.

Евг. Ал. *(Варваръ Ив.).* Тамъ Георгій Кирилловичъ. Подите къ нему.

Варв. Ив. *(остолбеневъ).* Вы вмѣстѣ съ нимъ пришли?

Евг. Ал. Да. *(Варвара Ив. смотритъ на нее съ волненіемъ и видимо хотѣтъ спросить о темъ-то, но удерживается и торопливо уходитъ. Варвара Ив. за сценой: „Жоржикъ, Жоржикъ, гдѣ ты“?)*

Евг. Ал. *(въ задумчивости сама съ собой).* Серафима ушла къ мужу... Что заставило ее? Тутъ что-то фатальное.

Прет. *(все время слѣдившій за нею съ тревожными недоумленіемъ, подходитъ къ ней).* Мы не видались съ тобой сегодня... *(Протягиваетъ ей руку).*

Евг. Ал. Ахъ, да... *(Жметъ ему руку).* Тутъ какая-то притягательная сила крючка, на которомъ манить повѣситься. *(Садится къ рѣшеточку и начинаетъ переписывать).*

Прет. Странныя слова ты говоришь. Это на тебя не похоже...

Евг. Ал. Зачѣмъ Симочка ушла? Спасать мужа?.. Нѣтъ, она никогда не рассчитывала на это... Тутъ какое-то безуміе, которое опрокидываетъ все и тащитъ за собой человѣка точно на арканѣ...

Прет. Противъ безуміа у человѣка есть разумъ, воля, сознание своей нравственной личности...

Евг. Ал. „Разумъ, воля“? Да, да...

Прет. Брось писать.

Евг. Ал. Почему?

Прет. У тебя дрожатъ руки.

Евг. Ал. Пустяки. Ты же можешь всегда работать... И я хочу.

Прет. *(прикладываетъ ей ко лбу руку).* Да у тебя, кажется, жаръ?

Евг. Ал. Вовсе нѣтъ.

Прет. Лицо—нехорошее...

Евг. Ал. Я совершенно здорова... Не мѣшай мнѣ писать. Вотъ и тутъ вмѣсто „присяжный“ написала: „присяжный“... *(Стираетъ резинкой)*.

Прет. Женя, что у тебя на душѣ?.. Я вижу въ твоихъ глазахъ какое-то новое выраженіе... Мѣсяць тому назадъ ты подошла бы ко мнѣ и сказала все прямо, смѣло, какъ умѣютъ говорить сильные; а теперь ты...

Евг. Ал. *(пишетъ)* „Его Высокопревосходительству“... Какое длинное слово! *(Входитъ Георгій въ сопровожденіи Варвары Ивановны. Онъ по-свѣжлѣзъ, поздоровалъ; одѣтъ довольно элегантно, имѣетъ какой-то праздничный видъ)*.

6. Георгій, Варвара Ив.

Прет. *(увидавъ брата, выражаетъ удивленіе)*.

Георг. Митя, здравствуй! *(Горячо пожимаетъ ему руку)*.

Варв. Ив. *(радостно возбужденная, подходитъ прямо къ Евгеніи Алекс. и порывисто обнимаетъ ее)*. Родная моя! *(Цѣлуетъ ее)*. Славная моя! Подите ко мнѣ въ комнату: такъ много, много хочется сказать вамъ! *(Претурову млеко и смущенно)*. Митя, ты... *(Не знаетъ, что сказать)*. Вѣдь вы мнѣ оба родные! *(Евгенія Ал. встаетъ съ понуренной головой, ни на кого не глядя; Варвара Иван. увлекаетъ ее)*. Я сейчасъ вся какъ-то... точно... точно ужъ и не знаю что!.. *(Объ уходитъ)*.

Претур. Откуда такой приливъ нѣжности у мамы?

Георг. Я тебѣ не помѣшаю?

Прет. Садись, побесѣдуемъ. *(Георгій садится къ столу)*. Кури. *(Подаетъ ему коробку съ папиросами; тотъ закуриваетъ)*.

Георг. Мы съ тобой давно не видались.

Прет. Ты какъ будто посвѣжѣе сталъ.

Георг. А ты, должно быть, черезчуръ много работаешь?

Прет. А что?

Георг. У тебя утомленный видъ... Или просто озабоченный, что-ли?

Прет. Можетъ быть... Это не суть важно. Ну, а ты какъ? Были у тебя какія-нибудь дѣла? Защищаль кого-нибудь?

Георг. Да нѣтъ... такъ больше по мелочамъ. Настоящаго дѣла не было. *(Пауза)*. У насъ тутъ разныя семейныя событія?

Прет. Да, да...

Георг. Риммочка опять поссорилась съ Калеринымъ?

Прет. Возможно.

Георг. А Серафима-то?.. Прямо скандалъ! Тамбуриновъ это—такой прохвость: ты былъ совершенно правъ, Митя.. Миѣ теперь стыдно вспомнить: я взялъ тогда у тебя денегъ, чтобы ѣхать за границу, а вмѣсто этого...

Прет. Ну, что вспоминать. Это не важно.

Георг. Надо розыскать Серафиму. Я могу, если хочешь, навести справки.

Прет. Нѣтъ, не трудись.

Георг. Что это ты, Митя? Меня удивляетъ твое равнодушіе.

Прет. Довольно: не хочу больше никого тащить на буксирѣ.

Георг. Иногда можно и пожалѣть, Митя.

Прет. *(пожимая плечами)*. Зачѣмъ? Безполезно.

Георг. Это ужъ черезчуръ жестоко.

Прет. Кто упорно хочетъ тонуть, пусть тонетъ.

Георг. Нѣтъ, чѣмъ слабѣе человѣкъ, тѣмъ скорѣе надо помочь ему.

Прет. Лучше итти навстрѣчу тому, кто хочетъ и можетъ быть сильнымъ, кто самъ старается выплыть.

Георг. Я понимаю твое настроеніе, Митя: мы всѣ такъ долго цѣплялись за тебя, такъ часто черпали изъ тебя силы.. Ты усталъ съ нами.. Конечно, не ты виноватъ въ этомъ, а мы.. да,—мы.

Прет. Къ чему разбирать, кто виноватъ, кто правъ?

Георг. Нѣтъ, только теперь миѣ стало ясно, какъ я плохо понималъ тебя, какъ мало цѣнилъ. Не могу простить себѣ этого.

Прет. Ты говоришь, точно вспоминаешь съ умиленіемъ покойника.. или некрологъ пишешь.

Георг. Ну, что ты... Я хочу только сказать, какъ глубоко уважаю тебя, твою нравственную силу.. Ты кажешься миѣ прямо необыкновеннымъ... и я... я горжусь такимъ братомъ!

Прет. Постой... Къ чему это славословіе? Теперь это становится похоже на юбилейную рѣчь.

Георг. Полно, Митя. Я говорю то, что чувствую.

Прет. Прежде ты такъ не чувствовалъ.

Георг. Да,—потому что не былъ живымъ.

Прет. А теперь ожилъ?

Георг. Да, теперь я могу думать, работать, любить, жалѣть...

Прет. Что тебя воскресило? *(Входитъ Евг. Ал., стараясь ни на кого не глядѣть; садится къ реллингтону и работаетъ. Варвара Ивановна, проводивъ ее до двери, пытливо смотритъ на сыновей и скрывается. Георгій, взглянувъ на Евг. Ал., встаетъ; Претуровъ тоже встаетъ).*

7. Претуровъ, Георгій, Евг. Ал.

Георг. Митя, я очень дорожу твоей дружбой... *(Претуровъ молча смотритъ на него, стараясь прочесть въ его лицъ истинный смыслъ его словъ). Миѣ будетъ больно, если ты отвернешься отъ меня. (Евг. Ал. въ изнеможеніи опускаетъ голову на руки; этого никто не видитъ).*

Прет. *(продолжая смотрѣть на него).* Да развѣ я...

Георг. Я только хотѣлъ высказаться... Ну, я зайду на минуту къ мамочкѣ, а потомъ долженъ ѣхать по дѣлу. До свиданія, Митя.

Прет. *(протягиваетъ ему руку).* До свиданія. *(Евг. Ал. употребляетъ страшныя усилія, чтобы работать; по временамъ все ея существо выражаетъ невыносимую боль и изнеможеніе).*

Георг. *(удерживая его руку).* Митя, если тебѣ будетъ слишкомъ тяжело...

Прет. *(съ недоумленіемъ смотритъ на брата).*

Георг. Я знаю, ты сумѣешь найти въ себѣ силу... Ты выйдешь побѣдителемъ изъ всякаго испытанія... Ты уйдешь съ головой въ работу,—и...

Прет. Что тебѣ вздумалось заранѣе утѣшать меня?

Георг. Впрочемъ, ты привыкъ утѣшать другихъ, и самъ не нуждаешься въ утѣшеніяхъ. Ты выше всякихъ слабостей... *(Жметъ ему руку, идетъ, потомъ внезапно возвращается и горько обнимаетъ брата; проходя мимо Евгеніи Ал. хочетъ что-то сказать ей, но посмотрѣвъ на нее, молча выходитъ).*

Прет. Что съ нимъ такое? И отчего вы всѣ какіе-то.. Право, миѣ это не нравится. Я начинаю чувствовать себя въ положеніи тяжело больного, котораго приходятъ навѣщать... *(Евг. Ал. опускаетъ голову все ниже и ниже, наконецъ ложится лбомъ на клавиши реллингтона).* Женя, что все это значить? Да объясни же наконецъ!

Евг. Ал. Миѣ страшно...

Прет. Что?

Евг. Ал. Ты меня вывелъ на свѣтъ... Ты такъ много сдѣлалъ для меня... И вотъ теперь я... Ужасно!

Прет. (*кладетъ ей на плечо руку и говоритъ тихимъ, твердымъ голосомъ*). Говори все сразу... безъ колебаній.

Евг. Ал. Какъ я скажу тебѣ это? Какъ объясню? У меня не хватаетъ силы...

Прет. Женя, я жду...

Евг. Ал. (*послѣ минутной борьбы*). Слушай... Ну вотъ... я не могу быть твоей женой.

Прет. (*пораженный, отступая*).

Евг. Ал. Я должна быть съ нимъ... его женой.

Прет. И это ты, ты говоришь мнѣ?! (*Съ внезапной мыслью*). Поймай... (*Беретъ ее за голову*). Покажи глаза... (*Глядитъ ей въ глаза*). Ты все время видѣлась съ нимъ... Ты не переставала думать о немъ... Теперь понимаю: проснулась первая любовь, воскресло прошлое. Ты любишь его, а не меня! Его, его! Ты должна сказать мнѣ это прямо и честно.

Евг. Ал. Нѣтъ, я все такъ же люблю тебя... Но у меня... раздвоилось сердце...

Прет. Раздвоилось?

Евг. Ал. Да... Точно въ немъ двѣ половины: одна—здоровая, которая любить тебя, а другая—больная, которая любитъ его...

Прет. Все таки „любить?“

Евг. Ал. Да, — больною, мучительною любовью. Это даже не любовь, а мука... Она какой-то цѣпью приковываетъ меня къ нему.

Прет. Такъ надо разорвать эту цѣпь, потому что цѣпей не должна терпѣть на себѣ живая человѣческая душа!

Евг. Ал. Я не смѣю разорвать эту цѣпь.

Прет. Какъ?! Ты не смѣешь... Женя, гдѣ жъ твоя прежняя сила? Это онъ, онъ отравилъ твою душу больными чувствами и вѣчными стонами и мракомъ! Ты сама не замѣчала, какъ лицо твое становилось унылымъ, какъ въ тебѣ свивали гнѣздо тоска и страхъ, какъ нервы напрягались и надрывались... Проклятіе этому истерическому состраданію!

Евг. Ал. Нѣтъ, нѣтъ! Тутъ не одно больное... О, какъ мнѣ хочется, чтобы ты заглянулъ поглубже въ мою душу и понялъ бы... Вѣдь ты же пробудилъ во мнѣ новую жизнь, къ тебѣ я шла со всеми своими сомнѣніями. И теперь мнѣ нужно, чтобы мы оба одинаково поняли самое для

меня важное. Вѣдь прежде всего, важнѣе всего — спасти человѣка, а потомъ ужъ думать о себѣ.

Прет. Спаси?... Гм!..

Евг. Ал. *(горячо, почти съ экстазомъ)*. Да! Спаси во что бы то ни стало! Чѣмъ бы ни помочь, лишь бы помочь! Неужели въ этомъ нѣтъ правды?

Прет. Ну, а отъ меня ты уйдешь съ спокойной совѣстью?

Евг. Ал. Ахъ, какая это мука! Я истерзалась и за тебя, и за себя... Я чувствую, какой въ этомъ ужасъ... Но, милый, пойми: вѣдь ты сильнѣе его, ты не погибнешь безъ меня, ты справишься...

Прет. Но вѣдь я люблю тебя, такъ глубоко люблю!

Евг. Ал. Милый, подумай: для него моя любовь — все... въ ней вся его жизнь, сила, надежда... А для тебя?

Прет. Для меня она—радость жизни, тепло, которое согрѣваетъ меня, чудная звѣзда, блескомъ которой я люблюсь...

Евг. Ал. *(закрываетъ лицо руками и плачетъ)*. Зачѣмъ я такъ люблю тебя?

Прет. Зачѣмъ ты уходишь отъ того, кого любишь?

Евг. Ал. Вѣдь тебя я люблю для себя, а его люблю для него.

Прет. Ты должна идти съ тѣмъ, кого больше любишь.

Евг. Ал. Нѣтъ,—съ тѣмъ, кому я нужнѣе.

Прет. Больное сердце, больная, отравленная совѣсть!

Евг. Ал. О, Господи... да вѣдь я, все равно, не могу быть твоею радостью. Миѣ было бы стыдно, жутко наслаждаться своимъ счастьемъ, если-бъ я перешагнула черезъ другого. Я знаю, что съ тобой я была бы счастливѣе, но вотъ это-то и пугаетъ меня.

Прет. Пугаетъ? Зачѣмъ ты такъ исковеркала свою душу? Ты хочешь непременно сдѣлать изъ любви муку? Ты ужъ не понимаешь любви иначе, какъ страданіе, какъ жертву, какъ самоистязаніе?

Евг. Ал. Да, я всю жизнь мучилась бы отъ мысли, что благодаря тебѣ я обезпечена, ограждена отъ заботъ, что ты за меня думаешь, ведешь меня за собой... А я? Какъ мало я могу внести въ твою жизнь!

Прет. Значить ты... Да о чемъ мы съ тобой говоримъ? Мы любимъ другъ друга—и этимъ все сказано! Мы давно ждали, давно искали другъ друга!.. Мы должны быть вмѣстѣ!

Евг. Ал. Постой... Ты — умный, честный... Ты любишь правду...

Спроси свою совѣсть и отвѣть мнѣ: справедливо ли, когда одному дано все—слава, любимое дѣло, уваженіе общества, любовь, а другому ничего?

Прет. Я тебѣ отвѣчу...

Евг. Ал. Справедливо ли отнять у слабого послѣднюю поддержку— и отдать тебѣ, сильному, который и безъ поддержки устоитъ... котораго ничто не сломить?

Прет. Ты все сказала? Теперь выслушай меня. Пока мой братъ жилъ беззаботно, спрятавшись подъ крыло матери, я несъ на себѣ всю тяжесть труда, я тянулъ за собой своихъ родныхъ, какъ пароходъ тинетъ противъ теченія вереницу барокъ. Я расчищаль передъ ними дорогу,— они ее безпрестанно загромождали дрязгами и личными счетами. Я призывалъ ихъ къ бодрости,—они угнетали меня уныніемъ. Я бился, чтобы устроить имъ хорошую человѣческую жизнь,—они упрямо комкали и портили ее, жаловались на судьбу, роптали на меня, подрывали во мнѣ силу своимъ упорствомъ, недоверіемъ, безконечными упреками и безконечнымъ нытьемъ. Теперь этотъ Георгій, избалованный и испорченный съ дѣтства похвалами, ласками и всякими потачками, никогда не трудившійся надъ собой, заявляетъ права на твою душу и отнимаетъ ее у меня. *(Евг. Ал. хочетъ возразить)*. Да, да!.. Гдѣ тутъ справедливость? Чѣмъ онъ заслужилъ твое горячее участіе? Своей беспомощностью? Но онъ беспомощенъ оттого, что всегда сидѣлъ на плечахъ другого. Я спрашиваю тебя: справедливо ли отнимать у сильнаго то, что онъ пріобрѣлъ упорнымъ трудомъ, внутренней ломкой, и отдавать слабому только потому, что тотъ слабъ? Справедливо ли? Отвѣчай мнѣ!

Евг. Ал. Что я тебѣ отвѣчу? Я знаю одно только: безъ меня ему—смерть. Понимаешь ты: смерть!

Прет. Ха! Если для того, чтобы жить, ему надо заѣдать чужой вѣкъ, если онъ безъ этого ничего не можетъ и ничего не хочетъ,— то пусть лучше умереть!

Евг. Ал. Какъ?

Прет. Да,—лучше умереть, чѣмъ быть всю жизнь нравственнымъ паразитомъ.

Евг. Ал. Нѣтъ, нѣтъ! Я вѣрю въ него. Я выхожу его, какъ больного ребенка.

Прет. Возмущаетъ меня это неудержимое стремленіе быть, прежде всего, сидѣлкой, нянькой...

Е в г. А л. Да къ чему-жь тогда намъ сила? Какой смыслъ въ ней?

Пр е т. Слабаго ты не сдѣлаешь сильнымъ, только сама потеряешь съ нимъ силу.

Е в г. А л. Нѣтъ, онъ будетъ итти впередъ... изъ любви ко мнѣ будетъ!..

Пр е т. Изъ любви? Ха!.. Да развѣ эти люди могутъ любить? Не любовь это, а только истерическая чувствительность!

Е в г. А л. Нѣтъ, нѣтъ! Ты неправъ!

Пр е т. Да если бы онъ въ самомъ дѣлѣ любилъ тебя, онъ подумалъ бы о твоёмъ здоровьи, спокойствіи, счастіи—но онъ думаетъ и будетъ думать только о себѣ, потому что онъ ощущаетъ остро только самого себя, свое настроеніе.

Е в г. А л. Ты несправедливъ къ нему!

Пр е т. Е му прежде всего нужно, чтобы ты страдала за него, мучилась вмѣстѣ съ нимъ... О, мнѣ-то хорошо извѣстны эти слабые!

Е в г. А л. Подумай: если моя сознательная жизнь начинается съ того, что изъ-за мени пропадаетъ человѣкъ, то какая цѣна въ ней? И если я вошла въ твою семью съ тѣмъ, чтобы сдѣлать твоего брата и твою мать несчастными, то... лучше бы мнѣ было не выходить изъ-подъ опеки Назарьинныхъ!..

Пр е т. Къ моему горю, ты и теперь еще не вышла изъ-подъ нея. Я вижу, какъ глубоко эта опека впиалась въ твою душу, въ какихъ тискахъ она до сихъ поръ держитъ ее... Ты хочешь свободы, простору, свѣта,—а она дѣлаетъ изъ тебя слабое, убогое существо, едва способное влачить черезъ силу проклятую лямку жизни! Неужели вся задача человѣка въ этомъ? Неужели въ жизни не можетъ быть ничего лучше, умнѣе, прекраснѣе, чѣмъ эта унылая лямка, во имя которой ты хочешь надрываться?

8. Варвара Ивановна.

В ар в. И в. (*просовывалась въ дверь, неръшипательно зоветъ*). Женичка.

Е в г. А л. (*машетъ ей рукой*). Сейчасъ! (*Варв. Ив. скрывается*).

Е в г. А л. Вотъ я знаю: онъ сидитъ тамъ, ждетъ меня и мучится...! Ему все кажется, что я вдругъ уйду отъ него,—и онъ сходить съ ума отъ этой мысли. Его тревога передается мнѣ... Я сама начинаю мучиться... Я

не въ силахъ быть здѣсь, когда онъ ждетъ меня... Я не могу!.. *(Дѣлаетъ движеніе, чтобы уйти).*

Прет. Не уходи... Будь со мной!

Евг. Ал. У меня все ноетъ, все дрожить внутри... Понимаешь ты, я не въ силахъ!

Прет. *(крепко сжимаетъ ея руки).* Будь со мной, если меня любишь. Не уходи отъ меня!.. Женя... я умоляю!

Евг. Ал. *(съ отчаяніемъ).* Да не могу же я!

Прет. *(сдѣлавъ надъ собою страшное усиліе).* Ну, если не можешь... *(Евг. Ал. мучительно борется съ собой).*

Варв. Ив. *(просовываясь въ дверь, умоляющими тономъ)* Женичка! Ради Бога!.. Онъ тамъ сумасшествуетъ!

Евг. Ал. *(съ большими нетерпѣніемъ машетъ ей).* Сейчасъ, сейчасъ... *(Варв. Ив. скрывается).* Я... сейчасъ... вернусь. *(Нервительно идетъ).*

Прет. Пойдите... *(Евг. Ал., вздрогнувъ, останавливается).* Захватите съ собой вашу работу *(подаетъ ей портфель).*

Евг. Ал. Зачѣмъ?

Прет. Чтобы больше не возвращаться.

Евг. Ал. *(какъ автоматъ).* Не возвращаться?

Прет. Наши дороги расходятся. *(Пауза).*

Евг. Ал. *(перебирая дрожащими руками бумаги на релингтонѣ).* Я тутъ не дописала...

Прет. Ничего. Римма допишетъ.

Евг. Ал. А вотъ это переписано въ двухъ экземплярахъ.

Прет. Прекрасно. Спасибо.

Евг. Ал. Вотъ я здѣсь одного слова не разобрала.

Прет. Ничего. Это не важно.

Евг. Ал. Ну, кажется, все... Да, все...

Прет. Хорошо. Благодарю васъ. *(Евгенія Алекс. смотритъ на него, закусивъ губу и сдерживая свое волненіе; идетъ и останавливается у дверей).*

Евг. Ал. *(со слезами бросается къ Претурову).* Ты остаешься одинъ... совсѣмъ одинъ! Милый, хорошій мой... какъ мнѣ мучительно жаль тебя!

Прет. Если ты вернулась ко мнѣ потому, что жалѣешь меня, то ты напрасно возвращалась.

Евг. Ал. Напрасно?

Прет. Да, мнѣ сожалѣній не нужно... Я не стану говорить тебѣ, какъ мнѣ тяжело, не стану выплакивать у тебя твою любовь. Я хочу, чтобы ты любила меня за мою силу, а не за мою слабость. Я хочу любви радостной, свободной!

Евг. Ал. *(какъ бы внезапно принявъ новое рѣшеніе, тихимъ подавленнымъ отъ плѣселей внутренней борьбы голосомъ)*. Слушай... Если ты не можешь безъ меня... Если ты...

Прет. Не надо этихъ „если“... ради Бога не надо! Я спрашиваю тебя: можешь ты отдать мнѣ свое сердце безраздѣльно, какъ сдѣлалъ это я—пойти со мной безъ оглядки и на всю жизнь? Отвѣчай мнѣ.

Евг. Ал. *(съ мучительной борьбой)*. Ты требуешь... А онъ, а онъ?

Прет. Такъ значить, ты... *(Сдерживаетъ свою душевную бурю и говоритъ подавленнымъ голосомъ)*. Перестанемъ такъ постыдно торговаться изъ-за любви... Кончимъ скорѣй эту унижительную для обоихъ насъ сцену... Я спрашиваю тебя въ послѣдній разъ: найдешь ли ты въ себѣ силу вырваться изъ этой петли состраданія, которую такъ крѣпко затянули на тебѣ? Мнѣ страшно за тебя! Мнѣ обидно за тебя! Воскреси въ себѣ прежнюю силу, стряхни съ себя это безуміе!

Евг. Ал. *(ломаю руки)*. А онъ, а онъ? Могу ли я?! Смѣю ли я?!

Прет. Это твое послѣднее слово? *(Евг. Ал. опускаетъ голову)*. *(Пауза)*. Ну, такъ уйди отъ меня... и чтобы мы больше никогда не встрѣчались. Слышишь: никогда!

Евг. Ал. Никогда не встрѣчаться?.. Никогда?..

Прет. Я вырву эту любовь изъ сердца, какъ занозу, причиняющую только боль! Я постараюсь стереть изъ памяти твой образъ, помутившій во мнѣ душу. Скорѣй забыть тебя и эту жалкую любовь, боязливую, оглядывающуюся по сторонамъ, опозоренную колебаніями и измѣной, разбавленную, какъ водой, слезливой чувствительностью, обезображенную больными настроеніями, обидными противорѣчіями и разными пугалами,— и всю эту бесплодную тревогу, муку и разочарованіе! Забыть, скорѣй забыть!

Евг. Ал. *(дѣлаетъ невольное движеніе къ нему)*. Забыть? Ты хочешь забыть? Ты можешь это?!

Прет. Оставь меня. Мнѣ жалки люди, развѣшивающіе на вѣсахъ свое сердце. Мнѣ не надо такой любви... Я себя самого буду презирать

за нее... Оставь меня! (Садится к столу и судорожно хватается за работу).

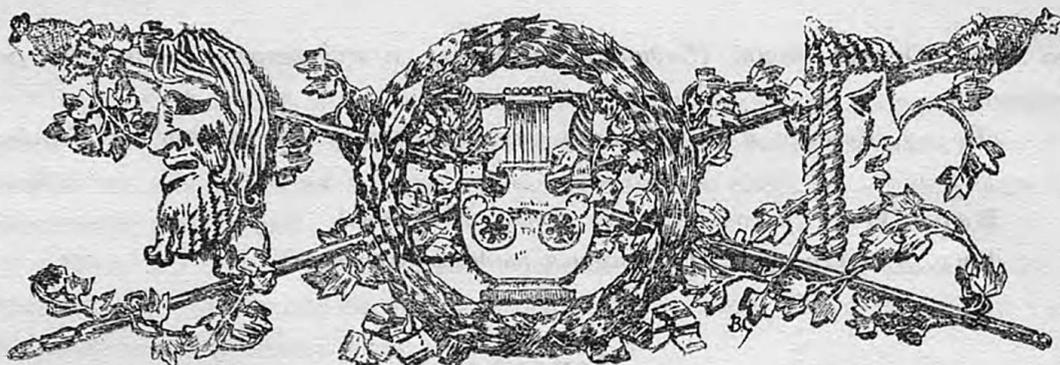
(Пауза. Евгений Александровна вся содрагается отъ внутренней борьбы и муки).

Варв. Ив. (просовываясь въ дверь), Женичка!

Евг. Ал. Прощай! (Сдерживая рыданіе уходитъ).

Занавѣсъ.

Двадцать пять лѣтъ изъ жизни московскаго театра *).

I.

Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, я въ первый разъ переступилъ порогъ московскаго театра и вотъ какимъ онъ былъ въ то время относительно своего административнаго устройства и своей художественной части.

Тогда театръ московскій не былъ соединенъ, какъ теперь, съ петербургскимъ подъ одною дирекціею, а имѣлъ свое отдѣльное, самобытное существованіе. Директоромъ его былъ Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ; управляющимъ конторою — Александръ Дмитриевичъ Васильцевскій и инспекторомъ репертуара — Алексѣй Николаевичъ Верстовскій. Эти лица сосредоточивали въ себѣ всю власть и силу: они творили судъ и расправу и держали въ своихъ рукахъ всѣ судьбы театральнаго міра и сценическаго дѣла; только въ особенно важныхъ случаяхъ московская дирекція испрашивала разрѣшенія у главнаго, непосредственнаго начальника Императорскихъ театровъ — у министра Двора, которымъ тогда былъ свѣтлѣйшій князь Петръ Михайловичъ Волконскій.

Контора помѣщалась въ нижнемъ этажѣ Большаго театра и представляла собою двѣ комнаты съ перегородками въ каждой; помѣщеніе было

*) См. „Ежегодникъ“, сез. 1895—96 г. Прил. I „Отрывки изъ памятной книжки отставнаго режиссера“, С. Соловьѣва.

довольно мизерное, похожее больше на какой-нибудь провинціальный уѣздный судъ, чѣмъ на контору Императорскаго театра. Въ первой комнатѣ, противъ входной двери, у стѣны, стояли рядомъ три кресла, передъ ними длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ; среднее кресло для директора, направо отъ него—для управляющаго, а налѣво—для инспектора репертуара; въ углу, рядомъ со входною дверью, у окна, стоялъ небольшой столъ для секретаря директора. Эта комната называлась „присутствіемъ“; ея небольшая часть съ однимъ окномъ, была отдѣлена перегородкой: тамъ находились—бухгалтеръ и контролеръ съ ихъ писцами. Во второй комнатѣ помѣщались столы—репертуарный, гардеробный, экономическій или хозяйственный и конторка смотрителя за сборами Большого театра; въ концѣ комнаты, за перегородкой, было казначейство съ обычнымъ желѣзнымъ сундукомъ для денегъ и подлѣ него съ постоянно дремавшимъ часовымъ изъ ветхихъ отставныхъ солдатъ, служившихъ въ театрѣ; тутъ же находился присяжный изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ съ георгіевскимъ крестомъ.

Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ былъ человекъ умный отъ природы и хорошо образованный, съ добрымъ благороднымъ сердцемъ, деликатный, великодушный, сочувствующій чужому горю и всегда готовый протянуть ему руку помощи; но, къ сожалѣнію, съ излишне-идеальнымъ воззрѣніемъ на жизнь и людей. Онъ безпрестанно увлекался и все видѣлъ въ розовомъ цвѣтѣ; на что чувствовалъ неспособнымъ себя, въ томъ никогда не подозревалъ и другихъ, а потому твердо вѣрилъ въ неподкупную честность и благородство всѣхъ его окружающихъ. Опыты разочарованія нисколько его не исправляли: онъ всегда находилъ причины, вполне оправдывающія тотъ или другой дурной поступокъ. Какъ у писателя, голова его была постоянно занята какимъ-нибудь новымъ сочиненіемъ, отъ чего онъ былъ чрезвычайно разсѣянъ. Эта разсѣянность иногда отражалась и на его служебныхъ дѣлахъ, въ чемъ его недоброжелатели, — а онъ ихъ имѣлъ, да кто же ихъ не имѣетъ?—видѣли предосудительную небрежность и непростительное невниманіе къ своимъ обязанностямъ. При безхарактерности, онъ былъ очень вспыльчивъ. Эту вспыльчивость многіе употребляли въ свою пользу: если кому было нужно что-нибудь у него выпросить, тотъ, прежде всего, старался его разсердить; онъ вспыхнетъ, раскричится и черезъ нѣсколько минутъ, по обыкновенію, начнетъ ухаживать за тѣмъ, на кого накричалъ; ну, тутъ, разумѣется, и просьба его исполнялась.

Однимъ словомъ Михаилъ Николаевичъ былъ превосходный симпатичный человѣкъ, но слабый директоръ театра.

Алексѣй Николаевичъ Верстовскій, своими умственными и нравственными качествами былъ діаметрально противоположенъ Загоскину: съ умомъ гибкимъ, острымъ и чрезвычайно практичнымъ, онъ соединялъ драгоценную способность уживаться со всѣмъ и со всѣми и употреблять все и всѣхъ въ свою пользу. Онъ имѣлъ сильный, энергичный характеръ; рѣшительность и твердая воля были присущи всѣмъ его начинаніямъ; для достиженія предположенной цѣли, онъ не затруднялся въ выборѣ средствъ и ничѣмъ не пренебрегалъ: для него было все равно по какой бы дорогѣ не итти, лишь бы добраться до желаемого. Въ обращеніи съ людьми онъ, при наружной откровенности, былъ чрезвычайно скрытенъ: начавъ службу небогатымъ мелкимъ чиновникомъ, онъ окончилъ ее, имѣя два дома, порядочный денежный капиталъ и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Но при такихъ исключительно утилитарныхъ способностяхъ, онъ обладалъ изящнымъ художественнымъ вкусомъ, превосходно понималъ драматическое искусство и самъ былъ замѣчательнымъ актеромъ, что доказалъ на дѣлѣ,—о чемъ скажу позднѣе. Онъ почти не имѣлъ голоса — *la voix de compositeur*, какъ онъ самъ говорилъ, но знаніе музыки, прекрасный методъ и необыкновенное одушевленіе дѣлали его пѣніе чрезвычайно пріятнымъ. Мнѣ случалось слышать, какъ онъ, сидя за фортепіано, проходилъ съ нѣкоторыми пѣвцами партіи изъ оперы его сочиненія, — какая могучая сила чувствъ, какая страстная выразительность и какой огонь въ каждой нотѣ! Слушаешь бывало — и не вѣришь, что это поеть человѣкъ, которому сорокъ лѣтъ. Пѣвецъ Бантышевъ своимъ блестящимъ успѣхомъ въ роли Торонки, въ оперѣ „Аскольдова могила“, былъ обязанъ главнымъ образомъ указаніямъ Верстовскаго. Онъ передалъ ему и этотъ широкой разгулъ русскаго человѣка, и эту беззаботную веселость вмѣстѣ съ хитрымъ „себѣ на умъ“. Вообще, въ дѣлѣ искусства, Верстовскій дѣйствовалъ благотворно на всѣхъ артистовъ, — приходилъ-ли на сцену во время репетиціи, сидѣлъ-ли въ ложѣ во время спектаклей,—онъ всегда сообщалъ артистамъ жизнь и одушевленіе. Они чувствовали себя, какъ говорится, въ ударѣ: имъ хотѣлось играть, и въ его присутствіи они всегда играли лучше, нежели безъ него, хотя-бы то было и при многочисленной публикѣ. Его замѣчанія были всегда вѣрны и полезны, а похвалы всегда заслуженны; оттого артисты ими очень дорожили. Съ Алексѣемъ Николаевичемъ Вер-

стовскимъ, какъ съ человѣкомъ, надо было жить и оглядываться, а какъ инспекторъ репертуара, онъ былъ истиннымъ сокровищемъ. Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ былъ директоръ только по названію, а всѣмъ театромъ управлялъ одинъ Верстовскій. Театральный людъ очень мѣтко и характерно называлъ его, употребляя простонародное слово — театральнымъ воротилой, или многозначительнымъ „самъ“.

Александръ Дмитріевичъ Васильцевскій—личность, о которой затрудняешься что сказать. Онъ былъ мелочно золъ и мелочно мстителенъ, имѣлъ черные глаза, орлиный носъ и короткіе сѣдые волосы, щеголялъ тонкимъ бѣлымъ и говорилъ съ дурнымъ произношеніемъ по-французски; писалъ некрасивымъ, неразборчивымъ почеркомъ и очень любилъ конфеты, которыя всегда носилъ съ собою; былъ лошадинымъ охотникомъ и имѣлъ свой конскій заводъ. Со своими крестьянами и дворней нерѣдко злоупотреблялъ крѣпостнымъ правомъ.

Для полноты картины административной машины того времени, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ второстепенныхъ членахъ конторской корпораціи. Николай Васильевичъ Кислинскій, секретарь директора и помощникъ инспектора репертуара, былъ человѣкъ весьма замѣчательный по своей необыкновенной во всемъ точности и самой нѣмецкой аккуратности. Онъ былъ не золъ и не добръ, не далекій и не глупый; какъ секретарь директора, онъ дальше буквы закона ничего не видѣлъ и ничего не хотѣлъ видѣть; какъ помощникъ инспектора репертуара, онъ ничего не понималъ въ дѣлѣ искусства, но считалъ себя въ немъ большимъ знатокомъ. При исполненіи этихъ двухъ должностей, ему почти нечего было дѣлать, такъ онъ были многосложны и отвѣтственны; но несмотря на это, онъ аккуратно каждый день пріѣзжалъ въ контору театра однимъ изъ первыхъ, съ серьезнымъ озабоченнымъ видомъ садился за свой столъ, прежде всего снималъ очки, которые постоянно носилъ и начиналъ ихъ медленно протирать бѣлымъ носовымъ платкомъ; потомъ, надѣвши ихъ снова, отпиралъ ящикъ своего стола и вынималъ оттуда томъ Свода законовъ, въ которомъ говорится о театрѣ, пачку чистой бумаги разнаго формата, портфель со старыми ненужными бумагами и письменный приборъ. Все это размѣщалось на столѣ въ самой строгой симметріи. Окончивъ эту трудную операцію, онъ вставлялъ, и заложивъ за спину руки, начиналъ прохаживаться по конторѣ, обмѣниваясь короткими фразами съ нѣкоторыми чинов-

никами—и это ежедневно, одно и то же въ продолженіе цѣлыхъ десятильѣтъ!

Владиміръ Григорьевичъ Караколпаковъ былъ прежде, кажется, смотрителемъ Малаго театра, и потомъ получилъ должность столоначальника репертуарнаго стола,—человѣкъ безхитростный, по своему добрый, съ калмыцкимъ типомъ лица, говорящимъ о его восточномъ происхожденіи. Онъ учился въ Академіи Художествъ и былъ товарищъ Брюлова. Когда этотъ извѣстный художникъ пріѣзжалъ въ Москву, то непремѣнно посѣщаль Караколпакова, какъ своего стариннаго коллегу, и на радостяхъ свиданія они всегда кутили сряду по нѣскольку дней. Я не знаю, что заставило Караколпакова промѣнить кисть живописца на перо чиновника, но это очень жаль. Впрочемъ, онъ иногда возвращался къ своей прежней спеціальности: такъ, онъ нарисовалъ карандашемъ портретъ съ извѣстнаго артиста Павла Степановича Мочалова и нарисовалъ съ поразительнымъ сходствомъ. Знаменитый трагикъ изображенъ на портретѣ въ роли Мейнау изъ пьесы „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“, въ сценѣ, гдѣ спрашиваетъ у него старинный его другъ, отчего онъ избѣгаетъ людей, и Мейнау, скрестивши на груди руки, отвѣчаетъ: „сердце мое подобно давно засыпанной могилѣ, зачѣмъ разрывать ее и заражать воздухъ?“ Эта минута, бывшая всегда сценическимъ торжествомъ Мочалова, была избрана художникомъ для портрета, и онъ выполнилъ эту задачу съ блестящимъ успѣхомъ: портретъ былъ награвированъ и очень распространенъ по Россіи. Караколпаковъ имѣлъ двухъ сыновей: одинъ изъ нихъ служилъ нѣкоторое время въ московскомъ театрѣ—актеромъ, подъ фамиліей Востокова; другой опредѣлился въ военную службу и въ Севастопольскую кампанію былъ убитъ въ дѣлѣ при Черной рѣчкѣ.

II.

Кромѣ перечисленныхъ мною, въ первомъ отрывкѣ моихъ воспоминаній *), дѣятелей московской сцены, безпристрастный обозрѣватель не можетъ пройти молчаніемъ артистовъ чрезвычайно полезныхъ и даровитыхъ, какими были: Николай Матвѣевичъ Никифоровъ, Дмитрій Тимофѣевичъ Ленскій, Илья Васильевичъ Орловъ, Ѳедоръ Семеновичъ По-

*) См. „Ежегодникъ“, на который указано выше.

танчиковъ, Пётръ Гавриловичъ Степановъ, Павелъ Мардарьевичъ Щепинъ (былъ послѣ опернымъ режиссеромъ) Василій Петровичъ Степановъ, и позднѣе: Владиміръ Александровичъ Дмитревскій и Александръ Андреевичъ Разсказовъ. Строгаго раздѣленія артистовъ по ихъ амплуа не было, да едва-ли когда оно возможно. Такъ, драматическіе артисты играли въ комедіяхъ и водевиляхъ, комическіе и водевильные — въ драмахъ и даже въ операхъ, а оперные, въ свой чередъ, участвовали въ драматическихъ спектакляхъ. Спектакли шли, большею частію, на сценѣ Большаго театра, что было не совсѣмъ выгодно для играющихъ артистовъ: чтобы быть услышанными въ огромной зрительной залѣ, они должны были усиливать свой голосъ, отчего страдала естественность разговора. Въ воскресные и праздничные дни, спектакли составлялись изъ трагедій или драмъ, съ прибавленіемъ, для окончанія, какой-нибудь русской интермедіи или большого дивертисмента. Въ эти спектакли театръ наполнялся по преимуществу чиновниками, учащеюся молодежью, купцами и ремесленниками; всѣ они въ эти дни были свободны и чувствовали себя въ полномъ правѣ отдохнуть отъ трудовъ и повеселиться послѣ будничной жизни. И веселились они во всю ширь и мощь русскаго человѣка; крикамъ „браво“ и „фора“ не было конца.

На Маломъ-же театрѣ постоянно играла французская труппа, находившаяся на службѣ дирекціи: въ числѣ ея артистовъ были весьма даровитые. Въ недѣлю давалось два французскихъ спектакля, по средамъ и субботамъ, которые отличались прекраснымъ ансамблемъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ каждой роли.

Въ оперѣ заливались соловьемъ Николай Владиміровичъ Лавровъ, Александръ Олимпіевичъ Бантышевъ и, позднѣе, Екатерина Алексѣевна Семенова; въ нѣкоторыхъ операхъ участвовала Н. В. Рѣпина, и всегда съ большимъ успѣхомъ. Капельмейстеромъ опернаго оркестра былъ Фельцманъ, хорошо знавшій музыку, но управлявшій оркестромъ съ хладнокровіемъ истаго нѣмца. Позднѣе былъ Юганнистъ, превосходный скрипачъ, получившій классическое музыкальное образованіе; онъ очень много подвинулъ впередъ оперный оркестръ. Послѣ него былъ капельмейстеромъ Сергѣй Ивановичъ Штуцманъ, большой знатокъ музыки; онъ самъ игралъ на трехъ инструментахъ, не считая фортепiano. Кромѣ должности капельмейстера, онъ обучалъ въ театрѣ игрѣ на мѣдныхъ инструментахъ, и въ недолгое время приготовилъ цѣлый

хоръ такихъ музыкантовъ. Дирижеромъ водевильнаго оркестра былъ А. Ф. Колосовъ, человекъ неразвитой, музыкантъ стараго закала, но отлично знавшій свое дѣло. Онъ почти ко всѣмъ водевилямъ набиралъ музыку и тутъ ясно доказалъ и свой музыкальный вкусъ и свое, хотя инстинктивное, но очень вѣрное пониманіе, какого рода музыки требуетъ та или другая пьеса и какой преобладающій мотивъ долженъ быть въ томъ или другомъ положеніи поющаго лица.

Всѣ артисты того времени искренно любили искусство; конечною цѣлью всѣхъ ихъ желаній и стремленій было возможно лучшее исполненіе своей обязанности и непрестанное совершенствованіе. Получаль-ли артистъ роль въ двадцать страницъ или въ двадцать строкъ,—онъ къ ней относился съ равною добросовѣстностью и стараніемъ; даже третьестепенные артисты, бывшіе разъ заняты въ какой-либо пьесѣ, сливались со всѣми въ одно цѣлое, дѣлались необходимыми деталями общей картины и нерѣдко ея украшеніемъ. Вообще между артистами царствовали согласіе, дружба и братское единеніе во имя общаго дѣла. Я говорю: вообще, но, разумѣется, тутъ были и нехорошія исключенія. Въ семьѣ не безъ уroda, и, должно признаться, эти исключенія съ теченіемъ времени все увеличивались въ своей численности и къ началу пятидесятихъ годовъ перестали быть исключеніями.

Для спектаклей драматическихъ и оперныхъ былъ одинъ только режиссеръ. Я засталъ оканчивающимъ службу режиссера С. Л. Кротова; послѣ него должность эту исполнялъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ актеръ Козловскій, а потомъ былъ сдѣланъ режиссеромъ Алексѣй Федоровичъ Акимовъ, у котораго я былъ сначала помощникомъ, а потомъ меня сдѣлали отдѣльнымъ режиссеромъ водевилей.

На сценѣ театра есть двѣ должности невидимыя, какъ воздухъ, и какъ воздухъ необходимыя: это—режиссеръ и суфлеръ. Послѣдній болѣе или менѣе извѣстенъ театральной публикѣ. Этимъ онъ обязанъ, главнымъ образомъ, своему мѣстопробыванію: его будочка, устроенная посреди авансцены, невольно бросается въ глаза зрителей — для чего это? и для кого? Это уже есть первый шагъ къ знакомству съ суфлеромъ. Но режиссеръ невидимъ и неслышимъ; онъ вездѣ и нигдѣ; его мѣсто, во время спектакля, за кулисами; онъ, какъ невидимое, но необходимое колесо въ машинѣ, какъ паръ въ локомотивѣ: ихъ нѣтъ — и стоить машина! Режиссеръ есть скрытая, но главная пружина, которою приводится

въ движеніе весь механизмъ театральнаго дѣла; онъ такъ сказать, душа сценическаго представленія. Онъ долженъ быть человѣкомъ образованнымъ и спеціально изучившимъ всѣ сценическія условія: сверхъ того, онъ долженъ имѣть быстрое соображеніе, находчивость и спокойную увѣренную распорядительность въ своихъ работахъ, часто очень суетливыхъ и требующихъ самаго скораго исполненія. Авторъ написалъ пьесу, ей посчастливилось остаться живой послѣ тяжкихъ испытаній въ театральной цензурѣ и въ театрально-литературномъ комитетѣ, и возвратиться къ виновнику своей жизни, который обыкновенно отдаетъ ее въ дирекцію для представленія на сценѣ. Режиссеръ, получивъ эту пьесу, читаетъ ее съ самымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, и по находящимся въ ней даннымъ, опредѣляетъ время и мѣсто дѣйствія и среду соціального положенія дѣйствующихъ лицъ. Принимая все это во вниманіе, онъ составляетъ полную монтировку пьесы и посылаетъ ее въ контору для разрѣшенія необходимыхъ расходовъ, потомъ дѣлаетъ отдѣльныя выписки—машинисту, декоратору, костюмеру, парикмахеру, цвѣточницѣ и бу-тафору (лицо, завѣдывающее мебелью и всѣми мелкими вещами, употребляемыми на сценѣ). Послѣ этого онъ отдаетъ пьесу для выписки ролей. Роли готовы, и режиссеръ, соображаясь съ амплуа и способностями артистовъ, надписываетъ надъ каждой ролью, кто изъ артистовъ долженъ ее играть; послѣ это назначеніе утверждается инспекторомъ репертуара и роли отсылаются артистамъ. Назначается считка. Артисты, съ ролью и карандашемъ въ рукахъ, садятся вокругъ стола и, за отсутствіемъ автора, читаетъ пьесу режиссеръ: артисты слушаютъ и провѣряютъ свои роли. Читая, онъ долженъ охарактеризовать каждое дѣйствующее лицо и дать общій тонъ всей пьесѣ. Если этого иногда не дѣлается, то это зависитъ отъ индивидуальнаго развитія режиссера и отъ того положенія, которое онъ, какъ человѣкъ, занимаетъ въ обществѣ артистовъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ считки, назначаются репетиціи, первыя не на сценѣ, а въ репетирной залѣ. Здѣсь режиссеръ говоритъ каждому артисту—откуда онъ выходитъ, какое занимаетъ мѣсто на сценѣ, когда и куда переходитъ во время дѣйствія. Для этого режиссеръ предварительно прочитываетъ нѣсколько разъ пьесу, и при каждомъ явленіи отмѣчаетъ порядокъ дѣйствующихъ лицъ, въ какомъ они должны находиться на сценѣ и всѣ переходы; молодыхъ, малоопытныхъ актеровъ онъ долженъ руководить и въ самомъ исполненіи ролей. На сцениче-

сихъ репетиціяхъ режиссеръ заботится о дружномъ, разумномъ ходѣ пьесы—объ ансамблѣ; улаживаетъ съ декораторомъ и машинистомъ всю декорационную постановку; распредѣляетъ на сценѣ мебель и всѣ мелкія вещи, требуемыя пьесой.

Наконецъ все слажено и пьеса идетъ твердо. Назначенъ день перваго представленія, и режиссеръ является въ театръ за нѣсколько часовъ до спектакля, осматриваетъ, все-ли готово на сценѣ и за кулисами, потомъ идетъ въ уборныя взглянуть, приготовлены-ли для артистовъ костюмы, обувь и прочее. Въ шесть часовъ даетъ первый звонокъ, по которому артисты должны одѣваться и съ этой минуты наступаетъ страшная пытка для режиссера: со всѣхъ сторонъ, въ уборныхъ, раздаются голоса, мужскіе и женскіе:—„Г. Режиссеръ! Миѣ костюмъ очень узокъ.—Эти сапоги такъ широки, что я непременно потеряю ихъ на сценѣ.—Я играю не прачку, и въ такомъ отвратительномъ платьѣ не выйду на сцену. Слышите-ли—ни за что не выйду!—Ко миѣ до сихъ поръ не приходитъ парикмахеръ, и я сижу не одѣта! Если опоздаю къ началу, то не вините меня!—Г. Режиссеръ, прикажите дать миѣ перчатки!“ И такъ далѣе, все одна и та-же пѣсня, только на разные тоны. Наконецъ режиссеръ, измученный до нельзя физически и нравственно, улаживаетъ дѣло, артисты одѣты, пришли на сцену, все готово, и онъ, въ семь часовъ, даетъ знакъ начинать увертюру, по окончаніи которой поднимаетъ занавѣсъ.

Во время дѣйствія режиссеръ выпускаетъ на сцену артистовъ, для чего онъ долженъ слѣдить слово за словомъ всю пьесу; поднимаетъ и опускаетъ занавѣсъ; даетъ повѣстку—дѣлать день и ночь; все совершающееся за кулисами, какъ то: громъ, стукъ, крики, звонки, выстрѣлы и проч., все это лежитъ на отвѣтственности режиссера. Пьеса кончилась и если она, по своимъ внутреннимъ недостаткамъ, оказалась несостоятельной и была холодно принята публикой, то авторъ въ этомъ неуспѣхѣ винить болѣе всего режиссера, жалуется, что онъ не хорошо ее поставилъ и далъ ей очень мало репетицій.

Къ числу служебныхъ обязанностей режиссера должно отнести необходимость выслушивать частныя выговоры начальства за вину и неисправность другихъ и переносить непріятныя столкновенія съ артистами. Кромѣ описанныхъ обязанностей, у режиссера есть много занятій письменныхъ, чисто канцелярскихъ: послѣ спектакля онъ посвящаетъ около часа времени

на корректуру завтрашней афиши. Кстати здѣсь сказать, что въ зимній сезонъ бываетъ каждую недѣлю по два бенефиса, и въ каждомъ идутъ новыя пьесы; можно вообразить, сколько тутъ поработать режиссеру! Вотъ сжатый очеркъ режиссерской дѣятельности, вотъ что такое режиссеръ. Его жизнь какъ служебная, такъ и частная, очень исключительна и своеобразна. Въ театра онъ не можетъ имѣть ни друзей, ни знакомыхъ, потому что, будучи ежедневно съ утра до поздней ночи занятъ въ театрѣ, онъ не имѣетъ времени поддерживать эти связи; а въ театрѣ съ нимъ всѣ очень хорошо знакомы, но никто не друженъ и, по моему мнѣнію, этому единственная и главная причина есть самая его должность. По обязанности службы, режиссеръ долженъ замѣчать неисправность артистовъ и записывать ихъ въ штрафъ, что, конечно, никому не можетъ быть пріятно; онъ же передаетъ артистамъ всѣ непріятныя замѣчанія и выговоры начальства; а иногда бываетъ и такъ, что начальникъ, находя нужнымъ сдѣлать артисту выговоръ, но, по какимъ-нибудь особеннымъ причинамъ, не желая съ нимъ ссориться, поручаетъ это исполнить режиссеру отъ своего имени. Разумеетсяъ, режиссеръ въ такихъ случаяхъ всѣ усилія употребляетъ позолотить эту пилюлю, но пилюля все-таки остается пилюлей, а непріязнь артистовъ къ режиссеру съ каждымъ днемъ усиливается.

Несмотря на эти невыгодныя условія, я очень полюбилъ эту должность и былъ вѣренъ моей любви до конца. Я въ этой должности находилъ сторону художественную и даже поэтическую. Бывало читаешь новую пьесу, и если въ ней есть вѣрная мысль и житейская правда, то я сейчасъ же начиналъ воображать ея представленіе на сценѣ со всѣми мелкими подробностями. Этотъ невидимый спектакль всегда доставлялъ мнѣ большое удовольствіе и даже много помогалъ моимъ режиссерскимъ работамъ: я заранѣе обдумывалъ весь ходъ пьесы и положеніе дѣйствующихъ лицъ. Должность эта интересовала меня и въ другомъ отношеніи: по роду своей службы я находился въ непрестанномъ общеніи съ артистами, и потому имѣлъ всю возможность наблюдать за ихъ жизнью и изучать ихъ характеръ; и Боже мой! — какая разнообразная картина открылась предо мною! Сколько талантовъ и сколько жалкой посредственности! Сколько добрыхъ благородныхъ душъ и сколько мелкихъ душонокъ! Конечно, все тоже и въ цѣломъ мірѣ, но въ театрѣ это видишь, такъ сказать, осязательнѣе: здѣсь для всѣхъ страстей и всей

житейской борьбы, судьба открыла только несколько сажень, а всею остальнымъ людямъ отданъ цѣлый міръ.

III.

Въ балетѣ привлекала зрителей неотразимою силою своихъ волшебныхъ чаръ легкокрылая фея, Екатерина Александровна Санковская. Все существо этой превосходной танцовщицы было преисполнено какой-то обаятельной граціи, ея пантомима была понятною рѣчью для всѣхъ и каждаго, отъ кресель и до райка, а малютки-ножки творили чудеса непостижимыя. Она была мала ростомъ и далеко не красавица, но шагъ на сцену—и Санковская преображалась; она выростала, хорошѣла, выдѣлялась изъ всѣхъ окружающихъ и приковывала къ себѣ всеобщее вниманіе,—такъ велика и могущественна сила истиннаго таланта! Послѣ Санковской первою танцовщицею была Лебедева; она превосходно танцевала и обладала живой, выразительной фізіономіей, но она скоро сошла со сцены шумнаго балета на сцену тихой семейной жизни. Я встала также г жу Гюлленъсоръ: она исполняла должность балетмейстера и учила танцамъ въ школѣ. На ея мѣсто поступилъ г. Герино: онъ былъ балетмейстеромъ, пермейстеромъ, первымъ танцовщикомъ и учителемъ танцевъ. Капельмейстеромъ балета былъ сначала г. Карасевъ, а послѣ него г. Лузинъ, очень хорошій музыкантъ. Онъ былъ самъ прежде танцовщикомъ и это обстоятельство сдѣлало его отличнымъ капельмейстеромъ; онъ понималъ всѣ нужды танцующихъ, угадывалъ, нужно-ли замедлить или ускорить темпъ, а поэтому всѣ балетные артисты называли его своимъ спасителемъ и поддержкой; онъ управлялъ оркестромъ съ увлеченіемъ и увѣренностью знатока дѣла. Главнымъ машинистомъ былъ г. Пино, человекъ очень образованный и большой знатокъ своей спеціальности; его машины отличались изяществомъ, легкостью, быстротою и прочностью; при немъ почти не случалось катастрофъ, столь обыкновенныхъ при волшебныхъ представленіяхъ; онъ ничего не дѣлалъ на зрѣніе, а все съ самымъ строгимъ математическимъ расчетомъ.

Декораторомъ былъ г. Браунъ. Этотъ талантливый художникъ вполне обладалъ тайною декорационной перспективы и всѣхъ очаровывалъ произведеніями своей кисти. Прежде дирекція почти ежегодно ставила по одному новому балету, истрачивая на эту постановку десятки тысячъ; но балетъ,

привлекая постоянно многочисленных зрителей, всегда возвращал дирекции затраченные на него деньги. И теперь дирекция *) ставит новые балеты, стоящие порядочных денег, но балет нынешнего времени никогда не возвращает затраченных на него сумм, потому что послѣ двухъ, а много трехъ представлений, онъ оказывается несостоятельнымъ, зрители его уменьшаются не по днямъ, а по часамъ и дирекция получаетъ вмѣсто ожидаемаго плюса—одинъ только неприятный минусъ. Отчего-же это? Вотъ отчего: прежніе балеты, кромѣ прекрасной постановки и художественнаго исполненія, обладали еще другою притягательною силою, эта сила заключалась въ идеѣ балета и въ постепенномъ развитіи интереса дѣйствія. Въ доказательство истины моихъ словъ, я назову нѣсколько старыхъ балетовъ, на примѣръ: „Сильфида“, „Дѣва Дуная“, „Жизель“ и другіе. Если переложить ихъ программу на стихи, то выйдетъ интересная поэма. О нынѣшнихъ-же балетахъ этого сказать нельзя: нынѣшній балетъ блеститъ своею безсодержательностью; да это и не балетъ, а длинный, предлинный разнохарактерный дивертисментъ, въ которомъ только и дѣлаютъ, что танцуютъ,—танцуютъ всѣ и все—и люди, и духи, и грибы, и раки, и цвѣты, и рыбы. Кто разъ полюбовался такимъ повальнымъ плясомъ, того другой разъ на эту штуку ужъ и калачемъ не заманишь.

За годъ до моего вступленія на службу въ Московскій театръ, и познакомился почти со всѣми воспитанниками театральной школы, а съ воспитанникомъ И. В. Самаринимъ былъ очень друженъ и часто ходилъ къ нему въ школу. Въ это-же время я познакомился съ нѣкоторыми театральными музыкантами и, благодаря имъ, я нерѣдко смотрѣлъ спектакли изъ оркестра: но моимъ постояннымъ и самымъ сильнымъ желаніемъ было пробраться на сцену театра, побывать за волшебными кулисами и насмотрѣться тамъ всякихъ чудесъ и всякихъ дивныхъ дивъ. И я серьезно былъ увѣренъ, что непременно увижу тамъ что нибудь необыкновенное, еще невиданное мною и чрезвычайно интересное. Все это въ порядкѣ вещей, потому что мнѣ было тогда только 16 лѣтъ, а въ эти годы кто не бываетъ, болѣе или менѣе, мечтателемъ и кто не считаетъ и невозможное возможнымъ! Эти годы составляютъ второй возрастъ волшебныхъ сказокъ, только здѣсь сказки говорить не старушка няня, а

*) Писано въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Ред.

молодое, кипучее воображеніе, да учащенное біеніе сердца. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день я рѣшилъ на великій подвигъ—исполнить завѣтное желаніе! вошелъ въ театръ съ одного изъ боковыхъ подъѣздовъ, который привлекъ меня прямо въ глубину сцены. Тутъ на первомъ шагѣ я былъ пораженъ быстрымъ переходомъ отъ дневнаго свѣта къ темнотѣ, которая сначала казалась мнѣ неприглядной. Постолавъ нѣсколько минутъ, я началъ понемногу различать предметы: по кулисамъ кое-гдѣ чуть-чуть горѣли одиночныя лампы, освѣщая только самихъ себя; въ глубинѣ сцены висѣло нѣсколько декорационныхъ занавѣсей, а другія, свернутыя, лежали на полу; тутъ-же стояли какіе-то станки, доски, лѣстницы; на сценѣ былъ страшный шумъ, стукъ, трескъ; снизу и сверху раздавались какіе-то неясные крики: по сценѣ суетливо бѣгали во всѣ стороны рабочіе. Все это, окутанное какимъ-то пыльнымъ полумракомъ имѣло фантастическій видъ и произвело на меня очень сильное впечатлѣніе: мнѣ было страшно и хорошо. Я случайно попалъ на постановку декораций для репетиціи новой еще неизгранной оперы: „Аскольдова Могила“; я пробирался по закулисыю черепашьимъ шагомъ, натыкался безпрестанно то на бѣгущаго рабочаго, то на какую-нибудь декорацию. Впереди виднѣлось особенно свѣтлое мѣсто, туда-то я и направлялъ свои робкіе шаги: это мѣсто была главная часть сцены съ зажженнымъ переднимъ свѣтомъ. Здѣсь также было шумно и многолюдно: сюда собрались на репетицію оперные артисты и хоръ. Передняя занавѣсъ была поднята, огромная зрительная зала была совершенно пуста и темна, а отъ яркаго освѣщенія авансцены она казалась еще мрачнѣе. Въ оркестрѣ музыканты настраивали инструменты; будочка суфлера была пуста, но передъ нею стояли двѣ зажженные свѣчки и лежала толстая тетрадь нотъ; недалеко отъ нея, на авансценѣ, стояло кресло, спиною къ оркестру. Въ одномъ углу сцены сидѣло нѣсколько дамъ; по авансценѣ ходили, разговаривая между собою, два человѣка: одинъ, довольно высокаго роста, свѣтлорусый, съ открытымъ красивымъ лицомъ и съ добрыми голубыми глазами; другой—пониже ростомъ, довольно полный, черноволосый, съ темными глазами, лицо пріятное, но съ какимъ-то апатичнымъ выраженіемъ: въ его походкѣ и во всѣхъ движеніяхъ, было что-то лѣнивое. Первый былъ Николай Владиміровичъ Лавровъ, басъ московской оперы, второй — Александръ Олимпіевичъ Бантышевъ, теноръ.

Къ директору театра, Федору Федоровичу Кокошкину, явился однажды

молодой человекъ, очень скромно одѣтый, и застѣнчиво отрекомендовался чиновникомъ опекунскаго совѣта, желающимъ поступить на сцену театра. Кокошкинъ, по обыкновенію, принялъ его очень ласково и спросилъ на какія роли онъ желаетъ поступить. Пришедшій видимо затруднился и, наконецъ, проговорилъ: „У меня есть голосъ и я немножко пою.—Прекрасно, сказалъ Кокошкинъ:—такъ не угодно-ли вамъ, мой милый, что нибудь пропѣть, что знаете“. По приглашенію Кокошкина, бывший тутъ-же А. Н. Верстовскій сѣлъ за фортепіано и началось пѣніе русской пѣсни „Вечеркомъ румяну зорю“. Послѣ перваго куплета пѣсни, Верстовскій быстро всталъ и подоидя къ Кокошкину, сказалъ ему по-французски: „Больше не нужно и пробовать, превосходный теноръ, сокровище, а не голосъ“. Застѣнчивый молодой человекъ былъ Александръ Олимпіевичъ Бантышевъ, столько лѣтъ восхищавшій публику своимъ превосходнымъ и, по справедливости, феноменальнымъ голосомъ, за что и былъ прозванъ „московскимъ соловьемъ“. Кромѣ оперы, какъ своей главной спеціальности, Бантышевъ съ большимъ успѣхомъ игралъ комическія роли во многихъ водевиляхъ, напримеръ: роль слуги Емельяна въ водевилѣ „Хороша и дурна“, цирюльничка Лаверже въ „Любовномъ зельѣ“, Ивана—въ „Барской спѣси“ и другія. Здѣсь кстати разсказать объ одномъ случаѣ, который свидѣтельствуешь, до какой степени невнимательно и небрежно относился Бантышевъ къ своему прекрасному голосу. Въ Москвѣ нѣкогда существовала кофейня; она помѣщалась въ одномъ изъ зданій, гдѣ теперь находится трактиръ купца Гурина. Эту кофейню можно было, по справедливости, назвать театральной, потому что она была любимымъ уголкомъ артистовъ; они ежедневно сходились туда и до и послѣ спектакля. Въ Большомъ Театрѣ была назначена пятиактная опера „Робертъ“. Часа за два до спектакля, я зашелъ въ эту кофейню и встрѣтилъ тамъ Бантышева: ему только что подали огромную порцію поросевка подъ сметаной. „Вамъ предстоитъ нынче большой трудъ, Александръ Олимпіевичъ, сказалъ я, садясь подлѣ него и враждебно посматривая на геркулесовый кусокъ поросенка“.—Да-съ, часа четыре придется пропутешествовать по сценѣ, всегда устанешь, какъ собака. Я вотъ для этого-то и хочу себя немножко подкрѣпить. Съѣвши всю порцію до-чиста, Бантышевъ отправился прямо въ театръ пѣть партію Роберта. Мнѣ тутъ невольно пришелъ на память знаменитый пѣвецъ прежнихъ временъ—Рубини. Онъ, окончательно сойдя со сцены театра, пріѣзжалъ въ Москву дать нѣсколько концертовъ, и въ день

концерта онъ довольтвовался только одною чашкою бульона. Нѣтъ, такое воздержаніе ради искусства не въ натурѣ русскаго человѣка.

Тотъ-же директоръ театра **Ф. Ф. Кокошкинъ**, проѣзжая по лѣсному ряду, услышалъ русскую пѣсню, пѣтую чистымъ, сильнымъ баритономъ. Онъ остановился, вышелъ изъ экипажа и пошелъ на этотъ голосъ: пѣлъ молодой прикащикъ, сидя у своей лавки. При видѣ барина, прикащикъ умолкъ.

— Это вы, мой милый, сейчасъ пѣли? спросилъ Кокошкинъ.—Точно такъ-съ.—У васъ славный голосъ, вамъ-бы въ театрѣ опредѣлиться; тамъ-бы васъ сначала немножко поучили. — Ахъ! отвѣчалъ прикащикъ съ глубокимъ вздохомъ:—давно имѣю-съ такое намѣреніе, да гдѣ-же намъ? Насъ туда не допустятъ; знакомыхъ-же у меня тамъ никого. — Да тутъ знакомыхъ и не надо. Вы, мой милый, знаете, гдѣ театральная контора?— Какъ-же-съ, знаю.—Ну такъ придите туда завтра утромъ, часовъ въ 12, и скажите тамъ, что вамъ велѣлъ придти директоръ Кокошкинъ, не забудьте-же!

Молодой прикащикъ былъ **Николай Владиміровичъ Лавровъ**, талантливый оперный пѣвецъ и очень хорошій драматическій актеръ.

Кокошкинъ, страстно любивши театръ, неустанно отыскивалъ для сцены людей если не талантливыхъ, то по крайней мѣрѣ способныхъ и полезныхъ, и его поиски почти всегда увѣнчивались полнымъ успѣхомъ,—по пословицѣ,—на ловца и звѣрь бѣжить.

Возвращаясь къ прерванному мною разсказу. Все, что я видѣлъ и слышалъ, было такъ своеобразно и такъ для меня ново, что я нисколько не раскаявался въ моемъ воровскомъ приходѣ на сцену.

— Отчего-же не начинаютъ репетиціи? спросилъ я у стоявшаго подлѣ меня ламповщика.

— Да самого еще нѣтъ.

— Кого—самого?

— Извѣстно кого: **Верстовскаго, Алексѣя Николаевича**.

Въ это время шумъ за кулисами и на сценѣ вдругъ утихъ; во всѣхъ присутствовавшихъ сдѣлалось замѣтно стремленіе къ порядку, въ оркестрѣ музыканты перестали настраивать инструменты и усѣлись на мѣста; суфлеръ юркнулъ въ свою будочку; всѣ, бывшіе на сценѣ, размѣстились по сторонамъ, и изъ-за кулисъ вышелъ человѣкъ средняго роста съ смуглымъ лицомъ и съ черными блестящими глазами, которые смотрѣли бойко и пытливо. Скорои походка и быстрыя порывистыя движенія—все

обличало въ немъ человѣка съ сильнымъ, энергичнымъ характеромъ. Всѣ ему почтительно поклонились. Онъ, пройдя по сценѣ, сѣлъ на приготовленное кресло: капельмейстеръ махнулъ своею палочкой и раздался первый аккордъ увертюры. Пришедшій и былъ Алексѣй Николаевичъ. Опера начинается монологомъ и аріей молодой дѣвушки Надежды, дочери рыбака, и на сцену вышла женщина средняго роста, одѣтая очень просто и даже небрежно, съ черными, горящими глазами, съ выразительнымъ и чрезвычайно подвижнымъ лицомъ. Всѣ движенія ея были просты, естественны и необыкновенно граціозны, особенно движенія рукъ. Это была Надежда Васильевна Рѣпина, драгоценная жемчужина московской сцены, любимое и даже избалованное дитя публики. Она играла въ операхъ, драмахъ, комедіяхъ и преимущественно въ водевиляхъ и вездѣ была равно прекрасна и вездѣ приводила въ восторгъ своей художественной игрой. Здѣсь-же я увидѣлъ въ первый разъ вблизи Аграфену Тимофѣевну Сабурову. Эта почтенная талантливая артистка была очень любима и до конца своей сценической жизни не была оцѣнена по достоинству,—она не получала ни полного оклада жалованья, ни полной пенсіи; бенефисы свои всегда составляла съ артистическою добросовѣстностью, изъ пьесъ, оставшихся надолго на репертуарѣ, и всегда получала весьма плохіе сборы. Причина такой вопіющей несправедливости какъ театральной дирекціи, такъ и московской публики, осталась для меня неразгаданной загадкой.

Въ это время всѣ, бывшіе на сценѣ, какъ-то весело встрепенулись и одушевились, даже самъ Верстовскій улыбнулся. Отчего же произошла во всѣхъ такая перемена? — А!.. На сцену вышелъ Василій Игнатьевичъ Живокини, это олицетвореніе сценическаго одушевленія и необыкновенной веселости, которая невольно сообщалась всѣмъ и каждому. Тогда онъ былъ въ цвѣтѣ лѣтъ и въ полной силѣ своего прекраснаго таланта. Грустно подумать, что изъ всѣхъ тогда видѣнныхъ мною лицъ остался въ живыхъ одинъ только Н. И. Никифоровъ. Онъ, окруженный могилами своихъ современниковъ, остается теперь на сценѣ печальнымъ памятникомъ прекраснаго былаго. Опера „Аскольдова Могила“, комедія „Ревизоръ“ были поставлены на московской сценѣ въ половинѣ тридцатыхъ годовъ и почти одновременно ихъ авторы: Алексѣй Николаевичъ Верстовскій и Николай Васильевичъ Гоголь сдѣлали большую ошибку, отдавши дирекціи: первый свою музыку, а второй комедію, за

единовременное вознагражденіе и получили каждый только по двѣ тысячи рублей; а ихъ произведенія до сихъ поръ, теперь почти сорокъ лѣтъ,— не сходятъ съ репертуара и постоянно дѣлають сборы. Еслибы они были отданы на условіяхъ проспектакльной платы, то Верстовскій и Гоголь получили бы теперь сотни тысячъ. А. Н. Верстовскій, наученный этимъ горькимъ опытомъ, отдалъ свои послѣдующія оперы.—„Сонъ на Яву“ и „Громобой“—на проспектакльную плату, но онѣ, къ сожалѣнію, имѣли успѣхъ весьма посредственный, даже и въ первое время давались не часто, а теперь уже окончательно сошли съ репертуара и ихъ, конечно, было-бы выгодно отдать за единовременное вознагражденіе. Но не узнаешь гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

IV.

На сценѣ Большого театра была назначена репетиція. Собравшіеся артисты, въ ожиданіи начала, составили небольшой кружокъ; одни сидѣли, другіе стояли. Сидѣвшіе были: Мочаловъ, Щепкинъ, Орловъ, Самаринъ; около нихъ стояли Усачевъ, В. Степановъ, Соколовъ и другіе. Артисты-бенефицианты сообщали другъ другу предположенія о составѣ своихъ будущихъ спектаклей.

— А я хочу дать въ свой бенефисъ „Гамлета“, сказалъ Мочаловъ. При этихъ словахъ Щепкинъ быстро вскочилъ, точно его сдернуло со стула, и началъ скорѣе кричать, нежели говорить.

— „Гамлета“? Ты хочешь дать „Гамлета“? Ты первый драматическій актеръ, любимецъ московской публики, и хочешь угостить ее дюсисовскою дрянью!.. Да это чортъ знаетъ что такое! — Да ты не кипятись, а выслушай: я хочу дать... началъ было Мочаловъ, но Щепкинъ его не слушалъ; онъ почти бѣгалъ по сценѣ и кричалъ: „Возобновлять такую отвратительную пьесу! Да я-бы этого подлеца Дюсиса повѣсилъ на первой осинѣ! Осмѣлиться передѣлывать Шекспира!—Да и ты, братъ, хорошъ! Хочешь вытащить изъ театральнаго хлама эту мерзость—стыдъ и срамъ!“— Да я хочу дать другого „Гамлета“! почти прокричалъ Мочаловъ. — „Другого?“ спросилъ Щепкинъ, остановясь. „Да, другого,—перевелъ съ англійскаго Полевой.—„Ты такъ-бы и сказалъ“, проговорилъ Щепкинъ, садясь на прежнее мѣсто.—Я и хотѣлъ сказать, да ты ничего не слушалъ.—Ты пьесу читалъ?

— Нѣтъ, Полевой пригласилъ меня къ себѣ и читалъ самъ. Вещь превосходная! и слогъ такой легкій, разговорный...— „А пьеса цензурована?“ спросилъ Орловъ.— Да, для этого Полевой самъ ѣздилъ въ Петербургъ. Въ пьесѣ много дѣйствующихъ лицъ и нѣкоторымъ изъ васъ, господа, придется играть маленькія роли... Ужь, пожалуйста, неоткажитесь, сказалъ Мочаловъ, обращаясь ко всѣмъ. Всѣ заявили свою полную готовность.— У Шекспира нѣтъ маленькихъ ролей, проговорилъ Самаринъ.

— Что до меня, кричалъ Орловъ, насыпая на руку нюхательнаго табаку изъ серебрянаго рожка, то я для товарища готовъ стулья выносить.

— Одно меня затрудняетъ, сказалъ Молчановъ:— въ пьесѣ есть пѣніе у Офеліи, нужна новая музыка, и я не придумаю къ кому съ этимъ обратиться.

— Въ чемъ-же тутъ затрудниться? возразилъ Щепкинъ:— попроси Верстовскаго.

— Не будь онъ начальникъ— я бы сейчасъ попросилъ, но я терпѣть не могу низкопоклонничать передъ начальствомъ, да и не умѣю.

— А это, другъ любезный, иногда не мѣшаетъ. Отъ лишняго поклона голова не отвалится, а поклонъ нерѣдко играетъ въ жизни очень важную роль.

— Можетъ быть, но только я такихъ ролей не играю, предоставляю ихъ другимъ.

— Поговорите объ этомъ съ Варламовымъ, онъ для васъ съ удовольствіемъ сдѣлаетъ, сказалъ Самаринъ.

— И сдѣлаетъ не хуже всякаго другого, прибавилъ Орловъ.

— Ахъ въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ Мочаловъ. Сегодня-же постараюсь съ нимъ повидаться.

— А я этого дѣлать не совѣтую, возразилъ Щепкинъ. Верстовскій обидится, что его обошли, и постарается тебѣ за это отомстить. Мочаловъ вспыхнулъ.

— Пусть его дѣлаетъ, что хочетъ, а ужъ я просить его не буду, не хочу!

— Глупо дѣлаешь: съ начальствомъ заѣдаться нерасчетливо.

— Глупо или нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ это знать!

Въ это время Щепкина зачѣмъ-то позвали въ контору, и онъ ушелъ.

— Какъ видно, что онъ родился и выросъ крѣпостнымъ человѣкомъ! проговорилъ Мочаловъ съ своимъ особеннымъ подергиваніемъ плечъ.

— Да, ужь каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ, заключилъ Орловъ

Пришелъ режиссеръ и началась репетиція. Между Мочаловымъ и Щепкинымъ не было дружбы, потому что ихъ возрѣнія на жизнь и на служебныя обязанности были діаметрально противоположны и сцены, подобныя описанной, повторялись нерѣдко; но онѣ никогда не доходили до серьезныхъ ссоръ, всегда очень скоро оканчивались и нисколько не мѣшали имъ быть хорошими товарищами. Орловъ, грубый отъ казеннаго воспитанія прежнихъ временъ, съ вбалмошнымъ характеромъ, но съ добрымъ сердцемъ, бывая свидѣтелемъ этихъ сценъ, старался всегда держаться на нейтральной почвѣ, но противъ воли склонялся на сторону Мочалова; а Самаринъ, какъ еще очень молодой человекъ, не позволялъ себѣ говорить ни за ни противъ и ограничивался благоразумнымъ молчаніемъ.

Характеръ его еще тогда не сложился, какъ должно, и не окрѣпъ до самобытности; всѣ его мнѣнія и убѣжденія еще находились подъ сильнымъ вліяніемъ авторитетовъ.

V.

Мочаловъ, послѣ долгихъ колебаній, какъ безхарактерный человекъ, наконецъ рѣшился заявить Верстовскому, что даетъ въ свой бенефисъ „Гамлета“, въ новомъ переводѣ съ англійскаго Полеваго. Роли выписаны, розданы и назначенъ день считки; причемъ всѣмъ артистамъ, занятымъ въ пьесѣ, было повѣщено, что на считку обѣщала пріѣхать Полевой, и артисты, изъ опасенія заставить себя дожидаться, собрались въ залу Большаго театра, гдѣ была считка (повѣрка ролей по цензурованной пьесѣ) гораздо ранѣе назначеннаго времени. Тогда сочинители и переводчики пользовались особеннымъ уваженіемъ артистовъ: такъ, напримѣръ, никто изъ артистовъ не рѣшался выбросить изъ своей роли и одного какого-нибудь слова безъ дозволенія автора. Теперь, какъ мнѣ говорили, есть въ театрѣ лицо, спеціально занимающееся урѣзкою пьесъ, и чѣмъ больше тѣмъ лучше, наблюдая при этомъ только одно, чтобы не вырѣзать цѣликомъ какой-нибудь роли и тѣмъ не нанести матеріальнаго ущерба товарищу, потому что теперь почти всѣ артисты получаютъ перспективную плату, болѣе или менѣе значительную, а объ согласіи на эти убавки авторовъ и объ авторскихъ правахъ тутъ нѣтъ и помина. Считаю не лишнимъ здѣсь сказать, что прежде драматическіе писатели не появлялись съ

плодовитостью грибовъ въ дождливое лѣто какъ мы видимъ теперь, а потому и драматическая литература прежняго времени много уступаетъ нынѣшней въ количествѣ своихъ представителей; но едва-ли она не превосходитъ ее въ ихъ качествахъ.

Въ назначенное время считки въ залу вошелъ Полевой въ сопровожденіи Верстовскаго. Онъ былъ довольно высокаго росту, худощавый, лѣтъ 45-ти, съ жидкими, русыми волосами, въ которыхъ мѣстами проглядывали сѣдины, въ лицѣ не было ничего особенно типичнаго, очки мѣшали разсмотрѣть цвѣтъ и выраженіе глазъ; на немъ былъ черный фракъ съ орденомъ въ петлицѣ, въ рукахъ портфель съ пьесой.

Николай Алексѣевичъ Полевой былъ человѣкъ очень замѣчательный по своей чрезвычайной и неутомимой литературной дѣятельности: онъ былъ журналистомъ, сатирикомъ, беллетристомъ и драматическимъ писателемъ, и во всѣхъ этихъ родахъ онъ сумѣлъ завоевать себѣ болѣе или менѣе видное мѣсто. Какъ журналистъ онъ былъ, такъ сказать, праотцемъ московской журналистики; его „Телеграфъ“ имѣлъ блестящій успѣхъ и огромное число подписчиковъ, въ немъ участвовали—Пушкинъ, Жуковскій, Вяземскій, Марлинскій (Бестужевъ) и другіе. Критика „Телеграфа“ имѣла большой авторитетъ и своими приговорами рѣшала судьбу новыхъ сочиненій. Историческіе труды Полеваго надѣлали очень много шума въ читающей публикѣ и особенно въ ученое мѣрѣ. Много было высказано и за, и противъ нихъ, много было притуплено перьевъ и истреблено бумаги на препирательства враждующихъ сторонъ; схватки были жаркія, — спорили, бранились и чуть-ли дѣло не доходило до рукопашной расправы; значитъ, труды эти были настолько сильны и значительны, что могли произвести такую тревогу; ни чѣмъ этого не сдѣлаешь. Какъ беллетристъ, онъ пользовался большимъ сочувствіемъ публики; его повѣсти „Мечты и Жизнь“ и особенно романъ „Абаддона“ покупались на расхватъ и читались съ жадностью. Началъ онъ писать для театра—и всѣ его пьесы имѣли положительный успѣхъ и очень долго держались на сценахъ Москвы и Петербурга; на примѣръ: „Дѣдушка русскаго флота“, „Купецъ Иголкинъ“, „Уголино“, „Смерть или Честь“, „Параша Сибирячка“ и друг., а его переводъ „Гамлета“, такъ хорошо принаровленный для нашей сцены, имѣлъ успѣхъ у насъ еще небывалый. Конечно во всѣхъ его трудахъ есть много недостатковъ, —вѣдь совершенство не дано въ удѣлъ человѣку,—но отказать Полевому въ умѣ, въ на-

учномъ самообразованіи, и въ литературной способности было-бы несправедливо и грѣшно.

По приходѣ Полевого всѣ усѣлись вокругъ длиннаго стола и началась считка. Полевой самъ читалъ пьесу и на первый разъ осилилъ прочитать только половину. Онъ не былъ искуснымъ чтецомъ, какимъ нѣкогда былъ Сергѣй Тимофѣевичъ Аксаковъ и какъ теперь Александръ Николаевичъ Островскій; слабая грудь, полуразбитый альтовый голосъ, и какое-то вскрикиванье въ патетическихъ мѣстахъ драмы — все это непріятно дѣйствовало на слушателей и чтеніе не произвело хорошаго впечатлѣнія. Передъ началомъ чтенія онъ попросилъ позволенія у артистовъ сказать нѣсколько вступительныхъ словъ объ этой драмѣ, и вотъ приблизительно, что онъ говорилъ, насколько это удержалось въ моей памяти послѣ десятковъ лѣтъ.

Драма „Гамлетъ“ при первомъ взглядѣ кажется написанной безъ всякаго заранѣе обдуманнаго плана; въ ней нѣтъ никакой интриги, нѣтъ даже и любви, потому что любовь Офеліи, какъ нѣжный, нераспустившійся цвѣтокъ, быстро вянетъ и умираетъ отъ перваго холоднаго дуновенія жизни; въ пьесѣ нѣтъ самаго главнаго, самаго необходимаго элемента каждой драмы: — это борьбы страстей. Все въ ней совершается какъ-то случайно и неожиданно; всѣ лица пьесы лишены собственнаго произвола и дѣйствуютъ пассивно, повинуюсь чему-то невидимому и неизвѣстному. Самъ герой пьесы, юный принцъ Гамлетъ, не дѣйствуетъ, а только философствуетъ и разсуждаетъ. Можно подумать, что Шекспиръ написалъ эту пьесу для разрѣшенія какой-нибудь философской темы, но философія и драма—вещи несомвѣстимыя, исключаютъ другъ друга. Въ строгомъ смыслѣ, это и не драма, а монологъ или вѣрнѣе діалогъ между человѣкомъ и тѣнью. Пьеса эта прошла почти незамѣченной при жизни Шекспира и послѣ, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, она не была оцѣнена по достоинству. Такъ, въ XVIII-мъ вѣкѣ она не понравилась умному французу Вольтеру, и онъ прошелъ мимо нея, не поклонившись, причемъ обозвалъ Шекспира мясникомъ. Послѣ, другой французъ, Дюсисъ, не столько умный, какъ Вольтеръ, но болѣе его смѣлый, нашелъ нужнымъ и возможнымъ поправить и передѣлать „Гамлета“. Не долго думая, онъ наложилъ руку на это произведеніе, изуродовалъ „Гамлета“, одѣлъ его въ классическій костюмъ и низвелъ до уровня пошлыхъ, ходульныхъ пьесъ своей эпохи. Только XIX-му вѣку досталась

эта драма и несмотря на всѣ свои сказанные недостатки, она производитъ на насъ такое сильное, глубокое впечатлѣніе, чего мы никогда не испытываемъ, смотря на другія пьесы Шекспира, въ которыхъ есть и кипучія огненные страсти, и свирѣлая борьба этихъ страстей. Отчего мы съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, съ такимъ замираніемъ сердца слѣдимъ за всѣми странными поступками этого жалкаго говоруна, который называется Гамлетомъ? Оттого, что краеугольнымъ камнемъ этой драмы положена Шекспиромъ общечеловѣческая мысль, понятная всѣмъ и знакомая каждому, эта мысль—слабость воли противъ долга. Она и олицетворяется личностью Гамлета. Вотъ въ чемъ и заключается причина нашего горячаго сочувствія юному принцу, его страданія намъ понятны; они болѣзненно отзываются въ нашей душѣ, какъ страданія близкаго намъ родного человѣка; мы плачемъ вмѣстѣ съ Гамлетомъ и плачемъ о самихъ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ людей можетъ сказать, положивъ руку на сердце, что онъ никогда не измѣнялъ своему долгу, по недостатку воли для его исполненія?—Конечно, никто. Этотъ недостатокъ присущъ нашей природѣ, онъ достался намъ по наслѣдству отъ перваго человѣка. Но тутъ рождается вопросъ: почему-же эта самая причина не заставила людей прошедшихъ столѣтій отнестись къ Гамлету съ такимъ-же сочувствіемъ, съ какимъ относимся къ нему мы? Вѣдь не могли-же они не сознавать этой великой истины, на которой построена вся драма, и не могли считать себя непогрѣшимыми относительно этой истины? Отчего-же происходило ихъ равнодушіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ самой сущности роли Гамлета. Шекспиръ, создавая этотъ характеръ, былъ не только великимъ поэтомъ, но и пророкомъ, прозрѣвшимъ за 500 лѣтъ впередъ. Изъ пьесы мы узнаемъ, что дѣйствіе происходитъ въ средне-вѣковыя варварскія времена и что самъ Гамлетъ принадлежитъ полудикому варварскому семейству деспотическихъ королей. Не слѣдя за ходомъ драмы, мы убѣждаемся, что это неправда, что это анахронизмъ: Гамлетъ по своему міросозерцанію и по нравственному настроенію не полудикій варваръ, а человѣкъ нашего времени, дитя XIX вѣка. Беремъ тому доказательство изъ самой драмы. Въ началѣ пьесы, когда Гамлету еще ничего неизвѣстно о страшныхъ подробностяхъ смерти его отца, онъ выходитъ на сцену, блѣдный, печальный, съ глубокой думой на челѣ и говоритъ: „Не знаю отчего, но съ нѣкоторыхъ поръ пропала вся моя веселость! Земля—прекрасная планета, но мнѣ она кажется дикою, безлюд-

ною скалой... Надъ нею какъ великолѣпный балдахинъ виситъ воздухъ, а тамъ, выше, на голубомъ сводѣ сіяетъ безчисленное множество золотыхъ звѣздъ; но для меня все это не болѣе, какъ масса заразительныхъ паровъ. Жить на землѣ — значить страдать: зачѣмъ-же страдать, когда одинъ ударъ—и я не существую? Но что-же насъ ожидаетъ тамъ, превыше звѣздъ? Что будетъ съ нами въ той далекой сторонѣ, откуда нѣтъ возврата? Да! Вотъ что заставляетъ насъ страдать и жить!“ Это стремленіе отъ конечнаго къ безконечному, отъ земли къ небу, этотъ внутренній разладъ и нравственная усталость—все это можетъ быть доступно только тому человѣку, до котораго уже коснулась новѣйшая цивилизація вмѣстѣ съ цивилизаціей христіанской. Это самое обстоятельство и было причиною, почему современники Шекспира и позднѣйшія поколѣнія отнеслись равнодушно къ Гамлету: они не раздѣляли его убѣжденій, не сочувствовали его желаніямъ и потому не понимали его словъ. По этой-же причинѣ отвернулся отъ Гамлета и ни во что не вѣрующій Вольтеръ; но мы любимъ Гамлета, какъ родного брата; онъ милъ намъ даже и своими слабостями, потому что его слабости суть слабости наши, онъ чувствуетъ нашимъ сердцемъ и думаетъ нашей головой. Гамлетъ недоволенъ окружающею его средой, она его не удовлетворяетъ; его возмущаетъ общее веселье, когда еще такъ недавно умеръ его отецъ; онъ не любитъ себя, ему не нравится человѣкъ и женщина также. Приходятъ его друзья, Горацио и другіе. Они говорятъ, что прошедшую ночь, стоя на часахъ у крѣпостной стѣны, близъ дворца, они видѣли тѣнь его умершаго родителя. Гамлетъ приходитъ въ ужасъ, вѣритъ и не вѣритъ, колеблется, и чтобы положить конецъ сомнѣнію, говоритъ друзьямъ, что нынѣшнюю ночь самъ придетъ къ нимъ; онъ хочетъ увѣриться, хочетъ собственными глазами видѣть тѣнь своего отца. Ночь наступаетъ; приходитъ Гамлетъ; бьетъ двѣнадцать часовъ и является тѣнь. Эта сцена и есть главная и самая важная во всей пьесѣ, изъ нея какъ изъ зерна вырастаетъ весь характеръ Гамлета. Съ этой минуты начинается борьба Гамлета съ тѣнью, или, другими словами—борьба слабой человѣческой воли съ грознымъ неумолимымъ долгомъ; но это борьба Іакова съ ангеломъ, и Гамлетъ долженъ изнemocъ, сдавленный такимъ могучимъ борцомъ. Съ этого же явленія тѣни, Гамлетъ начинаетъ чувствовать, что на него положили тяжелое бремя, которое онъ не въ силахъ нести и не можетъ его сбросить. Гамлетъ похожъ на драгоценный сосудъ, предназначенный только для

того, чтобы въ немъ росли прекрасные, благоуханные цвѣты, и вдругъ въ него положили сѣмя дуба; дерево разрослось и драгоценный сосудъ распался на части.

Тѣмъ говорить Гамлету страшную повѣсть о своей насильственной смерти, закликаетъ его отомстить убійцѣ и, исчезая, говоритъ ему на прощанье многозначительное слово: „Помни обо мнѣ!“ Гамлетъ клянется помнить, клянется отомстить и тутъ-же, сознавая свое безсиліе и недостатокъ воли, съ тоскою восклицаетъ: „О проклятый жребій! Родиться для того, чтобы наказать преступленіе!“ Онъ безпрестанно твердитъ себѣ, что долженъ отомстить и никогда не приводитъ своихъ словъ въ дѣйствіе; все его мщеніе выражается только въ горькихъ злыхъ насмѣшкахъ надъ преступниками, въ жестокомъ нравственномъ бичеваніи самого себя. Онъ бранить, унижаетъ себя, бьетъ себя въ грудь, чтобы вызвать отсюда хотя искру воли, вездѣ и во всемъ онъ ищетъ причины, которая-бы подвинула его на мщеніе—и все напрасно.—„Какое я ничтожное, презрѣнное существо!—говоритъ онъ въ глубокой скорби;—самъ отецъ мой приходилъ ко мнѣ, завѣщавъ мнѣ мщеніе; я далъ клятву это исполнять—и что-же?.. Я, сложа руки, остаюсь празднымъ зрителемъ того, какъ виновные торжествуютъ свое преступленіе!“ Приходятъ странствующіе актеры, онъ заставляетъ ихъ читать. Одинъ декламируетъ тираду изъ трагедіи и Гамлетъ говоритъ: — „Посмотрите, какъ этотъ человѣкъ одушевился отъ пустаго вымысла о какой-то Гекубѣ! Ну, что ему Гекуба? И что онъ для Гекубы? А между тѣмъ онъ весь взволнованъ, голосъ его дрожитъ и на глазахъ блестятъ слезы... Чтожь-бы онъ сдѣлалъ, если-бы для своей печали имѣлъ такую же причину, какую имѣлъ я? Онъ-бы своими рыданіями потрясъ все зданіе и затопилъ-бы слезами всю сцену! А я?..“ Наконецъ сама судьба сталкиваетъ его съ убійцей. Они одни, минута благопріятная. Онъ обнажаетъ мечъ и останавливается: умъ его сейчасъ-же изобрѣтаетъ важную причину, которая заставляетъ его отложить мщеніе до другого раза,—и таковъ Гамлетъ до конца драмы.

И несмотря на всю странность и непослѣдовательность его поведенія, намъ все это кажется такъ просто, естественно и такъ вѣрно; правда, каждый изъ насъ чувствуетъ, что все это непремѣнно должно было такъ случиться и что иначе этого и быть не могло; тутъ невольно преклоняешься передъ гениемъ Шекспира! Одинъ онъ, и только онъ одинъ

могъ такъ глубоко глѣдѣть въ душу человѣка и могъ читать въ нашемъ сердцѣ, какъ въ раскрытой книгѣ! Эта драма похожа на картину гениальнаго живописца, на которой на темномъ фонѣ изображена одна только блѣдная, задумчивая фигура датскаго принца Гамлета, всѣ-же остальные дѣйствующія лица пьесы служатъ рамой для этой картины, но рамой, составленной изъ превосходныхъ, изящныхъ орнаментовъ, изъ которыхъ каждый, взятый отдѣльно, есть драгоцѣнное художественное произведение.

Этими словами Полевой окончилъ свою вступительную рѣчь. Послѣ небольшого отдыха, началось чтеніе самой пьесы. Въ продолженіи рѣчи Полевого, я внимательно его слушалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, не спускалъ глазъ въ Мочалова. Съ нимъ творилось что-то особенное, онъ былъ въ страшномъ волненіи; лицо какъ-то судорожно подергивалось, въ дрожащихъ рукахъ онъ безсознательно вертѣлъ и мялъ свою роль; глаза его то закрывались, то вдругъ онъ ихъ открывалъ и въ нихъ былъ виденъ какой-то необыкновенный огонь. Натура художника дѣлала свое и въ глубинѣ его души, помимо его собственной воли, создавался идеалъ Гамлета, котораго онъ послѣ и воспроизвелъ на сценѣ.

VI.

Я уже говорилъ, что прежде театры петербургскій и московскій жили каждый своею отдѣльною самобытною жизнью и каждый имѣлъ своего директора: въ то время, о которомъ я пишу, былъ директоромъ въ Москвѣ—Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ, а въ Петербургѣ—Александръ Михайловичъ Геденовъ. Неизвѣстно отчего, въ московскомъ закулисномъ мірѣ вдругъ распространился слухъ о выходѣ въ отставку Загоскина. Такое крупное событіе, какъ выходъ въ отставку главнаго начальника, всегда и вездѣ производитъ тревогу и волненіе, а тѣмъ болѣе въ театрѣ, потому что артисты большею частью очень впечатлительны, съ сильнымъ воображеніемъ и раздражительны до болѣзни: все дурное и хорошее они непремѣнно преувеличиваютъ. За кулисами стали составляться кружки разговаривающихъ, и главною темою разговоровъ была отставка директора. Всѣхъ артистовъ можно было раздѣлить на три группы: въ первой находились сторонники Загоскина, которые желали, чтобы онъ остался директоромъ и все бы шло попрежнему; они желали этого потому, что

Загоскинъ не мѣшалъ дѣйствовать Верстовскому, съ которымъ они были въ большихъ ладахъ. Другая группа состояла изъ людей недовольныхъ Загоскинымъ; они говорили, что его давно надо смѣнить, что онъ совершенно неспособенъ для этой должности, и говорили это, потому что онъ, по своей безхарактерности, не могъ, или просто не хотѣлъ ограничить своею властью излишній произволъ Верстовскаго, съ которымъ они имѣли разныя непріятныя столкновения. Третья же группа стояла на нейтральной почвѣ, очень равнодушно относясь къ слуху объ отставкѣ директора: для нихъ было все равно—останется-ли Загоскинъ, или займетъ его мѣсто кто другой. Группу эту составляли люди талантливые, любимые публикой; они чувствовали, что необходимы для театра, что они сила, которую не сломить никакой директоръ. Самъ же Верстовскій при наружномъ спокойствіи больше всѣхъ волновался и тревожился; директорское кресло было его завѣтной мечтой, а теперь для этого предстоялъ удобный случай. Въ Петербургѣ онъ имѣлъ расположенныхъ къ нему людей изъ высшаго сословія, къ нимъ-то и обратился онъ съ просьбою похлопотать въ его пользу.

Между тѣмъ, сдѣлалось достовѣрно извѣстно, что Загоскинъ подалъ просьбу объ отставкѣ и что просьба его принята; артисты начали ломать себѣ голову, стараясь угадать, кто будетъ сдѣланъ директоромъ; но эта неизвѣстность продолжалась недолго. Петербургскіе знакомые прислали Верстовскому непріятное извѣстіе, что они ничего не могли для него сдѣлать, что театры московскій и петербургскій соединены подъ одну дирекцію, и что директоромъ назначенъ директоръ петербургскаго театра А. М. Гедеоновъ; вскорѣ объ этомъ была получена бумага въ конторѣ московскаго театра. Тогда Верстовскій, простясь навсегда съ мечтой о директорствѣ, нашель благовременнымъ подумать о близкой ему женщинѣ, о Надеждѣ Васильевнѣ Рѣпиной.

Артистка эта обладала огромнымъ сценическимъ дарованіемъ; глубокое чувство, вѣрное пониманіе ролей, одушевленіе и грація были при-сущи ея игрѣ; изъ каждой новой роли она создавала художественный типъ; публика ее горячо любила и выражала свою любовь громкими аплодисментами, вызовами и наполненіемъ съ верху до низу зрительной залы въ ея бенефисные спектакли. Рѣпина жила искусствомъ и для искусства; жизнь ея состояла или въ игрѣ на сценѣ, или въ приготовленіи къ этой игрѣ;—помимо этой жизни она не жила и

не могла жить. И хорошо ей тогда жилось: на сценѣ она встрѣчала любовь публики, за кулисами — дружбу, уваженіе и нерѣдко раболѣпство сослуживцевъ; каждое ея желаніе было сейчасъ же исполняемо, ей, такъ сказать, всѣ смотрѣли въ глаза. Къ сожалѣнію, такое полное счастье очень дурно повліяло на ея характеръ; она сдѣлалась настойчивой, своеправной и капризной, она не знала и не хотѣла знать никакихъ театраль-ныхъ постановленій, которыя для всѣхъ прочихъ артистовъ были обяза-тельными; такъ, напримѣръ, артистъ не имѣлъ права держать болѣе пяти минутъ присланный за нимъ казенный экипажъ, она же держала его по цѣлымъ часамъ; всѣ артисты были обязаны являться на репетицію непре-мѣнно въ назначенные часы, а она постоянно опаздывала; артистъ, про-винившійся противъ этихъ правилъ, наказывался денежнымъ штрафомъ, а ей никогда не было сдѣлано и малѣйшаго замѣчанія. Верстовскій хорошо понималъ, что такой порядокъ вещей не можетъ продолжаться при новомъ директорѣ, и что Рѣпина будетъ сравнена въ правахъ со всѣми артистами, а также хорошо понималъ, что она не будетъ въ силахъ подчиниться этимъ новымъ условіямъ, и для того, чтобы избавить и ее, и себя отъ не-премѣнныхъ большихъ непріятностей, но зная, что она на это никогда не согласится, самъ началъ хлопотать объ ея отставкѣ безъ ея вѣдома. Верстовскій былъ человекъ очень умный и практичный, но тутъ сдѣлалъ весьма важную роковую ошибку. Отставку для Рѣпиной Верстовскій по-лучилъ очень скоро, ей назначалась пенсія — двѣ трети получаемого ею жалованья, полного оклада она не получила потому, что не выслужила законенныхъ лѣтъ. Верстовскій дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ съ такою осторожностью, что и въ театрѣ никто даже и не подозрѣвалъ этого и всѣхъ менѣе сама Рѣпина. Она вела свою обычную жизнь, была спокойна, весела и почти каждый день играла. Былъ спектакль въ Маломъ театрѣ, шелъ водевиль Ленскаго „Въ людяхъ ангель, не жена“, въ которомъ Рѣ-пина постоянно исполняла роль г-жи Славской и была такъ неподра-жаемо хороша во 2-мъ актѣ. Спектакль окончился; какъ и всегда, много аплодировали и вызывали. Рѣпина, раздѣваясь въ уборной, весело раз-говаривала съ окружающими и много смѣялась. Бѣдная! она не предчув-ствовала, что сыгранная сейчасъ ею роль была ея лебединою пѣсней! Пріѣхавши домой, она удивилась, найдя у себя гостей изъ близкихъ зна-комыхъ ея и Верстовскаго.

— Мы тебя ждемъ, Наденька, сказалъ ей Верстовскій — чтобы съ

бокалами въ рукахъ поздравить съ полученіемъ отставки и пенсіи. Тебѣ давно пора отдохнуть отъ усиленныхъ трудовъ; теперь ты можешь почитать на лаврахъ, вполнѣ тобою заслуженныхъ.

Она, страшно блѣдная, стояла молча и пугливо оглядывала всѣхъ присутствующихъ, какъ бы стараясь понять сказанное.—Отставка!—вскричала она, наконецъ, голосомъ, въ которомъ слышалась вся боль ея души: „Я не служу! не буду играть! о, театр, театр!“...

И она безъ чувствъ упала па руки Верстовскаго. Онъ, конечно, нисколько того не желая, сдѣлался ея нравственнымъ убійцей; было бы гораздо благоразумнѣе осудить ее на всевозможныя служебныя непріятности, нежели прибѣгнуть къ такой крутой мѣрѣ; онъ долженъ былъ знать, что эта женщина не можетъ жить безъ театра. Оставшись безъ занятій, она не знала, что дѣлать, за что приняться, мучительная тоска не покидала ее ни на минуту. Къ несчастью она не любила ни читать, ни заниматься рукодѣліемъ, ни выѣзжать въ общество, ни принимать къ себѣ гостей,—для нея все это было скучно, не удовлетворяло ее; она любила, любила страстно только одно—и этого ее безжалостно лишили. Были дни, въ которые отъ страшной, невыносимой тоски она приходила въ полное отчаяніе, близкое къ безумію, и тогда, чтобы хотя на короткое время забиться и отдохнуть, она стала употреблять средства, которыя, наконецъ, сдѣлались для нея смертельнымъ ядомъ и свели въ могилу. Такъ печально окончилась эта прекрасная, блестящая жизнь. Она пережила Верстовскаго нѣсколькими годами, и много, очень много онъ выстрадалъ за свой неблагоразумный съ нею поступокъ; можетъ быть, эти тайныя страданія и ускорили его смерть.

Въ контору театра пришло извѣстіе изъ Петербурга, что черезъ нѣсколько дней пріѣдетъ въ Москву директоръ Гедеоновъ. Начались приготовления къ его принятію, вездѣ выметали, чистили, бѣлили, все спѣшили привести въ порядокъ. Наконецъ, онъ пріѣхалъ и начались оффиціальныя представленія. Конторскіе чиновники облеклись въ парадные мундиры и вооружились шпагами; счастливые смертные, имѣвшіе знаки отличія, возложили ихъ на себя, кто на грудь, а кто и на шею, а одинъ чиновникъ, получившій на службѣ сначала крестъ Станислава 3-й степени, а потомъ 2-й, нашель не лишнимъ надѣть этотъ крестъ въ двухъ экземплярахъ—одинъ на грудь, другой на шею. Директоръ держалъ себя съ приличною важностью и былъ со всѣми оффиціально-холоденъ; но Верстовскій замѣтилъ, что

съ нимъ онъ былъ гораздо холоднѣе, нежели съ другими. Это его, какъ чело­вѣка очень нервнаго и самолюбиваго, до того потрясло и оскорбило, что онъ почувствовалъ себя очень дурно и на другой день прислалъ директору рапортъ о своей болѣзни и прошеніе объ отпускѣ для поправленія здоровья. Отпускъ былъ ему немедленно данъ, и онъ уѣхалъ въ свое небольшое под­московное имѣніе. Этой поѣздкой онъ рассчитывалъ достигнуть двухъ цѣлей: во-первыхъ поправить свое серьезно разстроенное здоровье и, кромѣ того, онъ надѣялся, что его отсутствіе заставитъ почувствовать директора, что для успѣшнаго хода театральныхъ дѣлъ Верстовскій не­обходимъ. Эта надежда не обманула Верстовскаго.

Во время его отпуска, исправляющимъ должность инспектора репер­туара былъ сдѣланъ Коровкинъ, авторъ нѣсколькихъ водевилей, которые въ свое время не безъ успѣха были играны на сценахъ Петербурга и Москвы. Онъ былъ чело­вѣкъ очень не глупый, получившій университетское образо­ваніе и любившій искусство, но еще очень молодой и потому безпрестанно увлекался и подъ впечатлѣніемъ минуты дѣлалъ частыя ошибки; онъ нерѣдко позволялъ себѣ дерзкія выходки относительно артистовъ и, въ заключеніе, пополнялъ спектакли своими пьесами, для постановки которыхъ назна­чалъ излишне-усиленные репетиціи, что, конечно, было для артистовъ очень непріятно и обременительно. Директору все это было извѣстно; онъ посмотрѣлъ вокругъ себя и не нашелъ чело­вѣка надежнаго и пони­мающаго дѣло, которому бы можно было довѣрить управление сценой. Вслѣдствіе этого Верстовскій получилъ отъ него очень ласковое письмо, въ которомъ онъ просилъ его пріѣхать въ Москву и заняться прежнимъ дѣломъ, если настолько поправилось его здоровье. Разумѣется, Верстов­скій не заставилъ повторить этого приглашенія, онъ явился къ директору и былъ имъ принятъ очень ласково. Тутъ Верстовскій узналъ и причину прежней холодности къ нему директора. Еще бывши въ Петербургѣ, Ге­деоновъ получилъ изъ Москвы нѣсколько анонимныхъ писемъ, въ которыхъ Верстовскій обвинялся въ безчисленныхъ злоупотребленіяхъ. Конечно, это подло, но не удивительно,—такая подпольная литература въ порядкѣ вещей; странно только то, что Гедоновъ повѣрилъ этимъ письмамъ, ко­торыя уже и потому не заслуживали довѣрія, что были безыменныя. Болѣзанъ и скоро смерть Васильцевскаго сдѣлала вакантнымъ мѣсто упра­вляющаго конторой. Директоръ предложилъ это мѣсто Верстовскому, и тотъ его принялъ; Гедоновъ просилъ его не забывать и сцены,

на что Верстовскій замѣтилъ, что если-бы онъ былъ сдѣланъ управляющимъ театромъ, чего онъ очень желалъ, тогда-бы онъ имѣлъ на это полное право, а какъ онъ теперь только управляющій конторой, то можетъ имѣть на сценѣ столкновеніи съ инспекторомъ репертуара, который есть главный начальникъ искусственной части. Но Гедеоновъ успокоилъ его тѣмъ, что обѣщаль поставить на это мѣсто такого человѣка, съ которымъ невозможно будетъ никакое столкновеніе, и онъ сдержалъ свое обѣщаніе.

Исправляющимъ должность инспектора репертуара былъ сдѣланъ Алексѣй Степановичъ Мельгуновъ. Онъ былъ русскій баринъ, не совсѣмъ злой и не совсѣмъ добрый, очень богатый, довольно тучный; невозмутимо самодовольный и совершенно увѣренный, что превосходно пошимаеть драматическое искусство, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ не зналъ и азбуки этого искусства. Разумѣется, Верстовскій очень скоро его понялъ, завладѣлъ имъ и управлялъ по своей волѣ. Нерѣдко, ради развлеченія, заставлялъ его выдѣлывать очень смѣшныя вещи. Вотъ одинъ изъ такихъ курьезовъ.

Не знаю, какъ теперь, а прежде у насъ всегда составляли репертуаръ спектаклей заранѣе, на недѣлю, а иногда и на двѣ. Его составляли режиссеры, а инспекторъ скрѣплялъ своею подписью, и онъ вывѣшивался въ репетирной залѣ для того, чтобы артисты видѣли, когда и въ чемъ они будутъ заняты, и могли бы заранѣе заняться той или другой ролью. Такъ и теперь, я и мой товарищъ Акимовъ, принесли Мельгунову составленный репертуаръ и прочитали его. Онъ прослушалъ молча, потомъ сказавши намъ, чтобы подождали, началъ ходить по комнатѣ, часто останавливался и теръ рукою лобъ. Было видно, что онъ старался что-то вспомнить.

— А, вспомнилъ! сказалъ онъ и усѣвшись въ кресло, съ важностью спросилъ у насъ:

— Почему вы не поставили здѣсь прехорошенькой пьески „Дѣловой человѣкъ“ или „Дѣло въ шляпѣ“?

Я отвѣтилъ, что эта пьеса сама по себѣ не имѣетъ особеннаго достоинства, къ тому-же она очень давно шла и потребуеть нѣсколько репетицій, успѣхъ-же ея на сценѣ едва-ли оправдаетъ эти труды.

— Не правда-съ, возразилъ Мельгуновъ:— пьеска премиленькая, я ее видѣлъ, въ ней Шумскій играетъ чиновника и какъ играетъ!— надѣлъ на себя темнозеленый фракъ съ гербовыми пуговицами и на шею повѣ-

силъ орденъ; ну рѣшительно настоящій чиновникъ! Непремѣнно поставьте эту пьесу.

Я замѣтилъ, что Шумскій игралъ ее уже очень давно, и едва-ли согласится играть теперь, потому что у него большой репертуаръ изъ серьезныхъ пьесъ, а сверхъ того, онъ участвуетъ почти въ каждомъ бенефисѣ.

— Это ничего не значить, сказалъ Мельгуновъ; вы только скажите ему отъ меня и онъ съ радостью ее сыграетъ.

Шумскій былъ въ театрѣ, что-то репетировалъ, и я объявилъ ему желаніе Мельгунова. Разумѣется, онъ наотрѣзъ отказался и сказалъ, чтобы и впередъ не относились къ нему съ такими ролями,—онъ играть ихъ не будетъ. Мельгуновъ вспыхнулъ отъ досады, когда я передалъ ему отвѣтъ Шумскаго.

— Такъ онъ будетъ-же играть эту роль!

Проговоривъ это, онъ скоро ушелъ въ контору къ Верстовскому, конечно для совѣта. Черезъ полчаса онъ возвратился и съ торжествующимъ видомъ, сказалъ:

— „Шумскій не хочетъ сыграть этой роли, такъ скажите-же ему отъ меня, что ужъ онъ и никогда ее играть не будетъ!“ и увѣренный, что примѣрно наказалъ Шумскаго, онъ былъ очень доволенъ собою... Разумѣется, такъ сказать научилъ его Верстовскій и такіе случаи бывали нерѣдко.

VII.

М. Н. Загоскинъ въ первое время своего директорства очень любилъ балетное искусство и ежегодно ставилъ новые балеты, постановка которыхъ стоила большихъ денегъ: но, къ счастью, балеты того времени постоянно привлекали къ себѣ многочисленную публику, и затраченные на нихъ деньги всегда возвращались дирекціи. Хотя Загоскинъ очень скоро охладѣлъ къ балетамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ко всѣмъ другимъ родамъ сценическаго искусства, но постановка новыхъ балетовъ продолжалась попрежнему, въ силу установившагося порядка. Директоръ Гедеоновъ засталъ нашу балетную труппу въ полномъ составѣ и въ очень хорошемъ состояніи—въ отношеніи искусства; первой балериной была талантливая Санковская, а первымъ танцовщикомъ и балетмейстеромъ—Герино; всѣ остальные дѣятели, отъ солистовъ до кордебалета, хорошо знали свое дѣло и безукоризненно его исполняли. Но Гедеоновъ нашель нужнымъ привезти изъ Петербурга первую танцовщицу петер-

бургскаго театра—Андрейнову и съ нею съ десятокъ корифеекъ изъ воспитанницъ Петербургской школы. Съ прїѣздомъ Андреевой, Санковская почти не появлялась на сценѣ и публика очень сердилась, что не видитъ своей любимицы. Андреева была хорошая танцовщица, но уступала Санковской въ легкости и граціи, пантомима ея былъ очень размахиста, условна и рутинна, тогда какъ у Санковской она была чрезвычайно граціозна, естественна и до того выразительна, что она была понятна для всѣхъ, отъ кресель и до райка. Публика недоумѣвала и спрашивала другъ у друга: зачѣмъ-же эта гостья? и почему не пускаютъ на сцену Санковскую? Когда же сдѣлалось извѣстно, что Андрейнову привезли въ Москву съ единственною цѣлью дать ей возможность заработать деньги посредствомъ усиленной перспективной платы и бенефиса, который былъ ужъ ей назначенъ, тогда публика пришла въ большое негодованіе. Любители театра раздѣлились на два враждебные другъ другу лагеря: въ одномъ, самомъ многочисленномъ, находились сторонники Санковской,—застрѣльщиками у нихъ была вся учащаяся молодежь съ университетомъ впереди; въ другомъ лагерѣ были защитники Андреевой. Война была объявлена и начался ожесточенный бой: стоило только кому нибудь изъ андрейнистовъ заплодировать Андреевой, сейчасъ же со всѣхъ сторонъ раздавалось шиканье. Понятно, что Андреевой было невесело танцевать подъ такую музыку и она громко говорила всѣмъ и каждому, что все это дѣлается вслѣдствіе интригъ Санковской. Это было несправедливо: напротивъ того, Санковская въ это время вела себя очень умно, осторожно и съ большимъ тактомъ: она никому не жаловалась и ни у кого не заискивала участія, она даже очень рѣдко показывалась въ театрѣ. Когда объ этомъ несправедливомъ обвиненіи узнали санковисты, то ихъ прежнее нерасположеніе къ Андреевой превратилось въ ненависть, а нѣсколько отчаянныхъ санковистовъ довели эту ненависть до крайнихъ предѣловъ и произвели небывалый отвратительный скандалъ. Шелъ балетъ,—не помню какой именно, Андреева была на сценѣ: вдругъ къ ея ногамъ падаетъ довольно большая мертвая кошка, вся разукрашенная бантами и лентами. Съ Андреевой сдѣлалось дурно, а публика была такъ возмущена отвратительнымъ поступкомъ, что забывъ всю рознь и всю вражду, дружно соединилась въ одинъ громкій протестъ за оскорбленную женщину и съ необыкновеннымъ единодушіемъ нѣсколько разъ вызывала Андрейнову. Едва опустился за нею занавѣсъ, какъ на

сценѣ раздались крики и шумъ; занавѣсъ снова поднялся и публика увидѣла, что сцена наполнена артистами балета и всѣхъ другихъ труппъ. Они стояли, оборотясь къ той сторонѣ, гдѣ была уборная Андреевнѣ и громко ее вызывали; этимъ они, какъ артисты, заявляли свое сочувствіе оскорбленной артисткѣ. Публика ихъ поняла, присоединилась къ нимъ и начался общій оглушительный вызовъ,—кричали и аплодировали на сценѣ и въ зрительномъ залѣ, дамы изъ ложъ махали платками. Андреевна, чрезвычайно взволнованная, вся въ слезахъ, благодарила публику и съ рыданіемъ обнимала близъ стоявшихъ артистокъ. Это была минута полного ея торжества. Ярые санковисты, рыцари кошки, оказали Санковской медвѣжьёю услугу, а Андреевнѣ дали возможность очень много выиграть въ глазахъ публики; теперь санковисты считали своимъ долгомъ хотя сколько нибудь смягчить сдѣланное ей оскорбленіе, и если они не аплодировали ей сами, то и не мѣшали аплодировать другимъ.

Въ этомъ театральномъ сраженіи хотя никто не лишился жизни, но жизнь многихъ была испорчена. Такъ, университетское начальство нашло нужнымъ удалить изъ университета нѣсколько студентовъ, единственно за то, что они громко выражали свою неприязнь къ Андреевнѣ. Такое наказаніе очень превышаетъ проступокъ; эти строгіе судьи не хотѣли подумать, что они имѣли дѣло съ очень еще молодыми людьми, а молодость безъ глупости на словахъ, на бумагѣ и на дѣлѣ, все равно, что разводъ безъ музыки—сказалъ одинъ писатель 20 годовъ.

Г-жа Андреевна очень печально окончила свое артистическое поприще: выйдя изъ театра, она набрала небольшую балетную труппу и, въ качествѣ антрепренерши, отправилась давать представленія въ Одессѣ. Выборъ времени для такой поѣздки былъ очень неудаченъ,—это было именно въ ту грозную эпоху, когда уже начался прологъ кровавой севастопольской драмы. Нѣкоторые изъ артистовъ ея труппы, не успѣвши во время уѣхать изъ Одессы, были очевидцами какъ англійскіе корабли бомбардировали этотъ городъ. Съ разстроеннымъ здоровьемъ и разстроеннымъ состояніемъ возвратилась Андреевна въ Петербургъ, гдѣ ожидала ее жизнь, полная лишеній; часто она нуждалась даже въ самомъ необходимомъ и вскорѣ умерла.

VIII.

Директоръ Геденовъ былъ человекъ добрый, но его доброта зависѣла главнымъ образомъ отъ его личнаго расположенія. Если онъ нахо-

дился въ хорошемъ настроеніи духа, то часто осыпалъ своими благодареніями перваго попавшагося ему на глаза, хотя бы онъ того совсѣмъ и не заслуживалъ, и наоборотъ, если онъ былъ разсерженъ, то не рѣдко отказывалъ въ помощи самой вопіющей нуждѣ. Приѣзжая въ Москву, онъ всегда привозилъ своего секретаря; этимъ секретаремъ былъ нѣсколько лѣтъ нѣкто Примъ; потомъ Гедеоновъ далъ ему мѣсто въ петербургскомъ театрѣ, кажется смотрителя за гардеробомъ, и приѣхалъ къ намъ уже съ новымъ секретаремъ, Беккеромъ, бывшимъ прежде комическимъ танцовщикомъ петербургской балетной труппы. Онъ имѣлъ красивый почеркъ и говорилъ по-французски не совсѣмъ правильно, но довольно бойко. Однажды Гедеоновъ былъ очень веселъ, прохаживался по комнатѣ, поглаживая бакенбарды, что всегда означало его хорошее расположеніе. Въ другой комнатѣ сидѣлъ Беккеръ и писалъ.

— Беккеръ! крикнулъ Гедеоновъ. Беккеръ явился. — Сколько ты получаешь жалованья?

Беккеръ сказалъ незначительную цифру. — Съ нынѣшняго дня ты будешь получать полный окладъ жалованья.

Беккеръ низко поклонился.

— Бенефись въ лучшее время.

Поклонъ еще ниже.

— Я дѣлаю тебя режиссеромъ здѣшней драматической труппы.

Беккеръ осмѣлился робко проговорить: „Ваше превосходительство, здѣсь режиссеръ есть“.

— Это ничего. Ты будешь главнымъ режиссеромъ. Пиши сейчасъ объ этомъ бумагу въ контору и подай мнѣ подписать.

Бумага написана. Директоръ подписалъ и она отослана въ контору. Дѣло сдѣлано и Беккеръ не помнилъ себя отъ радости: вдругъ столько неожиданныхъ благъ! точно они съ неба свалились! Онъ никогда не смѣлъ и мечтать о такомъ счастьи, ему даже никогда и во снѣ не снилось ничего подобнаго: и полный окладъ, и бенефись, и главный режиссеръ. Последняя милость едва ли не больше всего его радовала: онъ былъ очень честолюбивъ.

Но потомъ новопоставленный главный режиссеръ крѣпко призадумался. „Чтоже я буду дѣлать въ этой новой должности? спрашивалъ онъ себя; а вѣдь дѣлать что нибудь надо“. Долго онъ ломалъ голову надъ этимъ вопросомъ и наконецъ остановился на подписаніи бумагъ, выходящихъ изъ

режиссерской канцелярии, а эти бумаги были весьма важнаго содержанія: записка труппному капельдинеру объ репетиціяхъ на завтрашній день, нарядъ на экипажи для артистовъ, рапортъ о вчерашнемъ спектаклѣ и тому подобное. На этихъ лоскуткахъ бумаги Беккеръ съ большимъ удовольствіемъ подписывалъ: „Главный режиссеръ московскаго театра Н. Беккеръ“. Если пьесу, сыгранную въ первый разъ на сценѣ Петербурга или Москвы посылаютъ для представленія въ другой театръ, тогда на пьесѣ подписываются такъ: „Съ цензурованнымъ вѣрно. Режиссеръ такой-то, годъ и число“. Разумѣется Беккеръ и этотъ трудъ принялъ на себя и на пьесахъ, посылаемыхъ въ Петербургъ, онъ съ большимъ стараніемъ воспроизводилъ всю свою должность. Въ Петербургѣ былъ въ это время режиссеромъ Куликовъ, авторъ многихъ пьесъ. Конечно ему, какъ умному человѣку, была смѣшна эта подпись несуществующей должности. Вскорѣ одинъ изъ нашихъ бенефициантовъ выписалъ изъ Петербурга одноактную комедію Полеваго, подъ названіемъ „Сигарка“; на ней Куликовъ подписалъ. „Съ цензурованнымъ вѣрно. Самый главный режиссеръ Куликовъ“. Это очень оскорбило Беккера; онъ взялъ пьесу къ себѣ домой и на другой день возвратилъ ее, но на ней словъ: „самый главный“ уже не было, онъ ихъ подчистилъ. Въ постановку новыхъ пьесъ Беккеръ не вмѣшивался, потому что не зналъ этого дѣла, но на всѣ сценическія репетиціи непременно являлся и садился на видномъ мѣстѣ, на авансценѣ, около будочки суфлера и такимъ образомъ просиживалъ по цѣлымъ часамъ молча и ничего не дѣлая. Пожалуй и это трудъ, да еще и не малый. Иногда его соблазняло желаніе порисоваться и покорчить изъ себя начальника, но это всегда выходило у него какъ-то неловко, безтактно и очень комично. Ленскій какъ-то не явился разъ на репетицію. На другой день, когда онъ пришелъ на сцену, Беккеръ, сидя на своемъ мѣстѣ, громко и серьезно сказалъ ему.

— Дмитрій Тимофѣевичъ, вы вчера не явились на репетицію, за это слѣдовало-бы васъ поставить въ рапортъ и оштрафовать. Если въ другой разъ это случится, я непременно прикажу васъ записать въ рапортъ.

Ленскій, подойдя къ нему, серьезно сказалъ: — Какже вы смѣли не записать меня въ рапортъ за вчерашнюю неявку? Развѣ вамъ дано право карать и миловать по вашей собственной волѣ? Что вы здѣсь такое?

— Я здѣсь главный режиссеръ! сердито проговорилъ Беккеръ.

— Вотъ какъ-съ. А что же это за должность такая? спросилъ, улыбаясь Ленскій.

— Вы это скоро увидите! почти прокричалъ Беккеръ внѣ себя отъ досады.

— Буду ждать этого съ нетерпѣніемъ, продолжалъ Ленскій очень спокойно. Я васъ видѣлъ въ Петербургѣ на сценѣ въ роли Жоко, бразильской обезьяны; въ этой роли вы были очень хороши, а вотъ въ этой роли главнаго режиссера я еще не имѣлъ удовольствія васъ видѣть, а очень желательно.

— Г. Ленскій, я на васъ буду жаловаться.

— А я на васъ сейчасъ пожалуюсь за преувеличеніе власти: вы не имѣли права прощать меня.

Тутъ вышались нѣкоторые изъ артистовъ и постарались окончить ссору мировой. Одного этого случая достаточно, чтобы показать, какъ артисты смотрѣли на Беккера; одни называли его плтымъ колесомъ, другіе—глазомъ и ухомъ директора. Вообще, щедрія милости Гедеонова не сдѣлали бѣднаго Беккера счастливымъ. Онъ чувствовалъ себя въ ложномъ положеніи и безпрестанно ожидалъ какихъ нибудь оскорбленій, прямыхъ или косвенныхъ, отчего сдѣлался очень обидчивъ и раздражителенъ и не имѣлъ почти ни минуты полного спокойствія—а гдѣ нѣтъ, спокойствія, тамъ нѣтъ счастья. Не долго онъ побылъ главнымъ режиссеромъ: холера въ нѣсколько дней лишила его жизни; вмѣстѣ съ нимъ умерло навсегда и главное режиссерство.

IX.

Гедеоновъ смотрѣлъ на петербургскій театръ, какъ на свое родное дѣтище, а на московскій, какъ на приемыша; съ московскими артистами онъ всегда обходился холодно и какъ-то свысока, а съ каждымъ пріѣхавшимъ изъ Петербурга онъ былъ очень разговорчивъ и ласковъ; все истинно прекрасное на московской сценѣ, все выходящее изъ круга обыкновеннаго или имъ не замѣчалось, или онъ относился къ нему съ оскорбительнымъ равнодушіемъ. Естественно, что отъ такой постоянной холодности главнаго начальника стала у артистовъ пропадать энергія и любовь къ дѣлу, и это, по моему мнѣнію, было первымъ шагомъ къ упадку искусства; а

туть на помощь этому подоспѣла усиленная проспектакльная плата, и артисты стали заниматься не качествомъ ролей, а ихъ количествомъ: чѣмъ больше ролей, тѣмъ чаще придется играть и больше получить денегъ; объ художественной отдѣлкѣ, объ созданіи ролей туть некогда и думать, впо-ру-бы только выучить. Если и оставались, и теперь еще остаются, истинные художники, служащіе искусству для искусства, то они составляли и составляютъ самое ограниченное меньшинство, самое почетное исключеніе.

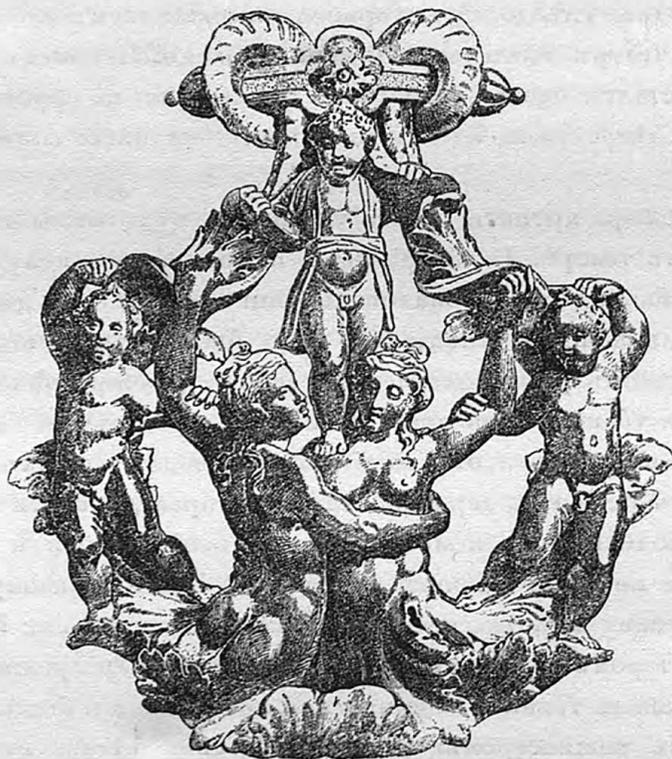
1853-й годъ останется навсегда памятнымъ московскимъ артистамъ; этотъ годъ ознаменованъ печальнымъ событіемъ — пожаромъ Большаго театра. Туть казна потерпѣла убытка на многія сотни тысячъ, а у артистовъ сгорѣло много надеждъ и ожиданій, много разрушено счастья и нѣсколько человекъ заплатились жизнью. Утро 11 марта 1853 года было сѣренькое, безсолнечное, въ воздухѣ носился туманъ не густой, но мѣшавшій ясно видѣть отдаленные предметы. Былъ девятый часъ, я собирался итти въ театръ; въ это время вошелъ ко мнѣ театральнй медикъ Л., жившій со мною. — Ты ничего не слыхалъ? — спросилъ онъ. — Ничего, а что такое? — Да говорятъ, что театръ горитъ, только не знаю который. Я бросился къ окну, изъ котораго былъ виденъ верхній этажъ Большаго театра и крыша Малаго, но туманъ не позволялъ ясно рассмотретьъ; только было видно, что какая-то движущаяся темная масса стояла надъ этими зданіями. Я сейчасъ-же отпирался и увидѣлъ, что горитъ Большой театръ и какъ горитъ! Я до тѣхъ поръ не могъ представить себѣ, чтобы солидное каменное зданіе могло горѣть съ такою силою. Огонь особенно свирѣпствовалъ на сценѣ и въ зрительной залѣ, оттуда проникъ въ верхніе этажи; нижній уцѣлѣлъ, благодаря своимъ сводамъ. На мѣсто катастрофы однимъ изъ первыхъ явился Верстовскій. Благодаря его энергіи и быстрой распорядительности, была спасена театральная касса и всѣ нужныя конторскія бумаги. (Я уже говорилъ, что контора помѣщалась въ Большомъ театрѣ). Скоро собравшіяся пожарныя команды не могли принести существенной пользы, потому что внутрь театра взойти было невозможно, по причинѣ страшнаго жара, а снаружи онѣ не могли дѣйствовать, потому что ихъ лѣстницы не доставали и до половины зданія, и онѣ оставили его горѣть на свободѣ. И горѣлъ-же нашъ Большой театръ ужаснымъ адскимъ огнемъ, и горѣлъ онъ цѣлую недѣлю! Въ первый день жаръ былъ такъ силенъ, что на площади противъ театра и на всѣхъ сосѣднихъ ули-

цахъ растаялъ снѣгъ. Къ сожалѣнію, въ этотъ пожаръ погибло нѣсколько рабочихъ, которые оставались въ театрѣ, по случаю ревизіи декорацій. Помимо великолѣннаго зданія, самая цѣнная потеря заключалась въ богатѣйшемъ гардеробѣ, который, не знаю почему и для чего, помѣщался въ самомъ верхнемъ этажѣ театра. Многочисленные толпы народа тѣснились на площади и на всѣхъ смежныхъ улицахъ: въ лицахъ этихъ зрителей большею частью было видно одно любопытство, а на иныхъ даже удовольствіе, вѣроятно отъ дароваго спектакля. Артисты-же бродили вокругъ горѣвшаго зданія съ понижшими головами и печальными лицами: горѣло ихъ родное гнѣздо, съ которымъ они свыклись и сжились—артисты любятъ свой театръ, какъ морякъ свой корабль. Наконецъ, отъ прекраснаго зданія остался одинъ безобразный скелетъ: на фронтонѣ главнаго подъѣзда уцѣлѣла, какъ-бы въ насмѣшку, надпись: „возобновленъ въ 1845 году“.

Послѣ пожара артисты всѣхъ труппъ и музыканты столпились въ одномъ Маломъ театрѣ. Балету, оперѣ и большому числу музыкантовъ почти нечего было дѣлать, а жалованье они получали отъ дирекціи; сверхъ того, почти для каждаго спектакля надо было дѣлать новые костюмы. Находясь въ такомъ финансовомъ затрудненіи, дирекція рѣшилась на крайнюю мѣру—на убавку артистовъ. Не знаю кому поручено было составить списокъ увольняемыхъ, этотъ скорбный листъ для живыхъ покойниковъ, но составитель не всегда держался строгой справедливости и безпристрастія. Были уволены лица полезныя и даже необходимыя, и оставлены тѣ, чье отсутствіе не было-бы совсѣмъ замѣтно. Здѣсь я назову нѣкоторыхъ, которые, по моему мнѣнію, несправедливо были уволены: Щепинъ былъ полезнымъ актеромъ и потомъ прекраснымъ опернымъ режиссеромъ; Акимовъ хорошо зналъ технику сценической постановки и былъ дѣйтельнымъ драматическимъ режиссеромъ; Соколовъ весьма вѣрно исполнялъ роли купцовъ; Кашина была полезной актрисой въ роляхъ пожилыхъ женщинъ и старухъ. Эти люди сознавали, что они полезны и даже необходимы, а потому никакъ не думали, что ихъ постигнетъ такая горькая участь. Послѣдствія доказали, какъ былъ для нихъ тяжелъ этотъ неожиданный ударъ: Щепинъ помѣшался, и не придя въ сознаніе, скоро умеръ; у Акимова развилась опасная болѣзнь, которая свела его въ могилу; у Соколова вся нравственная скорбь прежде всего отразилась на зрѣніи; онъ ослѣпъ и недолго влачилъ свою темную жизнь.

Грустно и тяжело становится на сердце, когда вспомнишь объ этомъ: вѣдь всѣ эти люди были далеко не старые и могли-бы еще долго прожить, если-бы не было этого роковаго исключенія.

С. П. Соловьевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Сильные и слабые. Пьеса въ 4 актахъ, <i>Н. Тилковскаго</i>	1
Двадцать пять лѣтъ изъ жизни московскаго театра. <i>С. П. Соловьева</i> .	92

